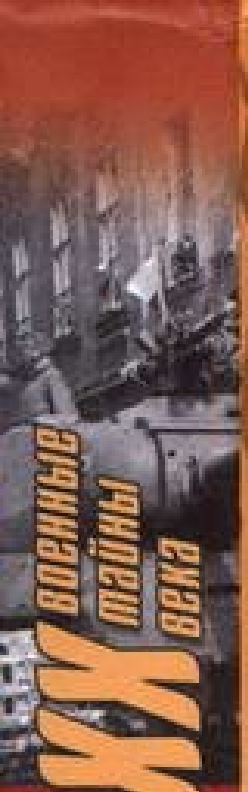
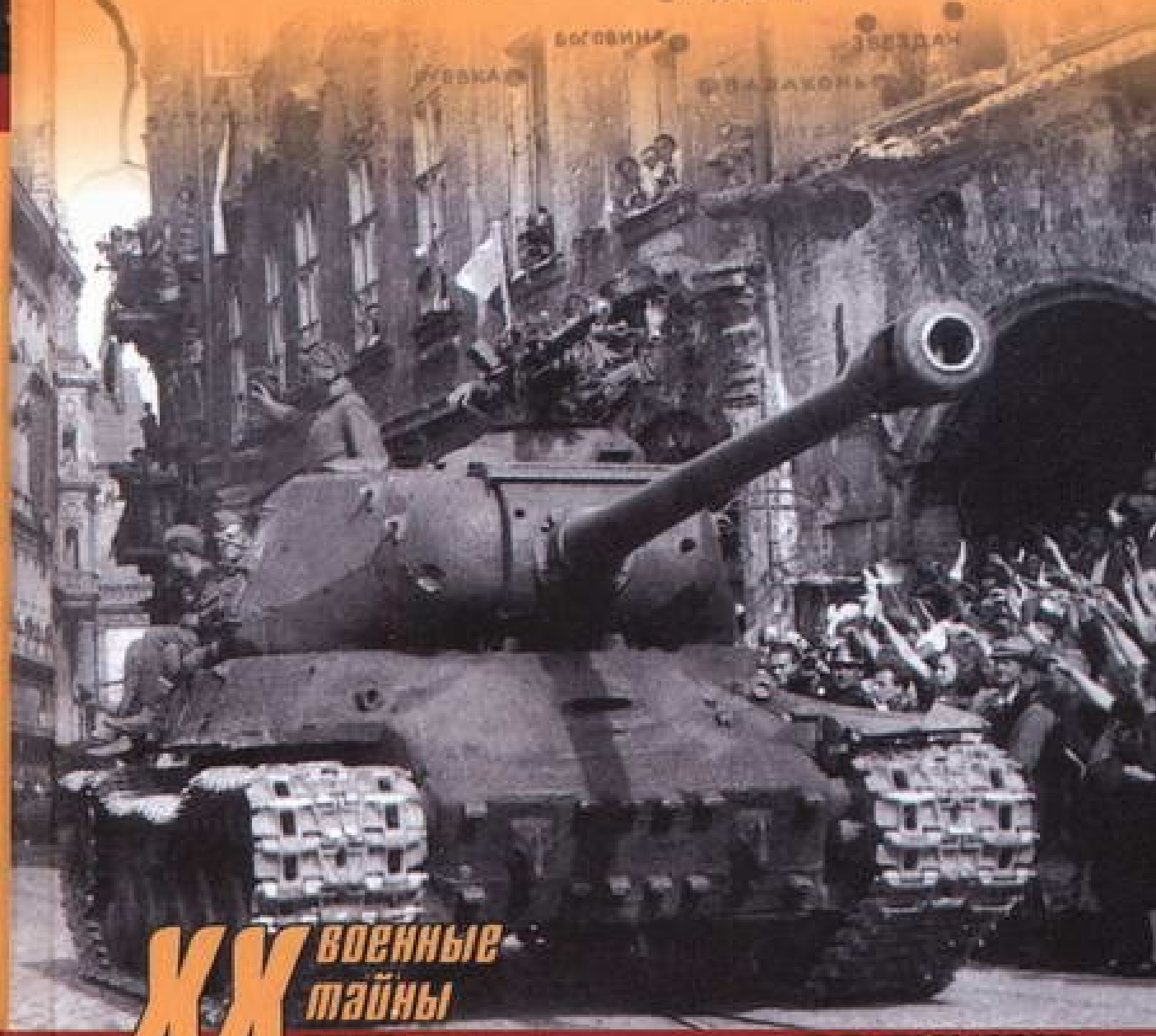


ЖЖ военные тайны века

КТО ОСВОБОДИЛ ПРАГУ В 1945 г.

КТО ОСВОБОДИЛ ПРАГУ В 1945 г.

Загадки Пражского восстания



ЖЖ военные тайны века

О.С. СМЫСЛОВ

Annotation

В своей новой книге О.С. Смыслов рассказывает о событиях в Праге в мае 1945 года. Особое внимание уделяется помощи Советского Союза Чехословакии в народно-освободительной борьбе против нацизма, ходу Пражского восстания, участию в нем солдат 1-й дивизии РОА генерала Власова. Проанализировав многочисленные источники, автор мотивированно отвечает на вопрос — кто же на самом деле освободил Прагу в мае 1945 года?

Книга издается в авторской редакции.

- О.С. Смыслов
  - ОТ АВТОРА
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
  - Глава 11.
  - Глава 12.
  - Глава 13.
  - Глава 14.
  - ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - ПРАЖСКОЕ ВОССТАНИЕ 5—9 мая 1945 г.
    - ОСОБЫЙ ПРИКАЗ ПО 600-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ РОА 8.5.45. Д. СУХОМАСТ
    - ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н.А. МЕЗЕЛЕВА (ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА ИМ. ЯНА ГУСА)
    - ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА П.Н. ЛУКНИЦКОГО
    - ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА 25-го ТАНКОВОГО КОРПУСА ВОЕННОМУ СОВЕТУ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О

ПЛЕНЕНИИ КОМАНДУЮЩЕГО РОА ВЛАСОВА А.А.
        - ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 4-й ТАНКОВОЙ АРМИИ ГВ. ПОЛКОВНИКА КЛАДОВОГО ОТ 18 МАЯ 1945 г. ОБ ОТНОШЕНИЯХ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ К НЕМЦАМ
        - ПРИКАЗ ВГК ОТ 9 МАЯ 1945 ГОДА № 369
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63

- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102

- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141

- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180

- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219

- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258

- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285

О.С. Смыслов

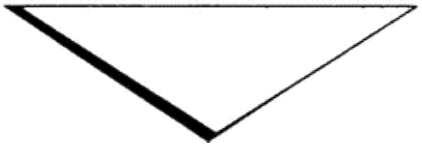
КТО ОСВОБОДИЛ ПРАГУ В 1945 г.

Загадки Пражского восстания

ОТ АВТОРА

Еще не так давно в нашей стране вряд ли кто бы усомнился в том, что именно Красная (Советская) Армия, спешившая на помощь восставшим пражанам, освободила Прагу в мае 1945 г. Однако после развала Советского Союза очень многие исторические факты из нашего прошлого стали подвергаться сомнению или вовсе отрицанию. Такова современная действительность. Защитники власовщины теперь еще больше, чем сами власовцы, настойчиво продолжают доказывать нам, что 1-я дивизия РОА (так называемой Русской освободительной армии) или ВС КОНР (так называемых Вооруженных Сил Комитета Освобождения народов России) всего за несколько майских дней внесла свой весомый вклад в освобождение Праги. Именно это утверждение появилось в 1990-е гг. и до сих пор базируется, прежде всего, на воспоминаниях самих власовцев. Параллельно существует и еще одна версия событий, будто бы Прагу никто не освобождал. Пражское восстание закончилось, власовцы и фашисты вышли из города, и только потом туда вошла Красная Армия…

Эта книга — своего рода попытка взвесить все «за» и «против» и поставить точку в этом вопросе, чтобы потомкам воинов-победителей никогда более не пришло в голову считать освобождение Праги не их предками солдатами-освободителями, а всего лишь кучкой наших соотечественников, по воле случая оказавшихся на стороне Гитлера. И уж тем более отрицать сам факт Пражской стратегической наступательной операции мая 1945 г. и ее результаты.



Глава 1.
ПРО ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ

Известный советский писатель и журналист Борис Николаевич Полевой в годы войны, как и многие его коллеги, находился в действующей армии в качестве корреспондента «Правды». 11 мая 1945 г., под впечатлением услышанного и увиденного им лично, он напишет в газету статью: «Прага освобождена от немецко-фашистских банд! Эти слова, переданные вчера полевой рацией прославленного генерала танковых войск Лелюшенко, были приняты военными радиостанциями под утро, когда фронтовой народ, ликуя, праздновал долгожданную победу.

Освобождение Праги означало не только изгнание немецких оккупантов из столицы Чехословакии. С военной точки зрения оно означало ликвидацию последнего крупнейшего очага сопротивления немцев, где вопреки подписанному акту о капитуляции они еще пытались продолжать войну.

Вопреки этому документу большая группа немецких войск, так называемая «Митль-группа», руководимая фельдмаршалом Шернером, все еще вела активные бои.

Теснимая нашими наступающими частями, она прикрывалась сильными арьергардами и, оказывая сопротивление на каждом рубеже, начала откатываться на юг, в Чехословакию, чтобы закрепиться за высокой грядой Рудных гор. Эти отпетые гитлеровцы имели, по-видимому, своей целью соединиться с немецкими войсками, оккупировавшими Чехословакию, и развернуть бой в районе Праги.

Тогда наше командование отдало приказ преследовать и неотступно уничтожать нарушившие условия капитуляции войска «Митль-группы». Чтобы не дать им соединиться с оккупационными немецкими частями Чехословакии и предупредить занятие ими Праги, что неминуемо вызвало бы разрушение города, танкисты генералов Лелюшенко и Рыбалко получили приказ прорваться сквозь фронт отступающих неприятельских войск, оставить их в тылу и, стремительно продвигаясь на юг, освободить от оккупантов столицу Чехословакии, прежде чем в нее успеет ворваться Шернер со своими бандами.

Вот этот-то поистине молниеносный удар и был совершен нашими танкистами в историческую ночь, когда весь советский народ, а с ним

вместе свободолюбивые народы всего мира праздновали победу над гитлеровской Германией. Танкистам предстояло за ночь пройти с боями почти сто километров. Но главная трудность состояла не в этом: путь наступающим преграждали высокие гряды гор, тянущихся с запада на восток несколькими параллельными хребтами. Эти горы невысоки, но очень круты.

Дороги через них местами висят над пропастями, перевалы узки и извилисты.

И вот танковые части 1-го Украинского фронта начали эту историческую операцию.

Пока еще трудно воспроизвести ее во всех подробностях, но по отрывочным сведениям, уже поступившим по радио, и по рассказам самих танкистов, слышанным мною в Праге, картина этого ночного перехода танковых соединений через горы рисуется так. Танки рвались вперед, сметая на пути вражеские заслоны. Подчас на горных речках танкисты вылезали из машин и вместе с мотопехотинцами, которые ехали на броне, превращались в саперов, наводя мосты и выкладывая деревянные гати.

В топких лощинах, на перевалах и узких горных дорогах немцы успели устроить труднопреодолимые завалы. Огромные срубленные сосны были опутаны проволокой и заминированы. Каждая минута стоила выигранного боя, и танкисты разметывали эти завалы сокрушающим огнем своих пушек и шли дальше по узким, витым дорогам, пробираясь там, где обычно ездили только всадники.

Ночью, отбросив в бою последние вражеские заслоны, стальная лавина перевалила через хребты и сразу хлынула вниз, в долину. Внезапное появление наших танков ночью, за горными хребтами, было настолько неожиданным для командования «Митль-группы», что в долине немецкие засады порой даже не оказывали сопротивления и разбегались, бросая противотанковые пушки и не успевая убрать предупреждающие таблички с минных полей.

Под утро наши танки, еще раз опрокинув немецкие заслоны в предместьях Праги, ворвались в чехословацкую столицу и освободили ее»[{1}].

9 мая 1945 г. оперативная сводка Совинформбюро сообщила о том, что «Войска 1-го Украинского фронта, в результате стремительного ночного маневра танковых соединений и пехоты, сломили сопротивление противника и 9 мая в 4 часа утра освободили от немецких захватчиков столицу союзной нам Чехословакии город Прагу»[{2}]. А 9 июня 1945 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За освобождение Праги»:

«ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

от 9 июня 1945 г.

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МЕДАЛЕЙ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛГРАДА», «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ВАРШАВЫ» И «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ»

1. Удовлетворить ходатайство Народного Комиссариата Обороны СССР и учредить специальные медали «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги».

2. Наградить медалями «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги» всех непосредственных участников героического штурма и освобождения Белграда, Варшавы и Праги, а также организаторов и руководителей боевых операций при освобождении этих городов.

3. Утвердить Положение о медалях «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги».

4. Утвердить образцы и описание медалей «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги».

ПОЛОЖЕНИЕ

О МЕДАЛЯХ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛГРАДА», «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ВАРШАВЫ» И «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ»

1. Медалями «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги» награждаются военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД — непосредственные участники героического штурма и освобождения

Белграда, Варшавы и Праги, а также организаторы и руководители боевых операций при освобождении этих городов.

2. Вручение медалей производится от имени Президиума Верховного Совета СССР на основании документов, удостоверяющих фактическое участие в освобождении указанных городов, выдаваемых командирами частей и начальниками военно-лечебных заведений.

Вручение производится:

лицам, находящимся в войсковых частях Красной Армии и Военно-Морского Флота, — командирами войсковых частей, а лицам, выбывшим из состава армии и флота, — областными, городскими и районными военными комиссарами по месту жительства награжденных.

3. Медали «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги» носятся на левой стороне груди.

При наличии орденов и других медалей указанные выше медали (или ленты их в случае ношения без медалей) располагаются после медали «За взятие Берлина» справа налево в следующем порядке: «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги»…

ОПИСАНИЕ

МЕДАЛИ «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ»

Медаль круглая, диаметром 32 мм, изготовляется из латуни.

На лицевой стороне медали: вверху по окружности надпись «За освобождение», под ней надпись «Праги», внизу изображение восходящего солнца и двух лавровых веточек, соединенных под пятиконечной звездочкой. По окружности медаль окаймлена бортиком.

На оборотной стороне медали дата освобождения Праги: «9 мая 1945», под надписью пятиконечная звездочка.

Изображения и надписи на медали выпуклые.

Медаль при помощи ушка и кольца соединена с пятиугольной колодочкой, обтянутой сиреневой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Посредине ленты синяя полоска шириной 8 мм»[{3}].

По состоянию на 1962 г. медалью «За освобождение Праги» было награждено 395 тысяч человек[{4}].

Но вернемся к статье Бориса Полевого, чтобы узнать о том, что же воочию увидел и услышал военный корреспондент «Правды» в

освобожденной Праге: «Мы летим в освобожденную столицу Чехословакии, и под крылом самолета видны следы последнего нашего удара. По всем дорогам тянутся на север бесконечные, длинные вереницы пленных. Мы видим четко обозначенные на зелени нив зигзаги окопов, вокруг деревень и городков — дзоты, огневые точки, а в городах — баррикады на перекрестках. Танковые завалы, бетонные массивные шлагбаумы на въездах.

Вереница брошенных орудий, танков, тягачей. Пролетели над большим военным аэродромом, на котором в неприкосновенности в шахматном порядке стояли «хейнкели» и «фокке-вульфы». Все это оставлено, брошено, позабыто. Минуем город, еще дымящийся своими заводскими трубами, переваливаем через зеленые, лохматые хребты гор. И вот в сиянии великолепного весеннего дня, на фоне чистого синего южного неба по берегам извилистой и быстрой Влтавы зубцами своих башен, острыми кинжалами шпилей костелов и церквей встает чудесная, зеленая красавица — Прага.

Мы делаем над ней несколько кругов, ища место посадки, и, пока под нами, как в кино, проплывает этот великолепный город, я вспоминаю слова чешского патриота Дороша, старого пражского инженера из корпуса генерала Свободы, сказанные им далеко отсюда, в Карпатах, в первый день, когда чехословацкие солдаты вместе с Красной Армией освободили первые километры чехословацкой земли.

— Каждый из нас готов трижды умереть в бою, чтобы только дойти до Праги, поцеловать ее мостовую, выпить воду из светлой Влтавы.

И вот сбылась эта мечта. Красная Армия освободила и вернула своим славянским собратьям их чудесную столицу. Даже с самолета видны на улицах и на бульварах праздничные толпы и масса чехословацких трехцветных государственных флагов, бог весть кем сохраненных в течение шести лет немецкой оккупации и вот сегодня снова вывешенных на башнях, на балконах, на окнах.

Приземление немудреного нашего самолета на аэродроме неожиданно вызывает триумф. Это первый самолет Красной Армии, севший здесь, и, нам, как представителям Красной Армии, приходится принять адресованные ей восторги и уважение праздничной шумной пражской толпы, в несколько минут сбежавшейся сюда.

И уже тут, на Пражском аэродроме, ощущаешь во всей мощи и полноте то чудесное, восторженное отношение, которое питают к Красной Армии народы, освобожденные ею от немецкой оккупации, и чувством невольной гордости наполняется сердце за свое советское гражданство, за свой

русский офицерский мундир. Девушки протягивают нам букеты цветов, какие-то очень солидные и радостно оживленные люди протягивают записные книжки, требуя автографов.

Нам долго, вероятно, не вырваться из окружения этой толпы, если бы не патруль из местных партизан с трехцветными повязками на рукавах. Они остановили первую же проходившую легковую машину и, объяснив ее владельцу доктору Надену, кто мы, попросили его провезти нас по городу. От них мы узнали, что, прослышав о приближении наших танков, население во многих районах столицы подняло восстание, вооружилось спрятанным до поры до времени оружием и завязало бои с немецким гарнизоном. А сейчас повстанцы взяли на себя роль охранителей порядка и, нужно сказать, справляются с этим отлично.

На стареньком докторском «фордике», построенном, вероятно, на заре автомобилестроения, объезжаем мы залитые солнцем, полные ликующей толпой улицы Праги.

Открыто и шумно, со славянской сердечностью и непосредственностью празднует Прага день своего освобождения.

У группы наших танков на улице Масарика такая большая толпа, что по ней прекратилось движение.

Огромные стальные машины, как потом, покрытые маслом и пылью, украшены венками, лентами. Смущенные, улыбающиеся танкисты едва успевают отвечать на рукопожатия и принимать новые и новые букеты цветов. И тут же на гусеницах, отполированных долгими переходами, целая выставка съестного — корзиночки с яблоками и солеными помидорами, бутылками с молоком, кругленькие какие-то пирожки и зеленые сырки.

— Вот попали в окружение-то! — скалит белые зубы гвардии младший лейтенант Олег Еременко. — Говорим им: не надо, сыты мы вот так. Нет, несут и несут. Этак постоим еще здесь… Целый «гастроном» образуется.

Механик-водитель гвардии сержант Сережников говорит:

— Или вот цветы, венки эти самые, алые ленты, так нешто танк невеста, чтоб его убирать.

А их девчата, знай себе, нацепляют. Хороший народ. Такого душевного народа давно не видел.

Командиры танков рассказывали мне, что, когда передовые машины подошли к предместьям города, юноши и девушки из повстанческих отрядов с трехцветными повязками, вскочив на броню, показывали дорогу в обход немецким засадам, заминированным улицам, волчьим ямам и западням…

— Я хочу сказать, что мгновение, когда я увидела на дороге у Влтавы колонну ваших танков, было самым счастливым за все годы моей жизни, — заявила студентка Пражского университета, участница восстания Анжелика Петрашел.

— …Если бы это было можно, я перецеловала бы всех солдат и офицеров Красной Армии за то, что они освободили мою Прагу, — под общий дружный и одобрительный смех сказала Женевьева Прохаска, работница пражского трамвая..

Не хочется расставаться с веселой и солнечной Прагой.

Но пора. Ведь до телеграфа добрых 300 километров. И, сделав прощальный круг над городом, мы улетаем на север, унося с собой теплоту этих пражских встреч»[{5}].

Вряд ли можно усомниться в том, что увидел собственными глазами писатель Б. Полевой в освобожденной от фашистов и ликующей Праге. В этом красочном рассказе фронтового корреспондента нет даже капли лжи. Все абсолютная и чистая правда. Власовцев в городе уже не было, а советские танки вошли в Прагу, опрокинув немецкие заслоны в его предместьях. Да и как назвать город освобожденным от немцев до прихода Красной Армии, если в самом городе и за его пределами ликвидация последнего крупного очага сопротивления, вопреки подписанному акту о капитуляции, принадлежала именно ей. Почему-то 9 мая 1945 г. в Праге еще погибали советские солдаты и офицеры… Погибали они и 11 мая под Прагой…

— Когда попытка немцев сдаться американцам не удалась, — рассказывает А. Меленберг, — они уже выполняли условия советской стороны. Тогда невдалеке от чешского городка Пршибрам, в районе деревень Милин и Сливице, используя сильно пересеченную местность, эсэсовцы создали систему окопов и пулеметных гнезд, закопали в землю оставшиеся у них орудия и танки. Заняли круговую оборону.

А в Златой Праге тем временем бойцы и командиры праздновали Победу. Один Верховный главнокомандующий не терял бдительности. Директива Ставки № 11084: «10 мая 1945 г. 23 ч. 00… Войскам 2-го Украинского фронта продолжать энергичное продвижение на запад до соприкосновения с союзниками».

Утром 11 мая 2-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта Карпа Свиридова из состава 6-й гвардейской танковой армии получил задачу выдвинуться в город Пршибрам, где-то на 60 км от Праги в юго-западном направлении, чтобы там вступить в бой после Победы[{6}].

Как известно 9 июня 45-го были учреждены не только медали за освобождение городов, но и за их взятие{7}. То есть одни города Советская армия брала, а другие освобождала. В этом плане любопытно рассуждение К. Смирнова в статье «Почему Советская армия Будапешт взяла, а Варшаву освободила?»: «Не так давно я разглядывал альбом с советскими орденами и медалями…

…И обратил внимание на одно странное обстоятельство: судя по названию медалей, Берлин, Вену, Будапешт, Кенигсберг наши войска взяли, а Прагу, Белград и Варшаву — освободили. Совершенно естественно, что у меня возник вопрос: «А чем собственно «взятие Вены», например, отличается от «освобождения Праги»?

Самое, казалось бы, простое, лежащее на поверхности, а значит, и первое приходящее на ум объяснение таково — вражеские города, то есть города, находящиеся непосредственно на территории Третьего рейха, брали, а вот города, которые были оккупированы германцами, — освобождали. Однако при более детальном рассмотрении это оказалось не так. Вот, например, Вену мы взяли. Казалось бы, все верно, ведь она входила в состав непосредственно рейха, да и Австрия стала его частью практически добровольно. Но если так рассуждать, то и Прагу мы должны были брать, ведь она тоже была присоединена мирно и входила в состав самого рейха. Однако ее мы почему-то освободили!

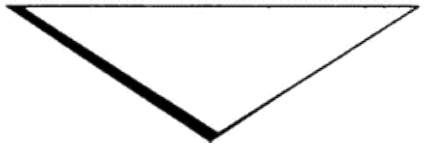
Но ведь какая-то логика в рассуждениях советского руководства в процессе учреждения медалей (а учреждены они были в один день — 9 июня 1945 г.) безусловно была. В чем же оно видело разницу между освобождением и взятием? Чтобы понять это, надо внимательно изучить операции советских войск по занятию крупных европейских городов и политические обстоятельства, сопровождавшие их. Вот тогда-то все становится на свои места.

Оказывается, что все города, ВЗЯТЫЕ нашими войсками, были захвачены исключительно регулярными частями Красной Армии и ее союзников в результате крупных военных операций при упорном сопротивлении противника, и совершенно неважно, находились ли они непосредственно на территории рейха или же на территории стран, оккупированных Германией. ОСВОБОЖДАЛИ же мы города тогда, когда в этом в той или иной форме принимало участие местное антифашистское подполье или повстанческие отряды. Но самое главное, все ОСВОБОЖДЕНИЯ имели не только военное, но и серьезное политическое значение. Они, если уж говорить точно, были важны для послевоенного мироустройства.

В традиционной советской историографии все ВЗЯТИЯ подробно и в целом правдиво описаны. Они отражены во многих художественных произведениях — книгах, спектаклях, художественных и документальных фильмах. ОСВОБОЖДЕНИЯ же окутаны флером таинственности, о них авторы советских исторических трудов писали скупо и туманно, ограничиваясь, например, фразами типа: «9-го мая 1945 г. в 4.00 утра части 10-го гвардейского танкового корпуса вошли в город Прагу и освободили ее»[{8}].

И все же остановимся на том, что Берлин Красная Армия действительно взяла немалой кровью. Взяла с тяжелейшими, кровопролитными боями, прежде всего в самом городе. Все это известно. А Прагу она освободила, но не взяла. И разница между значениями этих слов, безусловно, существенная. Поэтому при учреждении соответствующих медалей, руководство СССР учло эти факты…

После выхода из Праги 1-й дивизии РОА бои в городе разгорелись с новой силой. И только благодаря броску Красной Армии Прага и восставшие пражане были спасены… Освобождены… Как это было? Об этом мы и поговорим дальше.



Глава 2.
НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ (Словацкое национальное восстание)

Сегодня уже кто-то действительно подзабыл, а кто-то просто не хочет вспоминать, что борьба за освобождение Чехословакии началась еще в сентябре 1944 г.

Безусловно, для защитников власовщины генерал С.М. Штеменко не авторитет, но что делать, ведь именно он как начальник Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии оказался в эпицентре не только тех событий, но и всего того, что предшествовало им.

В самом начале 1944-го заместитель начальника Генерального штаба А.И. Антонов вызвал к себе Штеменко. Было это совершенно буднично, и Сергей Матвеевич, прихватив с собой папку с материалами для доклада, отправился к шефу.

Генерал Антонов многословием не отличался и начал сразу же с главного:

— Чехословацкое правительство Бенеша сообщило о возможности вооруженного сопротивления немцам в Словакии. Нужна помощь, и ее у нас просят.

«Обращение за помощью, — свидетельствует Штеменко, — было делом естественным: чехословацкое правительство являлось союзником СССР, в Москве работала чехословацкая военная миссия во главе с генералом Пикой. Вместе с тем данная просьба свидетельствовала о некоем существенно новом явлении; правительство Бенеша[1], пожалуй, впервые заговорило о возможности вооруженного сопротивления немецко-фашистскому диктату в Словакии. До того подобной мысли мы не встречали ни в переговорах с чехословацкими должностными лицами из Лондона, ни в переписке с московской миссией Пики, который не раз обращался по разным вопросам в Генштаб. Ранее у всех представителей правительства Бенеша неизменно наблюдалось скрытное стремление не дать широко проявиться чехословацкому антифашистскому движению. Бенеш и члены его правительства были людьми дальновидными и опытными, они отлично понимали, какую классовую опасность для буржуазной республики таила в себе активизация сил народа. Чтобы не

дать массам политически организоваться, сплотиться в борьбе с оккупантами, буржуазные политики старались решить задачи освобождения страны без всеобщего вооруженного выступления масс. На кого же в таком случае они надеялись?»[{9}]

— Основой вооруженного сопротивления в Словакии, — продолжал Антонов, — правительство Бенеша считает словацкую армию и не собирается, вероятно, поднимать против гитлеровцев народные массы. Оно, по-видимому, боится, что народ с оружием в руках сам добьется освобождения. В этом случае буржуазным министрам грозит потеря ведущего политического положения и незавидная перспектива остаться в обозе освободительной борьбы на родине. Ну, а с высшими офицера-ми словацкой армии сторонники Бенеша рассчитывали без особого труда договориться…

В Генштабе прекрасно знали, что «…войска Словакии имели недоукомплектованные личным составом дивизии, к тому же плохо вооруженные. Успешно противостоять гитлеровским войскам они явно не могли. Вот почему чехословацкое правительство и обратилось к СССР с просьбой помочь вооружением и войсками»[{10}].

— Бенеш просит, — особо подчеркнул заместитель начальника Генштаба, — доставить в Словакию к началу восстания 50 тыс. комплектов стрелкового оружия, формируемую в СССР парашютно-десантную чехословацкую бригаду и, кроме того, две советские стрелковые дивизии.

У правительства Бенеша был свой особый план действий в Словакии: «после выступления словацких дивизий против гитлеровцев этот план предусматривал оборону от немцев горных перевалов на севере, где граница государства пролегала по Татрам и где чехословацкое командование надеялось в основном на труднодоступность местности. Западную часть страны предполагали оборонять, опираясь тоже на выгодные природные рубежи: реку Морава, горы и высоты по берегам рек Ваг и Грон. Что же касается границы с Венгрией, где местность была доступна для вторжения вражеских войск на всем своем протяжении, то тут чешские генералы из Лондона предполагали не пустить противника с помощью авиации американцев и англичан: бомбардировками с больших высот рассчитывали удержать противника от вторжения в Словакию»[{11}].

Несмотря на понимание нереальности выполнения этого плана, генерал Антонов отдал следующее распоряжение:

— Подумайте над просьбой чехословацкого правительства о помощи. Прикиньте на бумаге реальные возможности и, главное, определите пути,

как лучше оказать эту помощь практически. Рассмотрите представленный ими план действий. Мы обязаны ответить убедительно и откровенно, даже если не можем разделить надежд наших союзников на успех этого плана…

Вернувшись к себе в управление, генерал Штеменко со своим заместителем скрупулезно проанализировали просьбу Бенеша и предложенный план действий:

«Выводы не были оптимистичными. Расчеты показали ошибочность намерений чехословацкого правительства удержать за собой основную часть территории Словакии наличными силами словацкой армии. Остановить немецкие войска на границах государства не представлялось возможным не только с помощью англо-американских бомбардировок с воздуха, но даже при условии переброски в страну двух стрелковых дивизий Красной Армии. Изучение фактической обстановки показало, что на широком протяжении венгерской границы следовало ожидать вторжения в Словакию большого количества немецких войск.

Задача переброски по воздуху двух советских дивизий в Словакию тоже была не из легких. Мы могли использовать не более 170 транспортных самолетов. Каждый из них поднимал только 20 бойцов с вооружением. Следовательно, все самолеты должны были сделать не менее 5—6 рейсов каждый лишь для того, чтобы доставить на место личный состав двух дивизий со стрелковым оружием без артиллерии и тылового хозяйства. Переброска некоторых видов тяжелого вооружения весом свыше 2 тонн вообще исключалась.

Были и другие трудности. Например, для нормальной работы указанному количеству самолетов требовалось пять аэродромов с достаточным запасом горючего для заправки на обратный путь и надежным прикрытием с воздуха. Этого в Словакии не имелось.

Кроме того, если первый рейс самолетов мог быть удачным, то затем противник, разгадав замысел наших действий, стал бы оказывать сильное противодействие в воздухе. Тяжелых потерь при этом не избежать, так как дальность расстояний исключала возможность прикрытия тихоходных транспортных машин истребителями с нашей территории.

Сложная обстановка могла бы возникнуть и на земле. Переправленные в Словакию две стрелковые дивизии надо было бы, конечно, непрерывно обеспечивать всем необходимым для жизни в боях. Это значило, что после сосредоточения войск их пришлось бы снабжать тоже по воздуху, отвлекая на такую задачу значительное количество транспортной авиации.

Но самое-то главное состояло в том, что чехословацкое правительство как бы закрывало глаза на то, что советские войска не могли осуществить

пока что непосредственного вторжения за Карпаты. К горам еще нужно было подойти. Преграждала путь сильная оборона противника, созданная на восточных подступах к Главному Карпатскому хребту. Ее предстояло преодолеть. Тогда только можно было осуществить форсирование гор через перевалы для выхода в Словакию. В Карпатах враг не уступал нам ни в численности, ни в оснащении войск боевой техникой. Особенно важные направления перекрывались так называемой линией Арпада, насыщенной большим количеством долговременных огневых точек и всякого рода препятствиями.

Таким образом, арифметика и логика показывали: план генералов Бенеша исходил в основном из того, что хотелось бы сделать, но не из того, что можно было практически осуществить. Без народа и помимо него не было никаких надежд на успех в борьбе против гитлеровцев внутри Словакии. Помня, что союзникам нужно все сказать откровенно, мы в Генштабе предложили А.И. Антонову рассматривать словацкие дела только как возможность для создания большого плацдарма активной партизанской борьбы на территории Словакии…

Генеральный штаб не исключал, однако, и того, что по соображениям политики предложение чехов будет все-таки принято и наша армия получит приказ идти на помощь Словакии до того, как будет подготовлено наступление советских войск через Карпаты. В этом случае Генштаб рекомендовал перебросить в Словакию одну чехословацкую и одну советскую парашютно-десантные бригады, доставить туда стрелковое вооружение и другие материальные средства, необходимые для восстания. При этом переброска войск и материалов тоже будет трудной. Потребуется многочисленная транспортная авиация. Невозможно обойтись без больших потерь. Правда, аэродромов в этом случае понадобится меньше. Одновременно с переброской войск и материалов в Словакию войска наших фронтов должны будут осуществлять наступление там, где это окажется выгодно по условиям обстановки.

Что касается способов действий против немецко-фашистских войск в Словакии, то операторы Генштаба считали нецелесообразной жесткую оборону территории всей страны, во всяком случае в начальной фазе операций. Для такой обороны было слишком мало сил и средств, тем более что противник мог использовать для ее прорыва многочисленные подступы, особенно с юга. Враг, кроме того, имел большое превосходство в воздухе. В такой обстановке было бы лучше использовать парашютно-десантные бригады, о которых говорилось выше, как ядро для развертывания мощного партизанского движения по всей стране за счет

мобилизации и вооружения народа. Этот метод борьбы в тех условиях был наиболее перспективным»[{12}].

На тот момент территория Чехии (с марта 1939 г.) находилась под немецкой оккупацией в качестве «протектората Богемия и Моравия», располагавшего ограниченной автономией. Словакии же хотя и был подарен Гитлером суверенитет, но фактически правящий там режим находился в зависимости от фашистской Германии. Созданное вторым президентом республики Э. Бенешем в Лондоне чехословацкое правительство в изгнании было признано СССР, США и Великобританией в качестве союзного. 12 декабря 1943 г. в Москве был подписан договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией. А когда в апреле 1944 г. Красная Армия вышла на ближние подступы к границам Чехословацкой республики, то уже в мае было подписано советско-чехословацкое соглашение об отношениях между советским Главнокомандованием и Чехословацкой администрацией после вступления Красной Армии на территорию Чехословакии.

Как вспоминает Штеменко, к августу 1944-го в Словакии произошли большие перемены: «Успехи советских войск не оставляли сомнений в том, что исход войны предопределен в нашу пользу. Это активизировало борьбу словацкого народа против фашизма.

Во главе сил движения Сопротивления находился Словацкий национальный совет — НСЗ, который представлял собой народный фронт борьбы против гитлеровских нацистов и их приспешников внутри страны. Организатором фронта был пятый нелегальный ЦК компартии Словакии… НСЗ стал готовить народное восстание. Этому способствовала и активизация к осени 1944 г. партизанского движения. Росло количество боевых групп и отрядов, увеличивалась их численность, возрастала организованность действий. Ряд партизанских отрядов развернулся в бригады. Усилил свою помощь Советский Союз. Непосредственно этой работой занимался Украинский штаб партизанского движения… На советской территории была подготовлена на специальных краткосрочных курсах большая группа партизанских организаторов из числа чехословацких граждан. Из их среды выдвинулись известные командиры партизанских отрядов… В помощь им назначались советские специалисты — штабные работники, минеры, радисты и т.д.

Большое значение имела деятельность так называемых организаторских групп, создаваемых по опыту советских партизан. Численность организаторских групп для Словакии была примерно около двух десятков человек каждая. Они находились под командованием

советских командиров… Только за вторую половину 1944 г. в Словакию было переброшено 53 такие группы.

Группы выбрасывались на парашютах. Они являлись ядром, быстро обраставшим партизанским составом из местных жителей, и сыграли большую роль в сопротивлении фашистам. Так, например, были созданы в основном из словаков 1-я чехословацкая бригада им. М. Штефаника, 2-я чехословацкая бригада «За свободу славян», бригада им. Яна Жижки. На территорию Словакии передислоцировались советские партизанские соединения и отряды…»[{13}].

Первые организаторские группы на территорию Чехословакии были переброшены летом 1944 г. Всего же, в период с августа 1944 г. по апрель 1945 г. на территории Чехии и Моравии было переброшено 37 таких групп [{14}]. Например, только органами безопасности Украины в августе—октябре 1944-го были десантированы 14 оперативных групп, а в марте—апреле 1945-го — 12 групп[{15}].

К 5 мая 1945-го в районе города Праги действовало семь оперативно-чекистских и диверсионно-разведывательных групп. Как пишет историк А. Сервер, «все эти группы приняли деятельное участие в Пражском восстании, объединили вокруг себя значительное количество местного населения и, как имеющие многолетний опыт боевой работы, оказали действенную помощь местным комитетам по руководству восстанием, чем способствовали освобождению города Праги частями Красной Армии»[{16}].

О деятельности партизанских бригад в Чехословакии написано немного, но все же фактов вполне достаточно для того, чтобы понять, какой урон они наносили врагу.

В июле 1944 г., в связи с приближением линии фронта партизанское соединение им. Сталина под командованием М.И. Шукаева получило приказ перейти для ведения боевых действий на территорию Чехословакии. Но прежде чем выйти туда 25 августа 1944 г., партизанам Шукаева пришлось осуществить рейд протяженностью в 200 километров по территории Южной Польши, провести 11 боев с немцами и подорвать 34 эшелона противника. В дальнейшем, в период с 26 августа по 20 октября 1944 г., действуя в районах словацких городов Прешов — Гуменное, соединение им. Сталина провело 18 боев и организовало 12 засад, подбив и уничтожив 110 автомашин и 25 мотоциклов противника. В дальнейшем партизаны Шукаева вели боевые действия в районах Попрад — Тимовець, где в феврале 1945 г. встретились с частями Красной Армии[{17}].

Другая партизанская бригада им. Клемента Готвальда, под

командованием В.А. Квитинского с августа 1944 г. по февраль 1945 г. осуществила на территории Чехословакии 156 боевых операций, пустила под откос 48 воинских эшелонов и один бронепоезд, взорвала два танка и 130 автомашин, убила и ранила более тысячи немецких солдат и офицеров{18}.

Сегодня уже не так широко известна легендарная личность партизанского командира — Даяна Мурзина. После окончания разведывательной спецшколы при Украинском штабе партизанского движения капитан Мурзин стал начальником штаба и военным советником в партизанском отряде словацкого офицера Яна Ушьяка. Отряд (имени Яна Жижки) был создан на месте приземления группы в течение всего нескольких дней. В него записалось около 200 жителей села Склабино и нескольких десятков бывших военнопленных солдат из всех европейских армий, в том числе 2 американских летчика. Отряд очень скоро вырос до интернациональной бригады численностью более 1200 человек.

После трагической гибели командира бригаду возглавил Даян Мурзин. Партизаны под командованием «черного генерала» (именно так называли его фашисты) провели более ста операций: были пущены под откос шесть десятков воинских эшелонов, уничтожено более 4000 фашистских солдат и офицеров, а 245 взято в плен. Одним из таких трофеев майора Мурзина оказался командир 16-й танковой дивизии генерал фон Мюллер, плененный 19 апреля 1945 г.

К слову сказать, именно бригада Мурзина принимала самое активное участие в восстании в Праге, а сам партизанский комбриг стал Героем этой страны, кавалером множества ее орденов и медалей, а также почетным гражданином аж 16-ти ее городов{19}.

Объективной информации относительно истинного положения дел в Словакии советский Генеральный штаб на тот момент не имел. В докладах партизан речь шла только о боевой работе. Не было никаких данных и о подготовке народного восстания. «Подпольный ЦК КПС проводил подготовку восстания в глубочайшей тайне, поэтому ни Лондон, ни Москва не знали об этом, можно сказать, ничего. Сведения же, поступавшие… от чехословацкой военной миссии в Москве, акцентировали лишь внимание лондонского правительства Бенеша к проведению все той же сомнительной акции с использованием слабых сил словацкой армии, акции, способной стать лишь прелюдией военного переворота в стране. При этом чехословацкая военная миссия в Москве работала с завидной энергией и настойчивостью»{20}. В письмах, которые приходили от нее, настойчиво

говорилось о словацкой армии, о ее готовности к операции, причем только «под чехословацким заграничным командованием».

По свидетельству генерала Штеменко, Генеральный штаб Красной Армии по всем затронутым вопросам лондонского правительства Бенеша представил доклад Сталину, в котором говорилось: «об уверенности правительства Э. Бенеша в том, что словацкая армия готова к выступлению для захвата перевалов в Карпатах… в полосе примерно 40—50 км. Вместе с тем было отмечено, что освобождение Словакии замышлялось только как задача армии без привлечения широких народных масс. О которых даже не упоминалось. Настораживала и просьба о сроках действий. Она походила на разведку замыслов советского верховного Главнокомандования.

Нашим войскам противостояла сильная оборона противника, которая пока что не давала реальных надежд на быстрое форсирование Карпат»[{21}].

Вскоре на горизонте появился министр обороны в профашистском правительстве Словакии генерал Чатлош[2], который сделал попытку сепаратно установить связь с Советским Союзом. Почувствовав близкий крах Третьего рейха, он предложил СССР совместно действовать против немцев. Он предполагал создать в Словакии диктатуру военных и встать во главе ее.

Генерал Штеменко об этом пишет следующее: «О намерении Чатлоша стало одновременно известно подпольному ЦК компартии Словакии и агентам лондонского правительства Бенеша. ЦК КПС решили использовать Чатлоша в интересах восстания как фигуру, обладающую реальной военной властью. В те дни ЦК искал возможность срочно связаться с правительством СССР и советским военным командованием, чтобы информировать Москву о подготовке восстания в Словакии, состоянии Словацкого национального совета и КПС»[{22}]. Сторонники Бенеша сначала всполошились, но, сообщив о вылете самолета военного министра, все же попросили советские органы его принять. Вместе с пилотом майором Лисицким, представителем Чатлоша для ведения переговоров, в Москву прибыла и официальная делегация от ЦК КПС в составе ее секретаря и представителя военного центра при Словацком национальном совете.

Штеменко фиксирует: «О самолете Чатлоша доложили И.В. Сталину. Он приказал пропустить. Посадка произошла в районе Львова. Генеральный штаб получил документы Словацкого национального совета и информацию К. Шмидке, дававшую полное представление о делах в Словакии. Теперь мы узнали, что в стране действовали широкие антифашистские силы и назревало народное восстание. Стало ясно, почему

лондонским политикам было важно осуществить освобождение Словакии без участия внутренних сил Сопротивления и поднять только армию.

Ян Голиан[3] — начальник штаба сухопутных войск Словакии, сотрудничавший с национальным советом, прислал подробную записку о военном положении в стране, дислокации словацких войск, справку об их вооружении, записку об укрепленной линии Арпада, сведения о мадьярских войсках. Он сообщал, что настроение словацких войск антигерманское и просоветское, подавляющее большинство офицеров хотя и не посвящено в планы действий, но будет исполнять приказания руководителей восстания. Германофилов предполагалось обезвредить. Рассчитывали, что Чатлош в последний момент может помочь, так что восстание и вступление советских войск произойдут гладко, без сопротивления и задержки.

Затем Голиан излагал свой план вступления Красной Армии в Словакию. Не вдаваясь в детали, заметим, что план был нереальным. Он не принимал в расчет возможных контрмер гитлеровцев. А самое-то главное — был составлен так, будто не существовало мощной обороны противника на подступах к Карпатам. Предполагалось, что советские войска используют перевалы, занятые словацкой армией, и сумеют за ночь захватить значительную часть страны. Выводы наивно утверждали: «Существует возможность внезапного проникновения войск Красной Армии в Восточную Словакию без малейшего сопротивления и при этом так далеко, насколько это будет возможно в течение одной ночи, прежде чем об этом узнает немецкое и мадьярское командование». И ничего не говорилось о восстании народа!

Документы, доставленные из Словакии, не меняли положения дел. До карпатских перевалов было 50—60 км, и других способов по-настоящему помочь словакам, кроме как разгромить противника, прорвав его прочные оборонительные позиции, пока не имелось.

Делегация Словацкого национального совета между тем была принята в советских государственных и военных органах, встречалась с сотрудниками чехословацкой военной миссии, с представителями чехословацкого военного министра, которых тогда собралось в Москве довольно много.

Правительство Э. Бенеша подтвердило прежнее требование: буквально все вопросы, начиная с взаимодействия Красной Армии со словацкими соединениями и кончая любой попыткой кого-либо из политических деятелей Словакии вести переговоры с СССР, представлять на решение в

Лондон»[{23}].

С 24 на 25 июля 1944 г. на территорию Словакии была десантирована группа (11 человек) под командованием старшего лейтенанта П.А. Величко. Группе была поставлена задача: организовать регулярные партизанские отряды и место приема десантирующих групп (аэродром «Три дуба»). Наступил август. 21-го отряд Величко вышел в Склабино и начал взрывать железные дороги. 25-го на площади в Мартине он открыто раздавал оружие и записывал добровольцев. 27-го партизаны взяли Ружомберок. К концу месяца вся средняя Словакия и северные районы Восточной Словакии находились под полным контролем партизан.

Тем временем войска 2-го и 3-го Украинских фронтов начали разгром противника под Яссами и Кишиневом, что давало надежду обойти оборону врага в Карпатах по румынской территории. Появилась вероятность поставить под удар немецкий тыл в Карпатах… Однако все оказалось не так просто, как предполагало советское командование. 29 августа в Словакию вступили немецкие соединения и перекрыли Дукельский перевал, через который на помощь должна была прийти Красная Армия, а 30-го, по приказу Голиана, началось восстание… Началось, как оказалось, преждевременно.

На борьбу с фашистскими оккупантами поднялись 18 районов Словакии. 1 сентября вышел из подполья Словацкий национальный совет. Банска-Бистрица стала центром восстания. Организованной военной силой восставших являлись части словацкой армии — 60 тысяч солдат и партизанские формирования — 18 тысяч человек. Но немцы значительно превосходили повстанцев по численности, а тем более по вооружению. С 5 сентября Советский Союз начал военную помощь восставшим: со складов наркомата обороны им было отправлено 2050 винтовок, 1702 автомата, 461 пулемет, более 100 противотанковых ружей, боеприпасы и другое военное имущество. По линии Украинского штаба партизанского движения на самолетах было отправлено 15 организаторских групп для создания партизанских отрядов (215 чел.) и более 300 тонн грузов[{24}]. В общей сложности, в сентябре—октябре 1944 г. СССР переправил восставшим на самолетах 796 тонн оружия, боеприпасов и иного военного имущества[{25}].

17 сентября на освобожденную восставшими территорию Словакии был переброшен отдельный чехословацкий истребительный авиаполк (20 Ла-5), а 6—9 октября на аэродром «Три дуба» была десантирована 2-я отдельная чехословацкая воздушно-десантная бригад[{26}].

Советским Союзом была оказана восставшим и другая помощь.

Вечером 2 сентября Ставка отдала приказ на проведение наступательной операции на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов, чтобы ударом из района Кросно на Дуклю далее на Прешов выйти в Словакию и соединиться с повстанцами. С рассветом 8 сентября войска Красной Армии перешли в наступление. Кровопролитные бои шли за каждую высоту, за каждый населенный пункт. И все же концу сентября они вышли к Главному Карпатскому хребту, а 6 октября овладели Дуклинским перевалом. Вместе с ними на родную землю вступил 1-й Чехословацкий корпус.

Бои в горах продолжались до конца октября. Но, несмотря на серьезные успехи, прорваться к повстанцам тогда не удалось. 27-го немцы взяли Банску-Бистрицу, а 28-го повстанцы перешли к партизанской войне. В этот же день советское наступление было остановлено.

Дело в том, что войскам Красной Армии предстояло преодолеть горную цепь Восточных Бескид высотой до 850 м. Но только что завершившие бои под Львовом и Сандомиром, советские соединения имели большой некомплект в личном составе, а также ограниченные запасы материальных средств. Местность же не позволила ввести в дело крупные бронетанковые силы. В свою очередь удар двух словацких дивизий не достиг цели — повстанцы не смогли захватить перевалы через Карпаты и обеспечить проходы через них для войск Красной Армии{27}.

Пройдет еще полгода, прежде чем Красная Армия освободит Чехословакию, завершив свой победоносный поход в Праге.

Буквально недавно, 29 августа 2013 г., 69-ю годовщину Словацкого национального восстания отметили представители руководства Словакии и Румынии в Банска-Бистрицу. От лица России на церемонии выступил председатель Государственной думы Сергей Нарышкин. В частности, он сказал: «Цена победы оказалась очень высокой, мы склоняем голову перед погибшими словацкими патриотами, которые составляли цвет нации. И народ России благодарен словацкому народу за бережное отношение к памяти советских солдат, ведь здесь, на территории Словакии, остались навсегда в земле лежать более 60 тыс. советских солдат»{28}.

За год до этого, о Словацком национальном восстании 68 лет спустя написала Е. Коваленко: «За непростыми польскими мероприятиями, посвященными годовщине начала Второй мировой войны, как-то потерялась негромкая дата. Если о Варшавском восстании большинство людей хотя бы слышали, то о событиях в Словакии сейчас знают только те, кто изучает историю Второй мировой. Хотя, как и польская дата, это восстание и предшествовавший ему исторический период были непростым

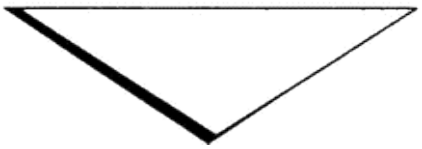
шагом в борьбе за независимость и обретение государственности ещё одной страной Восточной Европы. И в этой истории не обошлось без участия наших соотечественников.

В отношении Словакии главным событием Второй мировой войны считается Словацкое национальное восстание, когда ушла воевать с Гитлером почти вся словацкая армия. На стороне фашистов осталось только два пехотных батальона и артиллерийская батарея, все остальные словацкие войска до разгрома восстания сражались с фашистами, а потом 20 тысяч уцелевших ушли партизанить в горы. Вооруженное восстание продолжалось с 29 августа, когда Словацкий национальный совет заявил о свержении фашистского правительства, до 27 октября 1944 г., охватив две трети территории Словакии. Историки считают, что без оперативной помощи СССР восстание было бы быстро подавлено. Повстанцам удалось продержаться два месяца, в течение которых им на помощь пробивались советские войска. 6 октября они овладели Дукельским перевалом, но фашисты всё же захватили центр восстания Банска-Бистрицу и другие города. После подавления восстания партизанские бригады вели в горах бои до соединения с наступавшими войсками Советской армии»[{29}].

Сравнивая два восстания, автор статьи очень точно подчеркивает разницу между ними: «В отличие от варшавского, СССР словацкому восстанию всячески помогал, хотя у словаков не было координации действий с советской армией. Но восставшие надеялись на её быстрый подход. И хотя советское командование изначально не планировало боевые действия в Карпатах, поскольку ввязываться крупными силами в затяжные бои в горах было невыгодно, для помощи словакам 8 сентября — 28 октября 1944 г. была проведена Карпатско-Дуклинская наступательная операция. На фронте 50—60 км в сражении с обеих сторон участвовало 30 дивизий, до 4 тыс. орудий, свыше 500 танков, около тысячи самолётов. Такой концентрации войск в горных условиях не было в истории войн. Освободив в тяжелейших боях значительную часть Словакии, советские войска оказали решающую помощь повстанцам. Два месяца продолжалось сопротивление, но в конце концов фашисты взяли Банска-Бистрицу, пленили руководство восстания, казнили несколько тысяч повстанцев и около 30 тыс. отправили в концлагеря. Уцелевшие отступили в горы, где продолжали борьбу»[{30}].

Прошли десятилетия, и очень важно, что годовщину Словацкого национального восстания отмечают как день победы — торжественно и масштабно. «В Словакии о СНВ сейчас не употребляют столько

идеологических штампов, как в советской Чехословакии, — констатирует Е. Коваленко. — Но никто не забывает, что оно является одним из крупнейших антифашистских выступлений в Европе. Опросы указывают, что большинство словаков (83%) сегодня гордятся СНВ, хотя его оценка менялась и историки до сих пор не пришли к единому мнению. Историк Милан Земек считает, что «Словакия благодаря СНВ присоединилась к странам антигитлеровской коалиции, став равным партнером в государстве чехов и словаков». Томаш Клуберт из Института памяти народа полагает, что «страны антигитлеровской коалиции ещё до восстания приняли решение о судьбе Чехословакии, и не имело значения, была ли Словакия на стороне победителей или побеждённых». Происходит и деидеологизация роли советских партизан и советской армии, но о них помнят. С течением времени взгляд на историю приобрел другие краски, оно является главным оправданием словаков перед европейцами. «Во время Второй мировой войны нам хотели навязать режим, который словаки не могли принять», — сказал президент Словакии Иван Гашпарович на праздновании 65-летия СНВ. «Именно с восстания началась в Словакии истинная независимость, и только так Словакия может стать приемлемой для Европы», — убежден глава Союза антифашистских бойцов Карол Питка. А председатель Национального собрания Павол Пашка уверял: «Фашизма мы не хотели, а в СНВ словаки участвовали не из принуждения, а из убеждения»[{31}].



Глава 3.
РОА И ЕЕ ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ

Так называемый «Манифест Освобождения Народов России» был обнародован в Праге 14 ноября 1944 г., а 28 января 1945-го Гитлер назначил А.А. Власова командующим, прежде всего, двумя русскими дивизиями. Именно об этом говорится в телеграмме рейхсфюрера СС:

«…генералу ВЛАСОВУ

Составлено по указанию

Обергруппенфюрера БЕРГЕР.

Фюрер назначил вас со дня подписания этого приказа верховным командующим 600-й и 700-й русских дивизий. Одновременно на вас будет возложено верховное командование всеми новыми формированиями и перегруппирующимися русскими соединениями.

За вами будет признано дисциплинарное право верховного главнокомандующего и одновременно право производства в офицерские чины вплоть до подполковника.

Производство в полковники и генералы происходит по согласованию с начальником главного управления СС, по существующим для велико-германской империи положениям.

подписал Г. ГИММЛЕР…»[{32}].

То есть Власов, будучи назначенным Гитлером командовать соединениями из русских «добровольцев», наделялся правом командующего армией (производство в офицерские чины до подполковника). Поэтому правильнее было бы, хотя и это не совсем так, называть Власова командующим «Русской освободительной армией», нежели Главнокомандующим «Вооруженными Силами Комитета Освобождения Народов России» (ВС КОНР). Но именно так называет Власова историк К.М. Александров[{33}]. Однако армия по определению — это оперативное объединение, состоящее из нескольких соединений и отдельных частей различных родов войск и специальных войск, предназначенных для выполнения оперативных задач. Именно такую формулировку дает любая военная энциклопедия. Именно такую армию позволил формировать Власову Гитлер. Но назвать РОА вооруженными силами фактически несуществующего комитета у грамотного человека не повернется язык. В связи с чем предпочтительнее называть формирования

русских «добровольцев» РОА, а не ВС КОНР.

Весной 1945 г. в состав РОА входили: 600-я пехотная дивизия (1-я), 650-я пехотная дивизия (2-я), 700-я пехотная дивизия (3-я), отдельная противотанковая бригада, учебно-запасная бригада и офицерская школа при 1-й дивизии. ВВС русских «добровольцев» включали: 1-й авиационный полк, 9-й полк зенитной артиллерии, 12-й полк строительства, телеграфной и воздушной связи, парашютно-десантный батальон и роту связи{34}. Если две первые пехотные дивизии РОА сформировать удалось, то формирование 3-й дивизии завершено не было из-за отсутствия вооружения{35}. То же самое можно сказать и про остальные части РОА, в том числе и ВВС «добровольцев». Не более чем фикцией, в составе РОА, можно назвать корпус генерала Туркула, корпус генерала Штейфона, казачий кавалерийский корпус группенфюрера СС Х. фон Паннвица и казачий корпус в Северной Италии генерала Доманова. Так как все эти соединения фактически не были объединены под единое командование армии Власова.

16 февраля 1945-го Власов принимал парад первой дивизии РОА. Его «добровольцы» торжественно присягали:

«Я, как верный сын моей Родины, вступая добровольно в ряды бойцов Вооруженных сил народов России, перед лицом соотечественников присягаю — для блага моего народа, под главным командованием генерала Власова бороться против большевизма до последней капли крови.

Эта борьба ведется всеми свободолюбивыми народами в союзе с Германией под главным командованием Адольфа Гитлера.

Я клянусь быть верным этому союзу.

Во исполнение этой клятвы я готов отдать свою жизнь»{36}.

Первая дивизия РОА (600-я) начала свое формирование 23 ноября 1944 г. в Мюнзингене из числа личного состава бригады Каминского (29-я гренадерская дивизия СС «РОНА»), 30-й гренадерской дивизии СС, отдельных русских батальонов (308, 601, 618, 621, 628, 630, 654, 663, 666, 675 и 681-й), двух русских артиллерийских дивизионов (582-й и 752-й), одного русского пехотного полка, а также из «добровольцев» из лагерей военнопленных и остарбайтеров.

В состав дивизии вошли: штаб, штабная рота, отдел связи, полевая жандармерия, топографическое отделение, саперный батальон, истребительно-противотанковый дивизион, запасной батальон (офицерская школа), отдельный разведывательный отряд, 5 пехотных полков, артиллерийский полк и полк снабжения. Общая численность — 20 000

человек{37}.

На ее вооружении имелось: 10 танков Т-34, 10 самоходных артиллерийских установок, 12 тяжелых полевых 150-мм гаубиц, 42 — 75-мм орудия, 6 тяжелых и 29 легких орудий, 31 противотанковое 75-мм орудие, 10 зенитных 37-мм орудий, 79 гранатометов, 563 станковых и ручных пулемета и 20 огнеметов{38}.

Кратко остановимся на некоторых ее командирах.

Командир 1-й пехотной дивизии (генерал-майор РОА) Буняченко Сергей Кузьмич (1902—1946). Украинец. Из крестьян. В Красной Армии с 1918 г. Образование: двухклассная сельская школа, Харьковские курсы младшего комсостава, Киевская военная школа, Военная академия им. Фрунзе. Участник Гражданской войны, участник боевых действий у озера Хасан. С февраля 1940 г. начальник штаба 26-го стрелкового корпуса (пос. Сергиевский Уссурийской обл.), полковник (1938 год). В марте 1942 г. назначен командиром 389-й стрелковой дивизии. На Закавказском фронте с 9 августа 1942 г. на Грозненском направлении. С 31 августа в распоряжении, отдал приказ о взрыве моста на участке Моздок — Червленное, в результате чего часть войск 9-й армии не завершила переправу и осталась на другом берегу. Снят с должности, арестован и отдан под суд. Осужден к расстрелу, с заменой расстрела 10 годами ИТЛ с отбытием после войны. С 7 октября — командир 59-й отдельной стрелковой бригады 9-й армии. 14 декабря объявлен виновным в разгроме 59-й стрелковой бригады, захвате противником Старого Уруха и прорыва фронта на Орджоникид-зевском направлении, подлежал аресту. Ночью 16-го в районе с. Дзуиариково (25 км западнее Орджоникидзе) при следовании на огневую позицию артдивизиона захвачен румынской разведгруппой. Содержался в разных лагерях военнопленных, а 7 мая 1943 г. подал рапорт о вступлении в РОА{39}.

В 1938 г. характеризовался, как «морально неустойчив, над собой не работает. Срок выслуги в звании продлен». В 1937 г. за выступление на партийном собрании против политики коллективизации был исключен из партии с последующей заменой (1938) строгим выговором. Есть версия, что, получив предупреждение о выезде представителей прокуратуры, Буняченко ушел через линию фронта. По воспоминаниям командира 1-го полка 1-й дивизии РОА А.Д. Архипова, Буняченко был «груб с подчиненными, даже с офицерами, мало был знаком с элементарными правилами такта и этики и имел тенденцию к дешевой популярности»{40}. Начальник немецкой группы связи при дивизии майор Г. Швеннингер

отзывался о Буняченко так: «Грубый, бесцеремонный, целеустремленный, упорный и настойчивый в достижении целей. Внешняя неуклюжесть и грубость скрывают природную хитрость. Он, насколько я смог узнать, был мало открыт даже для своих товарищей. Развязан в отношениях с женщинами, но также беспощаден и к самому себе. Скрывает сильную нервозность при помощи самообладания. Среднего роста, коренастый, полный, слегка неуклюж, татарский разрез глаз, обритая голова, низкий, хриплый голос. По немецким понятиям выглядит, скорее, как мясник, чем как офицер. Неухоженный»[{41}].

Начальник штаба 1-й пехотной дивизии (подполковник РОА) Николаев Николай Петрович (1911—1945). Русский. Из мещан Московской губернии. В Красной Армии с 1932 г. Образование: 9 лет средней школы, 3-й курс электротехникума им. Красина, Ленинградская военная школа связи, Военная академия им. Фрунзе. В ноябре 1940 г. назначен старшим помощником начальника 1-го отделения оперативного отдела штаба 12-й армии, капитан (1940 год). Войну встретил на Юго-Западном фронте, на Винницком направлении. 10 августа 1941 г. при выходе из окружения в районе Умани был ранен в ногу и взят в плен. Бежал из лагерного лазарета, но был вторично взят в плен. В июне 1942 г. под влиянием приехавшей в лагерь группы вербовщиков дал согласие служить в РННА. Из характеристики Николаева майором Г. Швеннингером: «Человек с чрезвычайно сильной самодисциплиной… очень умный, произвел на меня впечатление образованного. Вполне вежлив, энергичен. Прилично себя ведет, чистоплотен и дружелюбен. Внешность: маленький, слегка коренастый, но при этом хорошая фигура. Странная четырехугольная голова, темно-русые гладкие волосы, здоровый румянец лица, суженные глаза, НКВД-лицо. Привычки: встает рано, ложится поздно, работает много и интенсивно. Для советского русского — имеет хорошие манеры. Насколько я смог узнать, был популярен среди русских офицеров»[{42}].

Командир 1-го пехотного полка (полковник РОА) Архипов Андрей Дмитриевич (1893—1979). Русский. Из мещан Таврической губернии. Образование: Ялтинская гимназия, Алексеевское военное училище в Москве, ЗВВНК систематического изучения военного дела Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина[4]. Участник Первой мировой войны, участник Гражданской войны на стороне белых. С 1920 г. в эмиграции, работал таксистом. В мае 1942 г. при посредничестве руководства 1-го (Французского) отдела РОВС в группе чинов Союза и белых эмигрантов прибыл в Смоленск в распоряжение командования 9-й

армии вермахта. Был откомандирован в Духовщину Смоленской области для службы в формировавшемся восточном батальоне для борьбы с партизанами. С июня 1943 г. в Дабендорфе — помощник командира 1-й роты по строевой части. Командир 2-й роты(1943—1944). С апреля 1944 г. — командир курсантского батальона. С ноября 1944-го командир 1-го полка 1-й дивизии РОА{43}.

Командир 2-го пехотного полка (подполковник РОА) Артемьев Вячеслав Павлович (1903—1974). Русский. Из крестьян. В Красной Армии с 1918 г. Образование: 2 класса трудовой школы, Объединенная военная школа ВЦИК, 1-я Московская кавалерийская школа, Киевская объединенная школа командиров им. С.С. Каменева, 1-й курс вечерней Военной академии РККА. Участник Гражданской войны. С декабря 1939 г. — начальник штаба кавалерийского полка. С сентября 1941 г. — помощник начальника оперативного отделения штаба 81-й кавалерийской дивизии. В январе 1942 г. назначен командиром 216-го кавалерийского полка 81-й кавалерийской дивизии, майор (1942 г.). С августа по февраль 1943 г. на учебе при Военной академии им. Фрунзе. С марта 1943 г. — заместитель командира по строевой части 46-го гв. кавалерийского полка 6-го гв. кавалерийского корпуса. 1 сентября 1943 г. при выезде на командный пункт 48-го кавполка попал в плен. До июня 1944 г. содержался в особом опросном лагере, а затем подал рапорт о вступлении в РОА. Примечательно, что Артемьев в 1938 г. был уволен из армии в запас в аттестационном порядке по служебному несоответствию. В дальнейшем был призван на усиление 79-го запасного полка НКВД в Ташкент. Последняя должность начальник штаба ВОХР Карлага НКВД СССР. В декабре 1939-го был возвращен в кадры Красной Армии{44}.

Командир 3-го пехотного полка (подполковник РОА) Александров (Рябцев до 1942 г.) Георгий Петрович (1897—1945). Русский. Из крестьян Ярославской губернии. В Красной Армии с 1920 г. Образование: Семилетнее высшее начальное училище, Кронштадтская школа юнг, двухгодичная электротехническая школа, Новочеркасские курсы повышения квалификации комначсостава. Участник Первой мировой войны, участник Гражданской войны. До января 1926 г. — начальник заставы 5-го Сестрорецкого погранотряда. Уволился, работал электромехаником, электромонтером, монтером-электриком. В 1935-м призван в кадры РККА. В апреле 1941 г. назначен командиром 539-го стрелкового полка 108-й стрелковой дивизии, майор (1941 г.). Участник обороны Минска (июнь—июль). При выходе из окружения взят в плен. С

сентября 1942 г. — переводчик при рабочей команде военнопленных. Весной 1944 г. подал рапорт о вступлении в РОА. В ноябре 1944 г. назначен командиром 3-го полка{45}.

Командир 4-го пехотного полка (полковник РОА) Сахаров Игорь Константинович (1912—1977). Русский. Из потомственных дворян Оренбургской губернии. Образование: общее среднее в Берлине. Участник Гражданской войны в Испании. В первой половине 30-х годов служил в армиях Аргентины, Уругвая и Китайской республики. Весной 1942 г. принял участие в формировании русской экспериментальной части из советских военнопленных в тылу группы армий «Центр». В совершенстве владел немецким языком, отличался воспитанием, аристократическими манерами и лоском. Летом 1944 г. назначен оперативным адъютантом А.А. Власова. В марте 1945-го завершил формирование 1604-го русского пехотного полка. С апреля командир 4-го пехотного полка 1-й дивизии{46}.

Командир 5-го пехотного (запасного) полка (подполковник РОА) Максаков Петр Константинович (1898 — неизв.). Русский. Из крестьян. В Красной Армии с 1918 г. Образование: 4 класса гимназии, полковая учебная команда, экстерном экзамен за курс нормальной военной школы при Краснознаменной военной школе им. Ленина, Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава «Выстрел». Участник Первой мировой войны, участник Гражданской войны. С 1923 по 1935 проходил службу в конвойных войсках. В 1939 г. — преподаватель тактики снайперского сбора, преподаватель тактики батальона начсостава запаса Казанского пехотного училища, преподаватель тактики на курсах «Выстрел», майор (1939 г.). Последняя должность и обстоятельства пленения неизвестны. В плену с 21 сентября 1941 г. Весной 1943 г. подал рапорт о вступлении в РОА{47}.

Командир артиллерийского полка (подполковник РОА) Жуковский Василий Трофимович (1914—1945). Украинец. Из рабочих. В Красной Армии с 1932 г. Образование: Сумская артиллерийская школа им. Фрунзе. С сентября 1940 г. — командир батареи. В июне 1941 г. назначен помощником начальника штаба артиллерии управления 156-й стрелковой дивизии в Евпатории, капитан (1941). В декабре 1941 г. — помощник начальника 1-го отделения штаба артиллерии Приморской армии, в апреле 1942 г. — старший помощник начальника разведотдела штаба артиллерийского управления. В июле взят в плен в Севастополе. В 1943 г. подал рапорт о вступлении в РОА. В ноябре 1944 г. назначен командиром артиллерийского полка{48}.

Командир полка снабжения (подполковник РОА) Герасимчук Яков Иванович (1902—1945). Украинец. Из крестьян. В Красной Армии с 1923 г. Образование: двухклассная начальная школа, военно-политические курсы при Киевской объединенной школе командиров им. Каменева, экстерном экзамен за курс пехотной школы. С мая 1941 г. — корпусной интендант 25-го стрелкового корпуса, интендант II ранга (1941 г.). В июле 1941 г. взят в плен в окружении под Витебском. В 1942 г. вступил в Восточные войска Вермахта. Командир батальона по борьбе с партизанами. С ноября 1944 г. — начальник тыла (отделения снабжения) 1-й пехотной дивизии и командир полка снабжения{49}.

Хауптштурмфюрер СС СБ. Фрелих (1904—1982) сын эмигрантов из Риги, при генерале Власове был и офицером связи, и офицером для особых поручений. В РОА всегда находился в эпицентре жизни и деятельности ее верхушки. Поэтому видел, слышал и знал много. Спустя десятилетия он напишет интересную книгу, которая, несомненно, достойна нашего внимания. Например, вот что он свидетельствует о формировании первой дивизии: «…которую пополняют большей частью из расформированной бригады Каминского и остатков действовавшей во Франции белорусской эсэсовской дивизии «Сигаинг». Численный состав определялся в 12 000 и в последние дни войны возрос до 20 000 благодаря прибегавшим остарбейтерам»{50}. Можно только представить себе, что это были за бойцы…

Командира первой дивизии Буняченко он характеризует так: «… крупный, мощный человек с лысой круглой головой, с большой долей крестьянской хитрости и необузданной волей, переходящей в самодурство… был весьма поверхностно знаком с немецкими принципами командования и организации…». Начальнику штаба дивизии Николаеву Фрелих дает не менее точную характеристику: «…поначалу непроницаемая фигура, который на первых порах часто интриговал против влияния немецкого штаба, но после все чаще проявлял в значительной мере успешное сотрудничество»{51}.

В процессе формирования соединения, как утверждает Фрелих, Буняченко все время возражал против разбивки на подразделения и на организацию дивизии по схеме гренадерской дивизии. Поэтому офицеру для особых поручений частенько приходилось посещать недовольного комдива в его бараке: «И как только я появлялся в его бараке, мне предлагали закуску и водку: толстые куски колбасы с луком из военных консервов и военного размера стакан, наполненный до краев водкой: «На

здоровье, Андрей Федорович!» Было бы обидой, если бы я после этого не закусил толстым куском колбасы с луком и не выпил бы залпом полный стакан водки. Только после этого могли начаться переговоры». Буняченко начинал перечислять ошибки, совершенные немецкой стороной в вопросе о «добровольцах», а Фрелиху оставалось только выкручиваться. И он перечислял ошибки, которые допустил Власов, Буняченко и другие офицеры РОА. И все это с завидным постоянством происходило под звон наполненных водкой стаканов, которые тут же опустошались. Как подчеркивает Фрелих: «Только после этого мне удавалось перейти к убеждениям добиться того, чего с точки зрения технической или другой можно было бы достичь в данный момент»[{52}].

Немало проблем Фрелиху доставляли и рядовые «добровольцы». В период формирования дивизии они периодически бродили в окрестностях учебного полигона Мюнзингена в поисках всего лишь двух развлечений: водки и девушек. В обоих случаях происходили ссоры, драки и жалобы.

Что же касается парада, то со слов офицера связи полковника генерального штаба Герре, «он имел целью подтвердить возглавление Власовым его частей и объяснить это его солдатам»[{53}].

Вот как это выглядело: «Власов с узким кругом приближенных поселился в бараке для генералов вблизи полигона в Мюнзингене. В день парада при холодной погоде он поехал на покрытое снегом поле для парада вблизи лагеря. На возвышении он был встречен генералом Кестрингом, командующим всеми добровольческими отрядами; уполномоченным по формированию военно-воздушных сил власовской армии генералом Ашенбреннером; командующим военным округом 5, на территории которого находились места формирования Мюнзинген и Хойберг, генералом Фейелем; начальником полигона Мюнзингена генералом Вейнингером и, наконец, мною. Власов в коричневой шинели без портупеи и оружия приветствовал нас немногими словами. Затем он пошел к фронту части. Буняченко вышел ему навстречу и рапортовал от имени дивизии. Власов поблагодарил его в торжественном тоне. Потом решительно и даже быстро стал обходить фронт полков и подразделений, останавливаясь то там, то здесь, чтобы задать вопросы офицерам и солдатам.

После этого Власова повели к трибуне, украшенной елками и с двумя пушками по сторонам, пока части перестраивались для церемониального марша. Началась легкая поземка. Время ожидания было заполнено моим докладом Власову, в котором я передал Власову мою оценку последних недель формирования. Он расспрашивал меня о подробностях и в конце

концов спросил меня — оправдает ли себя дивизия в боевом отношении. Я подтвердил ему это с оговоркой, что для этого ей надо дать правильный тактический шанс. Власов кивнул мне головой.

Потом двинулись маршевые шеренги, вперив взгляд в своего главнокомандующего. Власов пропускал их, обращаясь к каждой роте, как это было принято в России, с несколькими ободряющими словами: «Вперед, молодцы!» или «Смело, сыны мои!». Он настаивал, чтобы генерал Кестринг, Ашенбреннер и я, поскольку мы говорили по-русски, тоже приветствовали проходившие части такими же подбадривающими словами. Мы это делали. Под конец прокатили танки Т-34, как некие советские призраки.

День закончился большим банкетом»[{54}].

В своей книге Фрелих задает вполне резонный вопрос: «Какую же силу представляла Освободительная армия?» И тут же отвечает на него, как человек, прекрасно знающий предмет: «Если считать всех, включая «хиви», то это были сотни тысяч. Хотя они и носили нашивку РОА и были обработаны пропагандой из Дабендорфа, но Власову не подчинялись. Непосредственно под его командой находились только Первая и Вторая дивизии со всеми подразделениями и воздушные силы»[{55}].

Комментируя этот ответ, Фрелих уточняет: «Как я уже упоминал, Гитлер одобрил создание Русского освободительного движения только в целях пропаганды, то есть его целью было разложить пропагандой Красную Армию и вызвать возможно большее число перебежчиков. Его не интересовало развертывание Власовского Движения до уровня серьезного начинания, которое могло принять решающее участие в борьбе с коммунизмом». И это действительно было именно так.

Пройдет всего две недели и все тот же полковник Герре вручит командиру первой дивизии РОА приказ германского командования о подготовке соединения к выступлению на фронт. Что тут началось! «Генерал Буняченко был поражен полученным приказом, который был передан ему, обойдя генерала Власова, — свидетельствует командир 2-го полка дивизии Артемьев. — Выразив полковнику Герре свое недоумение по поводу полученного приказа, генерал Буняченко немедленно связался с Власовым, который был в это время в Хойберте в 60 километрах от Первой дивизии. Если раньше немецкое командование могло безответственно бросать русские части в бой по своему усмотрению, то теперь, когда дивизия была в руках русского командования, дело обстояло несколько иначе. В тот же день генерал Буняченко вызвал к себе командиров полков и

отдельных частей дивизии и объявил им полученный приказ. Он заявил при этом в самой резкой форме, что расценивает действия немецкого командования, как обман и предательство и что будет говорить с генералом Власовым. Командиры частей полностью разделяли мнение генерала Буняченко, и на этом же совещании был намечен план особых мероприятий в дивизии на случай возможного возникновения конфликта с немцами. Впервые возник вопрос о неподчинении, вплоть до вооруженного сопротивления»[{56}]. Произошло это 2 марта 1945 г.

С.А. Ауски (1922—2010), чешский историк, а в прошлом разведчик-проводник (переводчик) 2-го пехотного полка 1-й дивизии РОА, главной причиной недовольства Буняченко называет не только сам факт приказа германского командования русским частям, но и попытку разделить 1-ю дивизию РОА по разным железнодорожным транспортам на мелкие части[{57}].

5-го марта в дивизию приехал Власов, чтобы урегулировать вопрос мирным путем. После его переговоров приказ был изменен: «Дивизия все же должна была выступить, но не в район Штеттина, а в район Люббен, Франкфурт-на-Одере, Котбус, юго-восточнее Берлина. Туда, по заверению немецкого командования, несколько позже должны будут прибыть Вторая дивизия, казачьи соединения и некоторые другие русские войсковые части. В ставке генерал Власов получил заверение, что в этом районе будут объединены все русские добровольческие части и что после этого они будут введены в бой под командованием генерала Власова»[{58}]. Изменился и план переброски. Теперь дивизия должна была следовать походным маршем до Нюрнберга, а затем, погрузившись в железнодорожные эшелоны, убыть в район Франкфурта-на-Одере.

По утверждению Ауски, дивизия покинула Мюн-зинген между 6 и 8 марта 1945 г. Офицером связи был назначен майор Хельмут Швеннингер. И здесь важно отметить следующий момент. По предварительной договоренности с немецким командованием, введение 1-й дивизии РОА в бой планировалось прежде всего в качестве пропагандистской акции. При этом Буняченко была обещана как артиллерийская подготовка, так и авиационная поддержка.

И еще. Главным мотивом действий многотысячной РОА Ауски называет «стремление к сохранению». Следовательно, все недовольства командования 1-й дивизии были связаны не только с нежеланием воевать, но и со скорейшим переходом к американцам и сдачей им в плен.

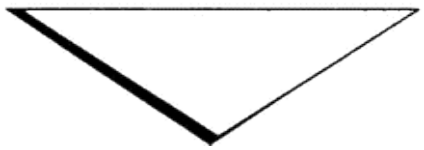
25-го марта последний эшелон 1-й дивизии РОА прибыл на станцию

Либерозе, что находилась в 30 километрах от линии фронта. Части и подразделения разместились по окрестным лесам в ожидании дальнейших приказаний.

27-го марта дивизия поступила в распоряжение командующего 9-й немецкой армией генерала от инфантерии Буссе, который приказал подготовить вторую линию обороны, в 10—12 километрах от передовых немецких позиций. Как пишет Артемьев, «Это еще не означало введения дивизии в бой, но казалось очевидным намерение использовать дивизию в составе 9-й немецкой армии. Вновь возникало опасение, что части Освободительной Армии не будут сведены под командование генерала Власова. Дивизия перешла в отведенный ей район обороны и приступила к инженерному оборудованию своих предполагаемых позиций. Штаб дивизии расположился в деревне Гросс-Мукров, а полки готовили оборону по линии реки Штаубе, между Рейхскрейц и Мюльрозе, юго-западнее Франкфурта-на-Одере»[{59}].

А 6-го апреля «Буняченко получил от командующего 9-й немецкой армии приказ о подготовке дивизии к наступлению на предместное укрепление с задачей отбросить в этом месте советские войска на правый берег Одера»[{60}]. Артемьев свидетельствует: «Немецкое командование решило возложить на Первую дивизию ту задачу, которая в продолжительных, напряженных боях не могла быть выполнена силами немецких частей при более благоприятных условиях, когда не было еще разлива и когда части советской армии еще не успели здесь достаточно укрепиться»[{61}]. Естественно, что Буняченко снова выступил против такого приказа, заявив: «его дивизия находится в подчинении генерала Власова и напомнил командующему о его недавнем заявлении по поводу подчиненности и боевого использования дивизии»[{62}].

В связи с новым бунтом немцы вызвали Власова, который прибыл в дивизию с группой немецких офицеров 9 апреля. Конфликт он уладил и подтвердил приказ командующего 9-й армией. Сам же Андрей Андреевич уехал 11-го, так как спешил по своим личным делам. 13 апреля 1945 г. в отеле «Ричмонд» в Карлсбаде состоится официальная церемония его бракосочетания с фрау Биленберг, вдовой офицера СС. На этот же день будет назначена атака 1-й дивизии, с задачей ликвидации предмостного укрепления «Эрленгоф».



Глава 4.
ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ В БОЮ

По мнению С.А. Ауски, что, безусловно, верно, ввод в бой на Восточном фронте первой дивизии РОА, было банальным желанием проверить ее «на вшивость» испытанием огнем. При этом, как подчеркивает историк, «В надежность добровольческих частей немцы никогда полностью не верили, поэтому для испытания избрали такое место, где перебежке на вражескую сторону препятствовало бы топографическое расположение»[{63}].

Дальше он объясняет, почему укрепление «Эрленгоф» этому соответствовало: «С восточным берегом Одера их соединяла переправа, а мост из Фюрстенберга через Одер был при отступлении немецкой армии уничтожен. Кроме того, укрепление соответствовало общепринятому тактическому условию: его уничтожение было заданием, рассчитанным на силу одной пехотной дивизии. Когда положение на фронте установилось, части Красной Армии использовали каждую ночь для того, чтобы на предмостном плацдарме возводить укрепления, и до середины апреля месяца построили целый ряд дотов полевого типа и траншейной системы, защищенной густыми заграждениями из колючей проволоки и минными полями. Кроме того, оно было под сильной охраной артиллерии с восточного берега Одера, расположенного выше, чем западный, и на нем были луга и поля, открытые в западном направлении»[{64}].

Командир 2-го полка В.П.Артемьев спустя годы вспомнит: «Единственная возможность наступления была только с флангов предмостного укрепления, в узком пространстве между Одером и берегом разлива, вдоль линии советской обороны. Это узкое пространство постепенно расширялось при продвижении в глубину предмостного укрепления. С исходного положения, для наступления, могла развернуться только одна рота, упираясь своими флангами в берега, и только (при очень сомнительном успехе) по мере дальнейшего продвижения ширина фронта наступления могла стать доступной для батальона. Наступление должно было проходить вдоль реки Одер, подставляя свой фронт и фланг под ближний огонь советской стороны. В течение двух последних месяцев затишья оборона советского предмостного укрепления была хорошо оборудована»[{65}].

Командир 1-й дивизии Буняченко прекрасно понимал сложившуюся ситуацию. От наступления отвертеться было нельзя, а в успех наступления он не верил, и это при том, что катастрофа Третьего рейха приближалась с невероятной скоростью. Что делает Буняченко? Он идет на хитрость, которую мы увидим очень скоро. А пока командир 1-й дивизии готовится выполнить приказ и принимает решение…

12 апреля 1945 г., как уточняет Ауски, «было произведено перемещение дивизионной и полковой артиллерии на новые огневые позиции, которая вместе с немецкой артиллерией должна была участвовать в артиллерийской подготовке и переброске огня во время наступления»[{66}]. Примечательно, что немецкое командование отказало 1-й дивизии в выдаче боеприпасов для проведения этой боевой операции. По свидетельству командира 2-го полка Артемьева, «Немцы потребовали использовать имеющиеся в дивизии запасы, обещая впоследствии их пополнить. Генерал Буняченко согласился на это требование. Надо сказать, что в действительности в Первой дивизии боеприпасов было более, чем требовалось, но в штаб 9-й армии умышленно были даны неправильные сведения, сократив в них количество имеющихся боеприпасов более чем в два раза»[{67}]. И это только одна маленькая хитрость Буняченко…

В атаке, назначенной на раннее утро 13 апреля, должны были участвовать две атакующие группы, и как пишет Ауски: «каждая в силе одного пехотного полка, которые должны продвигаться с севера на юг, вдоль берега Одера». Далее, читаем у него один важный штрих: «Использование танков и самоходов в низко расположенной местности, частично затопленной водой, было исключено. Саперную подготовку наступления произвели немецкие части… В северной атакующей группе был 2-й пехотный полк, а южной атакующей группой был 3-й пехотный полк. 1-й пехотный полк находился за немецкой оборонной линией, в качестве резерва командира дивизии.

Остальные дивизионные части остались позади и приступили к сооружению второй оборонной линии. Они находились в состоянии полной боевой готовности, главным образом потому, что командование дивизии опасалось вражеского вмешательства со стороны немецких частей»[{68}]. И это еще одна маленькая хитрость Буняченко.

Что же касается настроения «добровольцев» перед боем, то К. Александров, ссылаясь на свидетельство писаря штаба 1-й дивизии, в одной из своих статей пишет: «рядовой Н.А. Чикетов в 1994 г. в беседе с автором сообщил: «Настроение у всех было какое-то… равнодушное,

одним словом. Приказ так приказ, надо выполнять. Ну, убьют, получишь пулю, и все тут. О чем еще говорить?..»[{69}]. То есть речь идет об апатии и безразличии. Но, как можно слова штабного писаря принимать за душевное состояние тех, кто непосредственно должен был идти в бой? Вряд ли кто-то из власовцев хотел попасть в плен к своим, прекрасно понимая, что его ждет там. Да и умирать никто из них не хотел, выбрав сытую немецкую пайку еще в лагере военнопленных. Например, вот что показал перебежчик — солдат 3-й роты 177 пп 213 пд Сапин Михаил Егорович (1924 г.р.), служивший у немцев с 1942 г.: «Из разговоров с другими русскими я знаю, что они были бы не прочь перебежать, но все убеждены, что здесь их расстреляют. Недавно я слышал разговор солдат о том, что на этот участок ожидается прибытие двух полков власовцев»[{70}].

В отличие от штабного писаря, любопытно свидетельство рядового разведдивизиона 1-й дивизии РОА Сигизмунда Дичбалиса: «Теперь уже много написано о короткой атаке 1-й дивизии на предмостное укрепление Эрленгоф на реке Одер. Тогда же нам не объяснили, зачем без какой-либо попытки провести пропаганду среди красноармейцев, державших это предмостье, нам надо было лезть на колючую проволоку и лежать под минометным огнем, наткнувшись на стену артзаслона с той стороны Одера, теряя наших ребят.

Рано утром я и еще один разведчик были вызваны к командиру отряда. Нам выдали бинокль, компас, планшет и одну снайперскую винтовку, после чего нам приказали отправляться в штаб дивизии для получения приказа от самого комдива генерал-майора Буняченко. Нам дали лошадь, телегу и возницу. На возу был какой-то ящик, который нам надо было доставить в штаб к полуденному часу. Ехали мы через лес, по ухабам и через корни деревьев. Сломалось колесо, мы срезали молодое деревцо и сделали из него что-то вроде лыжи. Вот на таких полусанях-полутелеге доехали до штаба, но с опозданием.

Буняченко уже вел беседу с разведчиками из других подразделений. Выслушав мой рапорт, он подошел ко мне почти вплотную, заревев звериным ревом и обкладывая меня и моего напарника всевозможными эпитетами за наше опоздание. Глядя на него снизу вверх, я нащупал дверную ручку и ждал, когда он замахнется. Генерал заметил это, спросив меня, почему я держусь за дверную ручку? Я честно ответил, что в случае замаха с его стороны намерен выскочить из комнаты, так как по морде меня еще никто не бил, даже немцы.

Буняченко успокоился так же внезапно, как и вспылил. Нам было

поручено засечь все возможные командные точки, часто употребляемые тропы передвижения, места, где часто собираются офицеры и т.п., любым путем, который мы найдем подходящим для этой цели. На вопрос, что делать со снайперской винтовкой, последовал ответ: «В солдат не стрелять, выбирать политруков».

Мы побоялись спросить, как это сделать? Ведь до «политруков» было не меньше 500 метров»[{71}].

Так называемый «плацдарм Эрленгоф» представлял собой предмостное укрепление полевого типа в три километра по фронту и чуть более одного километра в глубину. Его обороняли 2-я и 4-я роты 415-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 119-го укрепленного района (УР) 33-й армии 1-го Белорусского фронта. В состав 119-го УРа входили 6 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов (401, 16, 399, 370, 415-й и 356-й), 538-й армейский минометный полк и полк 142-й армейской пушечно-артиллерийской бригады.

Примечательно, что командующий 119-м укрепрайоном генерал-майор Лихов Гавриил Васильевич (1901) в июле 1941 г., в звании подполковника, был заместителем начальника штаба Киевского укрепрайона (2 августа 1941 г. тяжело ранен). То есть вместе с генералом Власовым оборонял столицу Украины от врага, который с 23 июля был командующим 37-й армией, Киевского укрепрайона и комендантом Киева[{72}]. И вот они снова встретились, но по разные стороны Восточного фронта…

13 апреля 1945 г. в 4 часа 45 минут началась артподготовка, а в 5.00 с севера и юга развернутые в боевые порядки роты власовцев пошли в наступление на своих соотечественников, фронтовых товарищей, братьев, отцов.

В журнале боевых действий 33-й армии будет зафиксировано:

«13—14 апреля 1945 г.

[…]

До 7.20 утра 13.4.45 г. противник вел мощный артиллерийский и минометный огонь, главным образом обстреливая плацдарм южнее ФЮРСТЕНБЕРГА.

Авиация противника парами и одиночными самолетами в полосе армии вела разведку и бомбометание в районах ГЕППЕН, КУНЕРСДОРФ.

В 7.20 13.4.45 г. противник после мощной артиллерийской подготовки атаковал подразделения 119 УР силою до двух батальонов с двух направлений — роща южнее ФЮРСТЕНБЕРГА и севернее отм. 30,7. Завязался упорный бой. Подразделения 16 ОПАБ встретили противника

огнем из всех видов стрелкового оружия. Бой вскоре перешел в рукопашную схватку. После продолжительного и упорного боя атака в роще южнее ФЮРСТЕНБЕРГА была полностью отбита с большими для врага потерями. Бой в районе севернее отм. 30,7 принял несколько иной характер. Противник дополнительно бросил на поддержку своей атакующей пехоте 12 танков и несколько самоходных орудий, и в результате противнику двумя взводами удалось ворваться в первую линию наших траншей и взять временно под контроль переправу на плацдарм. Бой продолжался до исхода дня 13.4.45 г.

[…]

(14.4.45) Ворвавшийся вчера противник в первую траншею 415 ОПАБ 119 УР сегодня после короткого удара был выбит с большими потерями для него отброшен в исходное положение. При этом было взято два пленных, принадлежащие 1603 пп 600 пд (Власова)»[{73}].

Передо мной наградные листы из двух приказов войскам 33-й армии (от 12 мая 1945 г. № 098/Н и от 22 мая 1945 г. № 0108/Н). В них есть награжденные бойцы и командиры из 119 укрепленного района именно за тот апрельский бой. Выбрав из этого списка только офицеров 415-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона (этого вполне достаточно), мы можем представить тот бой, происходивший 13—14 апреля 1945 г.

Начнем с командиров батарей 415-го батальона, так как комбатов командир батальона подполковник Холодков представлял к званию Героя Советского Союза. Однако их наградили орденами Красного Знамени.

Капитан Бабенко Григорий Андреевич, командир 3-й батареи: «В период боевых действий 13 и 14.04.45 г. на малом плацдарме, что южнее гор. Фюрстенберг 2 км противник силой свыше 2-х батальонов по 700 человек каждый (по показаниям пленных) при поддержке артиллерии и 6 танков после часовой артподготовки перешел в наступление на батальон, имея задачу сбить его с плацдарма и уничтожить. Когда гитлеровские власовцы полезли на наши боевые порядки, он открыл по им губительный прицельный огонь в результате чего в 13-часовом бою уничтожил до роты и рассеял до 2-х рот. Кроме того, когда в результате огневых налетов была порвана связь с батареей и противнику удалось прорваться к НП, он сколотил вокруг себя группу бойцов автоматчиков, пулеметчиков и сапер с криком «Ура» рванулся на врага и отбросил их на исходное положение, в результате чего было восстановлено прежнее положение и после чего измотанный и подавленный враг в атаку больше не пошел, чем и был

удержан плацдарм… 16 апреля 1945»{74}.

Капитан Бобрус Николай Фаддеевич, командир батареи 76-мм пушек: «В период боевых действий 13 и 14.04.45 г. на малом плацдарме, что южнее г. Фюрстенберга 2 км. Противник силой свыше 2-х батальонов по 700 каждый (по показаниям пленных) при поддержке артиллерии и 6 танков, после часовой артподготовки, перешел в наступление на боевые порядки батальона и пытался выбить батальон с плацдарма и уничтожить.

Тов. Бобрус, находясь на плацдарме на НП, умело корректировал арт.огнем дивизиона и в результате 18-часового боя, несмотря на то, что вышли из строя все его разведчики и связисты, сумел арт.огнем отсекать и уничтожить противника свыше двухсот человек с их оружием, и рассеял до батальона. Противник 9 раз переходил в атаку и 9 раз она захлебнулась от убийственного огня. В результате чего плацдарм был удержан с понесением больших потерь пр-ку и с малыми потерями для батальона. Кроме того, когда пр-к через боевые порядки пулеметчиков пробился к его НП на 50—70 метров он вызвал огонь на себя, чем спас общее положение…»{75}.

Капитан Бедняков Михаил Васильевич, командир 2-й роты, награжден орденом Красного Знамени: «13 апреля 1945 г. на плацдарме южней гор. Фюрстенберг, противник силой до 650 солдат и офицеров при поддержке 3 самоходок, после сильной артподготовки по плацдарму перешли в наступление на боевые порядки 2 роты.

Тов. Бедняков умело руководил ротой, маневрируя огневыми средствами, малыми силами в течение 18 часов вел бои, отразив шесть контратак, уничтожив при этом 150 солдат и офицеров. Когда гитлеровцы подходили к КП роты, воодушевлял личный состав примером, первый с криком «вперед», «ура» бросился на противника и уничтожил трех солдат. Плацдарм был удержан»{76}.

Старший лейтенант Закон Исак Юдкович, командир пулеметного взвода, награжден орденом Красного Знамени: «13—04—45 г. В период наступления противника превосходящими силами с р-на отм. 30.7 взвод ст. лейтенанта Закон первым принял бой и отбил две атаки противника, а когда противник возобновил атаку, на ст. лейтенанта Закон набросилось до 30 гитлеровцев в жаркой схватке огнем автомата и забросав гранатами уничтожил 15 гитлеровцев и удержал рубеж, затем, собрав пулеметчиков, контратаковал скопившегося противника и выбил его, тем самым способствовал успеху боя и удержанию плацдарма на западном берегу реки Одер южнее Фюрстенберга…16 апреля 1945 г.»{77}.

Капитан Стекольщиков Василий Алексеевич, командир 4-й роты, награжден орденом Красного Знамени: «13 апреля 1945 г. на плацдарме южнее гор. Фюрстенберг противник силой до 500 человек при поддержке двух танков после сильной артподготовки перешел в наступление на боевые порядки 4 роты.

Тов. Стекольщиков, умело руководя ротой, маневрируя огневыми средствами, малыми силами в течение дня отразил четыре атаки противника, уничтожив 50 солдат и офицеров противника, 10 пулеметов и заклинив башню одного танка. Плацдарм был удержан»[{78}].

Подполковник Холодков Иван Иванович, командир 415-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, награжден орденом Красного Знамени: «…13 апреля противник, после часовой мощной артподготовки повел в наступление 2-мя батальонами при поддержке 6-ти танков и авиации на две роты батальона, расположенных на малом плацдарме р. Одер, что 2 км южнее Фюрстенберга. В результате, после 13-часового боя, противник понес потери до 300 человек, не добившись успеха, отступил.

Плацдарм был удержан стойким и героическим сопротивлением двух рот батальона, руководимых подполковником Холодковым»[{79}].

Старший лейтенант Запухляк Василий Исакович, командир пулеметного взвода, награжден орденом Отечественной войны 1-й степени: «13.04.45 г. противник после часовой артподготовки силой до 2-х рот атаковал передний край взвода, будучи раненным, ст. лейтенант Запухляк продолжал умело командовать взводом и отбил две атаки, а когда противник возобновил атаку, ст. лейтенант Запухляк был вторично тяжело ранен, отказывался уйти в тыл и отбил атаку противника, где его взвод уничтожил 50 гитлеровцев, тем самым обеспечил успех боя по удержанию плацдарма на западном берегу р. Одер»[{80}].

Лейтенант Верекин Николай Тарасович, командир пулеметного взвода, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени: «Занимая рубеж обороны на самом ответственном правом фланге плацдарма южнее г. Фюрстенберг лейтенант Верекин с большим знанием дела построил свою оборону и обеспечил высокую бдительность при охране рубежа. В бою 13.04.45 г. противник пытался сбросить наши подразделения с плацдарма. Взвод Верекина стойко оборонял свои позиции, отбивая атаки противника. Четыре атаки предпринял противник, но, понеся большие потери, успеха не добился. Пулеметчики Верекина истребили при этом более десятка немцев, в том числе одного офицера… 16.04.45 г.»[{81}].

Лейтенант Ковальчук Афанасий Федорович, командир минометного

взвода, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени: «Тов. Ковальчук в период боевых действий на плацдарме юж. Фюрстенберга 2 км показал стойкость в бою. Противник силами пяти рот стрелковых и одной саперной пытался выбить наши части с плацдарма. Тов. Ковальчук как старший на мин. батареи принял свое временное командование и открыл огонь по противнику, в результате чего было уничтожено до роты противника, и не допустил сломить нашу оборону, противник отступил… 14.04.45»[{82}].

Старший лейтенант Саливон, командир минометного взвода, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени: «Старший лейтенант Саливон в бою за плацдарм, что юж. 2 км Фюрстенберг показал себя смелым, отважным командиром. 13—04—45 г. пр-к с отм. 30.7 силами одного б-на до 700 чел. при поддержке артиллерии, пытался сломить нашу оборону на плацдарме. По наступающему пр-ку т. Саливон открыл губительный минометный огонь, и в период боя им уничтожено до 130 гитлеровцев и не допустил противника вклинится в нашу оборону… 17.4.1945 г.»[{83}].

Майор Цыганов Владимир Петрович, заместитель командира 415-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени: «В период боевых действий 13 и 14.04.45 г. на малом плацдарме, что южнее г. Фюрстенберг 2 км, противник силой свыше 2-х батальонов по 700 чел. каждый (по показанию пленных) при поддержке артиллерии и 6-ти танков после часовой артподготовки со штабом батальона была порвана связь. Противник перешел в наступление на батальон, имея задачу сбить его с плацдарма и уничтожить. Когда начался бой, тов. Цыганов получил задачу прибыть на плацдарм и руководить боем на месте, но в это время противник занял уже первую траншею и закрепился в ней. Он по приказанию после артподготовки организовал контратаку, восстановил прежнее положение, и плацдарм был удержан с большими потерями для врага… 17 апреля 1945 г.»[{84}].

Старший лейтенант Волков Василий Евдокимович, командир взвода ПТР, награжден орденом Красной Звезды: «13.04.45 г. противник после мощной артиллерийской подготовки перешел в наступление на плацдарме на р. Одер юж. г. Фюрстенберг. Являясь старшим на переправе, т. Волков под губительным артиллерийским огнем противника на лодках бесперебойно обеспечивал доставку боеприпасов на плацдарм. В наиболее напряженные периоды боя сам садился в лодку и вел ее через реку к плацдарму…»[{85}].

Старший лейтенант Кулинич Николай Семенович, командир пулеметного взвода, награжден орденом Красной Звезды: «13.04.45 г. на плацдарме юж. г. Фюрстенберг, прикрываясь мощным артиллерийским и минометным огнем, организовал переправу на лодках боеприпасов и подкреплений. В наиболее трудные периоды боя сам садился в лодку и доставлял боеприпасы, благодаря чему ведущие бой подразделения не ощущали недостатка в боеприпасах, чем способствовал успеху боя и удержанию плацдарма… 17.04.45 г.»[{86}].

Что же касается власовцев, то С.А. Ауски о них пишет следующее: «За наступающими частями группы следовал подполк. фон Нотц в сопровождении командира своего северного батальона кап. Харбрехта и двенадцати венгерских солдат, служивших в немецком полку в качестве добровольцев. Нижеследующие данные взяты из его наблюдений.

Сначала атака проходила соответственно плану, несмотря на то, что на севере наступление вскоре замедлилось. Артиллерия несколько раз перебросила огнь, но атакующие войска, наконец, остановились у проволочных заграждений, где и раньше были остановлены все предшествующие немецкие атаки. Кроме вышеупомянутых препятствий, возникших вследствие неподходящих условий местности, неуспеху, безусловно, способствовало и то обстоятельство, что это первое включение РОА во фронтовые бои было просто слишком запоздавшим. В частях в то время уже не было той дисциплины, чтобы они были способны выполнить столь тяжелое задание. Теоретически рассуждая, их цифровой перевес (приблизительно 1:8), а также оказанная им артиллерийская поддержка должны были привести к успеху. Проволочные заграждения в том месте, до которого дошли атакующие части, были сильно повреждены. Радиоконтакт Красной Армии, перехватываемый в ходе атаки, указывал, в каком затруднительном положении защитники находились: «Пошлите помощь, самолеты, мы не устоим». Части Красной Армии также знали, кто именно их атакует: немецкие самолеты в этот день были обозначены Святоандреевским Крестом.

Критическое положение настало между 8.00 и 10.00 часами. После этого стало ясным, что атака закончится неудачей, т.к. в атакующих полках наглядно проявлялись признаки разложения. Около 12.00 часов они все вернулись на свои исходные позиции.

В то время на захваченной части укрепления оставался один лишь командир немецкого полка со своей группой, которая собирала огнеметы, оружие и боеприпасы, брошенные на поле сражения. Одновременно Красная Армия перебрасывала подкрепления с восточного берега и весьма

медленно, с большой опаской, начала занимать свои первоначальные позиции»{87}.

Именно так закончился первый бой 1-й пехотной дивизии РОА. И вывод немецкими офицерами был сделан определенный: «она не была боеспособной», «в ней сказывались все признаки такой части, которая собиралась наскоро, из абсолютно разнородного материала, и это обстоятельство, вместе с отрицательным влиянием со стороны германского политического управления, а также вследствие приближающегося окончания войны, вызвало в самой дивизии неизбежное внутреннее напряжение». По мнению подполковника фон Нотца, «русская дивизия имела в то время один лишь интерес — самосохранение»{88}. И прежде всего такой интерес имел командир дивизии Буняченко. Только таким образом можно объяснить все его хитрости, на которые он шел в общении с немцами. Об этом говорит и такой факт: «Немецких офицеров больше всего поражал способ командования в дивизии. Командиры полков и батальонов имели командные пункты далеко позади за своими частями, а не среди них, как было привычным в немецкой армии. Например, командир полка подполк. Александров остался за 7 километров позади линии наступления и поэтому мог включаться в ход боя только лишь по радио»{89}.

Потери 415-го батальона 119-го укрепрайона составили: 13 убитыми и 46 ранеными{90}. Первая пехотная дивизия РОА потеряла «370 человек, среди них много офицеров»{91}. В своей книге С. Фрелих сделает глубокомысленный вывод: «Но ни один солдат Дивизии не перебежал к врагу, невзирая на предельное моральное напряжение, а ведь несколько километров разделяло противников… С этой точки зрения Дивизия себя полностью оправдала»{92}. К. Александров, также не хочет признавать очевидное: «Командование 9-й полевой армии вермахта и 1-й пехотной дивизии власовской армии не достигли поставленной цели. В то же время части Буняченко показали неплохие качества, добившись в первый день операции частного успеха там, где его не могли добиться немцы на протяжении двух месяцев»{93}. В его исторических доводах все элементарно: «с учетом географии театра военных действий и абсолютного господства советской артиллерии, надежно прикрывавшей плацдарм, решить поставленную задачу Буняченко не мог».

Однако здесь следует обратить внимание на один, пока никем не отмеченный, но весьма существенный факт. В период с 9 по 15 апреля 1945 г. в полосе 1-го Белорусского фронта проводились мероприятия по

дезинформации противника. Их общей целью было: «Создать у противника впечатление о переходе войск фронта на центральном участке к длительной обороне и о подготовке наступления в районе Штеттин и в районе Губен и этим заставить его перебросить часть своих сил с берлинского направления на штеттинское направление и в район Губен»[{94}].

Если внимательно посмотреть на карту Берлинской наступательной операции, то можно заметить, что имитация подготовки наступления проводилась на флангах 1-го Белорусского фронта. Именно на его левом фланге 1-я дивизия РОА совершила свою неудачную попытку атаки на плацдарм южнее города Фюрстенберг, где как раз завершался показ подготовки ложного наступления по плану штаба фронта. Например, в полосе 33-й армии противнику показывалось ложное сосредоточение танков, а войскам разъяснялось о необходимости укрепления занимаемых рубежей для длительной обороны. Были проведены и другие важные мероприятия по дезинформации.

По докладу штаба 1-го Белорусского фронта от 15 апреля 1945 г. значительную часть всех проведенных дезинформационных мероприятий противник воспринял соответствующе. Немцы значительно усилили авиаразведку на левом фланге фронта, авиация противника неоднократно бомбила ложные мосты через р. Одер в полосе 33-й армии, а также районы скопления войск ложного сосредоточения на правом фланге. Была усилена и наземная разведка противника на участках ложной подготовки наступления, и особенно на рубеже Фюрстенберг, Губен. При этом отмечалось: «Заметных признаков реагирования противником на проведенные дезинформационные мероприятия на центральном участке фронта не отмечено»[{95}].

Командир 2-го полка 1-й дивизии РОА Артемьев, в сущности, подтверждает это своим свидетельством: «Советская оборона не проявила никакого упорства. Встревоженные и обескураженные первыми же выстрелами артиллерийского обстрела советские солдаты организованно отходили со своих позиций в хорошо оборудованные укрытия, почти не оказывая сопротивления наступающим. Зато пулеметный огонь с флангов пронизывал всю линию наступления с близкой дистанции почти в упор. Кроме того, советские минометы интенсивно дополняли огонь пулеметов. Это огневое заграждение было настолько сильным, что продвигаться вперед не было возможности»[{96}].

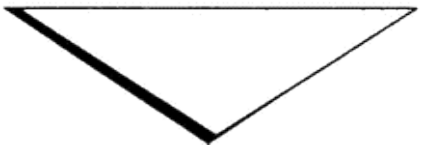
Сразу же после окончания атаки, первая дивизия РОА направилась в тыл. Как пишет С.А. Ауски, «дисциплина еще больше упала. Были даже

случаи перестрелок с немецкими частями»[{97}]. Словом, такая дивизия не хотела и не могла воевать. И Буняченко, пользуясь моментом, принимает давно созревшее решение и отдает «приказ вывести полки из боя, предупредив об этом немецкие части, стоящие в обороне»[{98}]. Тянуть уже было нельзя. Красная Армия вот-вот должна была начать свое последнее и решительное наступление. Это чувствовалось… Например, 14 апреля 33-я армия вела разведку боем в районах юго-восточнее Франкфурта-на-Одере, северо-восточнее Лоссов и северо-западнее и западнее Визенау. Юго-восточнее Франкфурта-на-Одере разведывательным батальоном 95-й стрелковой дивизии была занята первая траншея противника. А 15 апреля бои возобновились на всем фронте[{99}].

И власовцы успели вовремя… Именно 15-го Буняченко увел свою дивизию с фронта. По свидетельству командира 2-го полка Артемьева, «Солдаты и офицеры немецких частей с недоумением смотрели на отходящие русские полки, не понимая, что происходит, так как приказ о смене их власовской дивизией им был уже объявлен. Наступившая темнота дала возможность отвести части, участвовавшие в бою, незаметно для советских войск. Генерал Буссе был ошеломлен действиями дивизии. Он не мог допустить такого грубого нарушения своего боевого приказа и столь дерзкого неповиновения со стороны генерала Буняченко, а поэтому и не был готов к противодействию. Возможно, что он просто не решился на крайние меры»[{100}].

16 апреля в 5 часов утра по московскому времени в полосе 1-го Белорусского фронта началась мощнейшая артиллерийская подготовка. 9000 орудий, минометов и более полторы тысячи установок РС БМ(13 и 31) 25 минут крушили первую полосу обороны на 27-километровом участке прорыва. К утру 18-го, благодаря вводу в прорыв 1-й и 2-й танковых армий, был взят мощнейший узел сопротивления Зееловские высоты. А к исходу 19 апреля Красная Армия прорвала третью линию немецкой обороны. Уже 21 апреля с юга к Берлину подошли передовые части 3-й гвардейской танковой армии.

В это время 1-я пехотная дивизия РОА двигалась на юг, в Чехию.



Глава 5.
ВОПРЕКИ НЕМЕЦКИМ ПРИКАЗАМ

Как пишет С.А. Ауски, «1-ю дивизию, после ее ухода с фронта близ Эрленгофа, объединял с немецкой армией один-единственный фактор: зависимость от поставок горючего материала и продуктов питания». И это при том, что 1-я дивизия самовольно уходила на юг, «вопреки немецким приказам, а часто даже как проявление полного неповиновения»[{101}].

К слову сказать, этот поход 1-й дивизии РОА был очень странным. Она упорно двигалась вопреки всем приказам и распоряжениям. И двигалась, нужно отметить, совершенно безнаказанно для себя…

Командир 2-го полка Артемьев свидетельствует: «Совершив двумя пешими переходами марш свыше ста километров, дивизия расположилась в промышленном местечке Клеттвиц, где и остановилась на двухдневный отдых.

На следующее утро в штаб дивизии прибыло несколько немецких офицеров-делегатов связи штаба командующего группой армии «Север» генерала Вейса. Они привезли приказ командующего о занятии дивизией обороны на новом участке фронта. Генерал Буняченко подтвердил свое первоначальное решение — двигаться на юг для соединения с другими русскими частями Освободительной армии. Он опять настаивал на том, чтобы генерал Власов приехал в дивизию. Делегаты связи ответили, что генерал Власов занят очень важной работой по русским вопросам, а поэтому прибыть в дивизию в настоящее время не может. Но он прибудет, как только дивизия займет назначенный ей район обороны»[{102}]. Далее Артемьев приводит достаточно длинную и резкую по тону речь, которую произнес Буняченко во время разговора с немецкими делегатами. В заключение командир первой дивизии сказал следующее: «Не троньте власовские войска, мы не будем вам мешать умирать за Гитлера… Помните, что теперь уже никакими силами вы не сможете заставить нас бороться вместе с вами. Настает ваш конец… но имейте в виду, что если вы теперь попытаетесь силой оружия принудить нас к повиновению, то будет пролито много крови. Мы готовы упорно сопротивляться! Помните, что мы безжалостно будем истреблять на своем пути все препятствующее нам!» А на другой день 1-я дивизия, «пополнив из местных складов свои запасы, к вечеру выступила в дальнейший путь»[{103}].

В районе Кенигсбурга в 1-ю дивизии вошел русский пехотный полк под командованием полковника Сахарова. После чего численность соединения превысила 20 тысяч человек. А 23 апреля власовцы подошли к Дрездену, расположившись на отдых в 18 километрах от города. Теперь власовцы оказались на территории группы армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Фердинанд Шернер. К слову, та самая группа «Центр» была разгромлена еще летом 1944 г. в Белоруссии. В январе 1945-го ее переименовали в группу армий «Север».

В свою очередь название группы армий «Центр» получила группа армий «А».

Фердинанд Шернер (1892—1973) считается единственным в Третьем рейхе, кто дослужился до этого высшего воинского звания от рядового солдата. Первую мировую он закончил в звании обер-лейтенанта, где трижды был тяжело ранен. Вторую мировую Шернер встретил в чине полковника. Участвовал в Польской, Французской и Балканской кампаниях (1939, 1940, 1941). Был командиром горно-егерского полка и горной дивизии. В 1942 г. генерал-майор Шернер командовал уже горным корпусом в Лапландии, с 1943-го генерал-лейтенант Шернер — командир танкового корпуса на Украине. С 1944-го генерал-полковник Шернер командующий группой армий «Юг», а с июля 1944-го — «Север». Известно, что фельдмаршал (5.04.45) Шернер пользовался особым доверием Гитлера. 30 апреля фюрер указал Шернера в своем завещании, как министра обороны в новом правительстве Дёница. Например, вот как о Шернере отзывался оберфюрер СС В. Родце: «Прежде чем я познакомился с Шернером в Румынии, я слышал о нем массу различных анекдотов, которые характеризовали его как генерала, особенно строго и жестоко хозяйничавшего в своих частях. Солдаты называли его «кровавый Фердинанд». Там, где он появлялся, все сгибались и дрожали, начиная от самого рядового солдата и кончая высшими офицерами». В своем рассказе Родце припомнил один случай, когда он стал свидетелем вспыльчивости и жестокости Шернера: «В один из упомянутых приездов в Кронштадт на военном аэродроме произошел следующий печальный случай: румынский солдат, который лежал около посадочного креста, при приземлении машины был разрезан пополам. Когда Шернер вышел из машины и поздоровался со мной, появился румынский комендант аэропорта, по-видимому, привлечь к ответственности летчика за это происшествие.

Шернер поставил румынского коменданта по стойке «смирно», закричал на него в самой неслыханной форме и спросил его, знает ли он, кто он такой, ведь о его прибытии было предупреждено. Он мог бы

ожидать, что комендант придет к нему с докладом. Он обязательно поставит об этом случае в известность маршала и проинформирует его о порядках на военном аэродроме. Все это говорилось громким приказным тоном и кончилось тем что Шернер предложил коменданту немедленно убираться». Другое свидетельство о Шернере не менее красноречиво: «Генерал горных частей (егерей) Дитль, профессиональный до мозга костей офицер, как-то сказал о Шернере, что тому было бы лучше служить фельд-жандармом (которых солдаты именовали «цепными псами»), чем генералом. Это мнение широко разделялось в войсках которые все еще были восприимчивы в том, что касалось их руководителей»[{104}].

И вот такой фельдмаршал, по каким-то причинам, по отношению к 1-й дивизии РОА, ведет себя более чем странно: «Так начались дни, полные упорных очных ставок с маршалом Шернером, командиром армейской группы «Центр». Маршал Шернер был своеобразной личностью. Он был самым молодым немецким маршалом и этот пост приобрел благодаря своей жестокой безжалостности. Военное счастье ему пока что сопутствовало и он жил в условиях относительного покоя. Подвластная ему территория была частью большого участка, в состав которого входили Чехия, Моравия, Силезия, Австрия, Бавария и Северная Италия… Этот участок был мало затронут военными событиями и союзными бомбардировками. Армейской группе «Центр» принадлежала северная часть этого участка, которая, помимо относительного слабого натиска с востока, в Силезии и Моравии, находилась пока в состоянии относительного покоя, ожидая лишь окончания войны. Крупные наступления происходили на севере и на юге. На Берлин и по долине Дуная. Вследствие этого относительного покоя у Шернера пока что имелось достаточно времени, чтобы разводить интриги, и их мишенью стала именно 1-я дивизия. Шернеру импонировала ее многочисленность и вооруженность, что в то время было уже необычным для сильно ослабленных немецких дивизий. Удивительно, все же, что у него нашлось столько времени, чтобы обратить свое внимание на одну-единственную дивизию», — пишет Ауски.

Отметим лишь, что чешский историк, сам находившийся в то время в 1-й дивизии, также удивляется терпению Шернера. А ведь, как мы уже знаем, Шернер не отличался тактом, не терпел неподчинения и слыл в прямом смысле «цепным псом». И вот этот «цепной пес», вдруг легко отменяет приказ о подчинении 1-й дивизии 275-й немецкой дивизии и всего лишь оставляет право принимать решения о ее дальнейшем использовании. Просто чудо! С одной стороны, 16 апреля началось

наступление Красной Армии, и заниматься какой-то там власовской дивизией ни у кого не было времени. С другой стороны, эта дивизия была сформирована немцами, и она наверняка была им необходима именно как боевая единица. Однако дивизия власовцев получает разрешение двигаться на юг. Проблема была решена в очередной раз.

С.А. Ауски объясняет это просто: «Целью 1-й дивизии было достигнуть территории Чехии как можно скорее. Швеннингер (майор вермахта, офицер связи) в течение всего последующего времени, путем своего влияния старался избегать всех дальнейших приказаний. Военное положение с каждым днем ухудшалось, и дивизия должна была идти по окольным путям, чтобы не столкнуться с Красной Армией. Все верили, что если конец войны застигнет их на территории Чехии, то это будет для них гораздо лучше, чем оказаться среди немецкого населения на германской территории. В этом отдавал себе отчет штаб армии Шернера»[{105}].

Однако перед самым походом последовал очередной приказ немецкого командования: выступить на фронт в районе Косель. Но и на этот раз Буняченко игнорирует его. Причем, отказавшись от предоставлении своему соединению железнодорожного транспорта из Радеберга, он чудом уводит свое войско по узенькому проходу между двумя фронтами на юг. Ауски констатирует: «если бы она ожидала предоставления железнодорожного транспорта в районе Радеберг, то она никогда не попала бы на территорию Чехии».

Но кроме железнодорожного транспорта был еще один опасный момент. О нем рассказывает командир 2-го полка Артемьев: «Еще накануне вечером в 12-ти километрах от расположения дивизии разведкой были обнаружены советские танки. Времени терять было нельзя, необходимо было двигаться вперед, и как можно скорее. До следующего места привала расстояние было 45 километров. Этот путь следовало проделать в трудных условиях сильно пересеченной горной местности. В конце же перехода предстояло преодолеть реку Эльбу. Это было особенно трудной для дивизии задачей, так как если бы немцы хотели приостановить движение дивизии, то они это сделали бы именно здесь. Мосты через Эльбу были частично уничтожены американской авиацией, частично заминированы немцами и подготовлены к взрыву в предвидении приближения советских войск. Заминированный мост, даже с небольшим заслоном представлял бы для дивизии труднопреодолимое препятствие. Преодолеть его было бы невозможно без открытого столкновения с немцами. Самое же незначительное столкновение привело бы к началу больших боевых действий, которых дивизия, несмотря на свою готовность, хотела

благоразумно избежать. Особой трудностью и опасностью на пути движения дивизии в этом районе было то, что все части должны были двигаться одной колонной по узкой горной дороге, единственной ведущей к намеченному мосту. Двигаясь в этих условиях, дивизия не имела возможности в случае надобности развернуться для боевых действий и принять меры к своей защите. Она могла бы быть с легкостью уничтожена с воздуха и возвышенности гор, даже незначительными силами. Осталось совершенно непонятным, почему этого не сделал Шернер? Значит, он не хотел делать этого… Значит, это не входило в намерения немецкого фронтового командования. Почему?»[{106}]. Это действительно более чем странно. И тут Артемьев задает очень многозначительный вопрос: «Почему немецкое фронтовое командование скрывало и от Гиммлера и от ставки Гитлера все то, что происходило на фронте с Первой дивизией?»

В середине 60-х гг. в ФРГ фельдмаршал Шернер встретился с подполковником Артемьевым: «Шернер признался собеседнику: «По требованию Буняченко мы давали дивизии приказы на ее дальнейшее движение и на снабжение только для того, чтобы, узаконив его отчаянные безрассудные поступки, удержать его от еще большего безумия» (НО).

24 апреля 1-я дивизия перешла границу Чехии и остановилась. Власовским частям требовалось горючее и продукты питания. Но тут следует приказ самого Шернера: дивизия должна занять оборону на участке в несколько десятков километров в районе г. Брно. На место дивизию предполагалось доставить железнодорожным транспортом. В случае отказа впервые прозвучали серьезные угрозы из уст фельдмаршала Шернера.

Что делает Буняченко. Он собирает командиров на совет, где принимается единогласное решение: не подчиняться приказу. На что рассчитывали власовцы, в сущности, реально опасавшиеся ярости командующего группы армий «Центр»? А рассчитывали они на то, что «после вступления на территорию Чехии, дивизия будет на «дружественной земле» и… на поддержку населения, когда произойдет конфликт»[{107}].

Когда дивизия обошла ту самую станцию, где ее ожидал железнодорожный состав, обман был раскрыт и Шернер устно передал Буняченко, что остановит его силой. Но деваться власовцам уже было некуда. Форсированный марш был единственным спасением для власовцев. И за два дня апреля (27 и 28) 1-я дивизия преодолела расстояние в 120 километров только с одной остановкой на отдых.

Тогда же, 28-го, в расположении власовцев приземлились два самолета с Шернером, Власовым и сопровождающими их лицами. С.А. Ауски свидетельствует: «В этот раз Шернер вел себя добродушно. С бутылкой и коробкой сигар он пришел узнать непосредственно от командира дивизии, что замышляется. Буняченко, отвечая уклончиво, заявил, что согласен с перемещением в Брно, после чего Шернер одобрил новую ось маршрута, который должен был проходить южнее Праги. Визит продолжался неполный час, и переговоры велись в присутствии генерала Власова.

Генерал Власов остро критиковал поведение Буняченко, подчеркнув, что подчинение Шернеру, как командиру армейской группы, является абсолютно необходимым. Он уже производил впечатление уставшего, надломленного и безвольного человека. Буняченко это заметил, отказавшись перед Шернером признавать его авторитет, как главнокомандующего РОА, и совершенно открыто заявив, что, командуя 1-й дивизией, он сделает все то, что найдет нужным для ее спасения. «… Войну можно считать оконченной, а Германию побежденной…[{108}].

Далее Ауски делает любопытный вывод: «Буняченко фактически взял на себя право самостоятельно распоряжаться 1-й дивизией, отодвинув Власова на задний план. Оставаясь и в дальнейшем для РОА легендарным Андреем Андреевичем, ответственным за судьбу всей армии и десятки тысяч невооруженных бойцов и частных лиц, он до конца войны оставался в стороне. За пражскими событиями он наблюдал издали…»

Скорее всего, действительно, Шернеру пришлось вынужденно сменить гнев на милость. Русская «мятежная» дивизия могла «наломать дров» в тылу его группы армий. Конец войны был делом считаных дней, что оставалось фельдмаршалу? Хотя бы убедиться в истинных планах Буняченко и его войска. Видимо, все так и было.

Свидетельство подполковника Артемьева не менее красноречиво: «Генерал Буняченко был непреклонен. Он нервничал и горячился. Он резко и бестактно, в присутствии генерала Власова, заявил что Русской освободительной армии не существует! Дивизией командует он, и будет делать то, что считает нужным для сохранении своих людей…

Генерал-фельдмаршал Шернер сразу понял ту атмосферу, которая царила в Первой дивизии. Он понял бесполезность всяких дальнейших попыток воздействовать на генерала Буняченко. Фельдмаршал не бросил ни одного слова упрека по адресу Дивизии, не позволил себе даже намекнуть на что-то похожее на угрозу Ситуация оказалась для него совершенно ясной. Проницательность, самообладание и корректность

немецкого фельдмаршала были поразительными»[{109}]. В это сложно поверить, но «цепной пес» генерал-фельдмаршал Шернер мог изменить своим принципам лишь в одном случае: когда сам как командующий уже ничего не мог сделать. Конец войны был однозначным и бесповоротным. Видимо, он и сам думал, как бы не попасть в лапы Красной Армии.

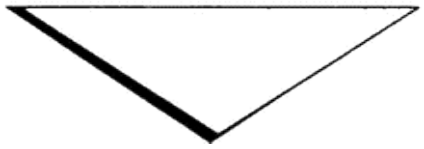
А тем временем общая нервозность стала сказываться и на дисциплине в дивизии, которая стала падать: «Были случаи ограбления военных складов, захвата бензина, конфликтов с немецкими регулировочными органами в проходных пунктах, где дивизия не была внесена в списки частей для прохода через них. Участились стычки с полевой жандармерией, отдельными лицами или группами немецких солдат, бежавших с фронта через территорию дивизии. Нарастали противонемецкие настроения под влиянием местного населения»[{110}].

Одним из таких настроений следует считать конфликт патруля 1-й дивизии с военнослужащими СС, приведший к боестолкновению: «На вокзале в городе Лоуны патрулировал взвод РОА… под командой лейтенанта Семенова. Когда прибыл пассажирский поезд, в котором один вагон был занят группой СС, патруль РОА потребовал, чтобы члены СС предъявили свои документы, после чего попытался их обезоружить. Произошла бешеная перестрелка. Члены СС строчили из пулеметов и автоматов из своего вагона. На стороне СС было четверо убитых и несколько человек раненых. По показаниям старшего лейтенанта Бабушкина, нет сомнения, что это произошло в результате злоупотребления правомочиями. Перед зданием штаба собравшаяся толпа русских солдат требовала, чтобы оставшихся членов СС судили русским военным судом… Весть об инциденте быстро распространилась по всей дивизии, усилив еще больше антинемецкие настроения. Этот инцидент вызвал у Власова большое негодование и обвинение солдат за их поведение»[{111}]. Со стороны власовцев погибли один офицер, два унтер-офицера и несколько солдат…

По мнению чешского историка, именно этот инцидент расшатал падающую дисциплину. Далее он подчеркивает: «Солдаты выразили свою месть немцам тем, что расстреляли весь обслуживающий персонал связного центра, который с конфликтом не имел ничего общего. Власов уже ничего не мог поделать…»[{112}].

Были и другие столкновения, однако именно этот эпизод привел к тому, что немецкие офицеры, находившиеся при Власове, почувствовали себя в опасности. Тогда же они выехали в Германию, оставив Власова

наедине со своей «Освободительной армией». После их отъезда на совещании командиров 1-й дивизии, во избежание дальнейших конфликтов, было принято решение выступить в поход. На ближайшем немецком военном складе были получены необходимое продовольствие и фураж, и рано утром 1-я дивизия РОА двинулась в путь.



Глава 6.
ПРАЖСКОЕ ВОССТАНИЕ

Обстановка накануне восстания в Праге складывалась следующая. 2 мая 1945 г. Красная Армия овладела Берлином. Во второй половине апреля к довоенным границам Чехословакии с запада подошли американские войска, взяли город Аш и в ожидании дальнейших приказов остановились. Однако части и соединения Красной Армии, вступившие на словацкую территорию еще осенью 1944 г., преодолевая упорное сопротивление противника, все еще продолжали ее освобождение. Только 30 апреля они освободили Моравску Остраву, и в этот же день американские части заняли Мюнхен. Чехия же продолжала находиться под немецкими оккупантами. Именно здесь, в окружении, оказалась мощнейшая группировка (около миллиона человек) немецких войск группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Шернера, который должен был вести упорные бои против Красной Армии до сдачи в плен американцам основных своих сил.

Тем временем войска 1-го Украинского и 2-го Украинского фронтов (1 и 2 мая соответственно) получили директиву Ставки Верховного Главнокомандования для стремительного наступления на Прагу.

Как пишет доктор исторических наук В. Марьина, в условиях такого молниеносного сближения армий союзников по антигитлеровской коалиции, прежде всего, было согласование планов их действий: «Эйзенхауэр посредством союзнической военной миссии в Москве находился в постоянном контакте с советским верховным командованием. С конца марта он регулярно сообщал ему о планах и намерениях продвижения войск, которыми командовал, чтобы избежать возможных коллизий между армиями союзников во время проведения воздушных или наземных операций, в том числе и в Чехии. Поначалу Эйзенхауэр вовсе не планировал здесь никаких военных действий.

24 апреля он получил из Москвы информацию от начальника Генерального штаба Красной Армии генерала А.И. Антонова о том, что советские войска намерены провести операцию по очищению от немецких войск долины реки Влтавы, по обеим сторонам которой, как известно, расположена Прага. Эйзенхауэр принял это к сведению. Несколькими днями позже он сообщал главе американского комитета начальников

штабов Дж. Маршаллу: «Советский Генеральный штаб намечает операции в долине Влтавы, результатом которых было бы освобождение Праги. Представляется, что они, несомненно, могут достичь этой цели скорее, чем мы». Тогда советские и американские войска находились примерно на одинаковом расстоянии от Праги, и только последующие события показали, насколько упорным было сопротивление немцев на востоке и слабым на западе, что, естественно, не могло не сказаться на скорости движения обеих союзных армий. 25 апреля У. Черчилль информировал британский комитет начальников штабов о том, что Эйзенхауэр «никогда не планировал идти в Чехословакию» и «никогда не рассматривал Прагу как военную, а тем более политическую цель». Дж. Маршалл тоже высказался против операции в Чехословакии. 28 апреля он сообщал Эйзенхауэру: «Я не хотел бы рисковать американскими жизнями во имя чисто политических целей. Чехословакия должна быть очищена от немецких частей, и при этом мы должны сотрудничать с русскими». В ответном послании Эйзенхауэра от 29 апреля говорилось, что «Красная Армия занимает блестящие позиции для очищения Чехословакии» и что советский генеральный штаб намерен провести операцию в долине Влтавы, результатом которой будет освобождение Праги. При этом он отмечал: «Я не попытаюсь предпринять ни одного шага, который посчитаю неразумным с военной точки зрения, лишь для достижения неких политических выгод, разве что получил бы в этом смысле конкретный приказ от Объединенного комитета начальников штабов». Приказа не последовало. Решение вопроса было оставлено за Эйзенхауэром. Г. Трумэн не стал вмешиваться в решение военных вопросов и поддержал его точку зрения. 30 апреля Эйзенхауэр вновь передал в Москву подробные сведения о планах военных операций союзных войск и указал на возможность их продвижения на линию Пльзень — Карловы Вары — Ческе Будейовице, если позволят обстоятельства. Советское командование приняло это к сведению.

В последние дни войны Чехия приобрела для гитлеровцев особенно важное значение и должна была удерживаться ими любой ценой. В окрестностях Праги располагались крупные бронетанковые части вермахта и СС, артиллерия и авиация.

События на фронтах Второй мировой войны действовали, как катализатор, на настроения населения в еще оккупированной части Чехии. Однако в силу ряда причин движение Сопротивления здесь к маю 1945 г. оказалось значительно ослабленным»[{113}].

О взятии Берлина в Праге узнали только в ночь с 4 на 5 мая. А рано утром премьер-министр правительства Эмиля Гахи — Рихард Бинерт по

пражскому радио передал заявление о ликвидации протектората и начале всеобщего восстания, в котором призвал чешские войска и полицию присоединиться к восставшим, а немцев капитулировать[5].

До сих пор можно услышать утверждения некоторых историков, что пражское восстание «стало последней авантюрой в Европе и оно было совершенной глупостью». И с этим трудно не согласиться, так как «накануне окончания войны в чешском народе, причем во всех его слоях, было много сторонников пассивного выжидания, полагающих, что освобождение придет извне и что малому чешскому народу не стоит зря рисковать и проливать напрасно кровь»[{114}].

Но что случилось, то и случилось. Факт исторический и бесспорный: стихийное восстание в Праге началось. Рабочие крупнейших в городе заводов «Шкода-Смихов», «Вальтер», «Авиа», «Микрофон», «Эта», «ЧДК» захватили радиостанцию, почтамт, центральный телеграф, центральную телефонную станцию, электроцентраль, большинство мостов через Влтаву, железнодорожные вокзалы с немецкими эшелонами и бронепоездами, а также немецкий штаб ПВО. И хотя оккупанты оказали повстанцам сопротивление, к вечеру 5 мая весь немецкий гарнизон был практически вытеснен из Праги. И тогда немцы попытались обмануть пражан. Начав переговоры о перемирии, они использовали это время для переброски своих войск в восставший город.

В процессе переговоров с обергруппенфюрером СС Карлом Германом Франком и комендантом Праги генералом Рудольфом Туссеном, Чешский национальный комитет (ЧНС) не настаивал на немедленной капитуляции германских войск в окрестностях Праги, а потому время было упущено. В ночь с 5 на 6 в город вошли германские танки, днем 6-го на улицах Праги было построено около 2000 баррикад. Начались ожесточенные уличные бои, в которых около 30 000 повстанцев, вооруженных в основном только стрелковым оружием, сразу же понесли значительные потери. Немецкие части прорвались в центр города, захватив ратушу и мосты через Влтаву Тогда же чешское радио передало призыв повстанцев к частям Красной Армии: «Говорит Прага! Прага говорит! Красная Армия, слушайте нашу передачу! Германские войска в большом количестве танков и самолетов нападают на Прагу! Посылаем пламенный призыв доблестной Красной Армии! Нам нужна ваша помощь! Нам нужна поддержка вашей авиации против германских войск, продвигающихся по направлению к Праге! Прага не сдается оружию! Прага не сдается!»

Итак, восстание в Праге началось стихийно, а это значит, что

соответствующей подготовки к нему не было. Отсюда и неравные силы, и недостаточное вооружение, его нехватка, и мольбы о помощи. Однако историк К. Александров на этот счет имеет свою точку зрения: «Важную роль в подготовке восстания сыграла подпольная комендатура Большой Праги «Бартош»… подчинявшаяся чехословацкому генералу К. Кутлваршу Штаб комендатуры возглавлял подполковник Генерального штаба бывшей Чехословацкой армии Ф. Бюргер. Чешский национальный совет (ЧНС) во главе с профессором А. Пражаком выполнял исключительно представительские функции. К деятельности столичной комендатуры ЧСН отношения не имел; отчасти в связи с тем, что ни Кутлварш, ни Бюргер не симпатизировали преобладающим в Совете коммунистам. Однако в структуре ЧНС существовала собственная военная секция (комиссия); руководил ею прибывший из Великобритании капитан Я. Неханский… готовый играть роль посредника между ЧНС и комендатурой «Бартош»[{115}].

Однако все было не совсем так: «Планы восстания в тылу нацистов чешское подполье вынашивало давно, — уточняет Я. Шимов. — Находившееся в Лондоне чехословацкое правительство хотело показать союзникам, что движение Сопротивления в стране не дремлет. Но по мере продвижения советских войск эти планы становились менее конкретными. Правительство вернулось на территорию Чехословакии, в освобожденный словацкий город Кошице. Гитлеровский рейх был явно обречен, и чехословацкое руководство, казалось, решило дождаться освобождения Праги советскими или союзническими армиями. К тому же готовность подполья к действиям оказалась невысокой. Капитан Яромир Неханski, посланный в качестве связного в Прагу, докладывал с необычайной резкостью: «Ситуация здесь дерьмовая. С военной точки зрения не сделано почти ничего. Политики ругаются между собой и делят кресла. Оружия не хватает…»

Восстание, однако, вспыхнуло само собой, стихийно. Как ни странно, толчком к нему стало распоряжение властей протектората Чехия и Моравия, разрешивших вывешивать на улицах национальные флаги. Коллаборантское правительство хотело принять власть от немцев и, возможно, договориться с США и Британией, чьи войска в последние дни апреля 1945 г. вступили на территорию Чехии с запада. Жители Праги не только украсили улицы флагами, но и принялись уничтожать символы оккупации — немецкие вывески и указатели. Начались стычки с оккупантами. Во многих местах нацисты открывали огонь по людям, стиравшим немецкие надписи. В ответ пражане взялись за оружие, добытое

на складах полиции и военных формирований протектората или сброшенное союзниками с самолетов»[{116}].

По мнению В. Марьиной, ЧНС — Чешский национальный совет был весьма разношерстным в политическом отношении органом, в котором важную роль играли коммунисты. Он, безусловно, претендовал на руководство готовившимся в Чехии восстанием, но сформировался только в конце апреля и не успел установить связь с местами. И еще. «Координация действий с войсками союзников тоже не была налажена. Практически ничего не было известно о ЧНС и его планах чехословацкому правительству, которое переехало в освобожденную Братиславу. Скудная информация о ЧНС, имевшаяся у Москвы, порождала ее недоверие к этому органу, которое еще более возросло в связи с действиями ЧНС в ходе восстания»[{117}].

Председателем Чешского национального совета, объединившего все демократические силы с 29 апреля 1945 г. был Альберт Пражак (1880—1956). Доктор философии, писатель Пражак работал в Министерстве образования, был профессором чешской и словацкой литературы Братиславского университета, около 30 лет преподавал на философском факультете Карлова университета. С 1928 по 1929 — ректор этого университета. Пользовался большой известностью и авторитетом, как ведущий деятель чешской культуры.

Заместителем председателя Чешского национального совета был коммунист Иозеф Смрковский. Из рабочих (пекарь). Был председателем профкома одного из небольших предприятий. На партийной работе с довоенных времен. Окончил школу Коминтерна в Москве. Во время войны в подполье, с 1944 г. — член подпольного ЦК КПЧ. В 1943 г., когда гестапо полностью уничтожило нелегальное руководство КПЧ и прервало всякую связь с Коминтерном, начал самостоятельно восстанавливать новую подпольную структуру КПЧ в чешских землях.

Совету, как указывает Ярослав Шимов, «подчиняется военная структура — командование «Бартош» во главе с генералом Карелом Кутлваршом»[{118}]. Бригадный генерал Карел Кутлварш (1895—1961) был командиром 4-й пехотной дивизии до ликвидации Чехословацкой армии после Мюнхенского сговора с Гитлером. В 1939 г. вышел на пенсию и работал гражданским чиновником в пражском магистрате. В 1944 г. он связался с движением Сопротивления, став членом организации бригадного генерала Зденека Новака. Также сотрудничал с подполковником генштаба Ф. Бюргером из командования «Бартош» и с бригадным

генералом М. Слунечко из командования «Алекс». Именно Слунечко в конце апреля 1945-го стал подпольным военным начальником «Большой Праги», и был связан с членами лондонского правительства. Что же касается Кутлварша, то в апреле 1945-го он «связался с подпольной организацией «Оборона народа», в мае вошел в штаб «Бартош», 5 мая возглавил этот штаб, а тем самым и руководство восстанием, которое началось в Праге.

Командиром Праги стал тогда капитан Яромир Нехански, который 17 февраля 1945 г. прибыл из Лондона в составе группы парашютистов-десантников… высадившихся близ г. Хрудима. Генерал Кутлварш стал его заместителем. Но поскольку деятельность капитана распространялась на всю территорию Протектората, действительным командиром «Большой Праги» в подпольном штабе «Бартош» был Кутлварш»[{119}].

Так что никаким посредником между ЧНС и комендатурой «Бартош» капитан Нехански не был. «Бартош» же, как военная структура, подчинялась ЧНС.

Но вернемся к восстанию… «Бои идут по всему городу — с переменным успехом. На нескольких участках немцы отброшены, несмотря на большой перевес в вооружениях и технике. Командующий войсками Ваффен-СС в Чехии генерал фон Пюклер с некоторым удивлением докладывает фельдмаршалу Шернеру: “мятежники сражаются, вопреки ожиданиям, хорошо и смело. У них есть фаустпатроны и четырехствольные зенитные пулеметы”».

Тем не менее натиск усиливается. Разъяренные сопротивлением, эсэсовцы развязывают в городе террор. Они берут в заложники десятки мирных жителей и гонят их перед бронетехникой в качестве «живого щита». На Устобской улице в районе Панкрац (ныне улица Жертв 6 мая) нацисты совершают зверское и бессмысленное преступление. Ворвавшись в один из домов в поисках повстанцев, они убивают 37 человек, в основном женщин и детей. Затем в саду перед соседним домом расстреливают еще 16 мирных жителей. Один из них, 10-летний мальчик, легко раненный первым залпом, умолял эсэсовца не добивать его. Его забили прикладами винтовок. Другая женщина, жена местного немца, пыталась спастись, крича, что она гражданка Германии. Ее убили вместе с двумя детьми»[{120}].

Считается, что первые представители пражского подполья, желавшие выяснить планы и намерения командования 1-й дивизии РОА, появились у власовцев 30 апреля в Козоедах. А 2 мая 1945-го командиру дивизии Буняченко с нарочным был передан приказ коменданта Праги, который

гласил: «Если дивизия уклонится от в свое время предписанной дороги, и уклонится от поставленной ей с этим задачи — то против дивизии будет применена вооруженная сила»[{121}]. Александров называет этот документ важным, предопределившим выступление дивизии на стороне повстанцев: «Власовскому генералу казалось тогда: даже в том случае, если его дивизия продолжит свой несанкционированный германским командованием марш на юг, мимо Праги, она непременно подвергнется нападению со стороны немецкого гарнизона — скорее всего VIII авиационного корпуса или войск СС, расположенных в окрестностях города. У Буняченко — человека эмоционального, обладавшего взрывным характером, — ультиматум Туссена вызвал резко негативную реакцию… Поэтому после отъезда Клейста, пообещавшего ждать ответа, когда в Козоеды вновь приехали делегаты комендатуры «Бартош», Буняченко сообщил им, что готов оказать помощь в случае крайней необходимости. В тот же день дивизия двинулась в Прагу»[{122}].

Командир 2-го полка дивизии Артемьев свидетельствует более мягко: «Учитывая настроение солдат и офицеров дивизии, генерал Буняченко был уверен, что, находясь в центре развивающихся в Чехословакии событий, дивизии невозможно будет оставаться безучастной. Если командование организованно не поведет ее в бой на стороне чехов, то дисциплина рухнет, люди сами стихийно вольются в эту борьбу. При этом будет потеряно управление войсками, удержать которое в своих руках командование не будет уже в состоянии… В этом генерал Буняченко был прав. Происходило противоречие психологии и политики — чувства и рассудка… Генерал Власов тоже понимал это. Надо было учитывать настроение и порыв людей в создавшихся условиях. Но ни Власов, ни Буняченко еще не решались сказать свое последнее слово.

Наконец, было решено, что Первая дивизия поддержит восставших чехов, но лишь при крайней к тому необходимости»[{123}].

Мотив власовцев Александров объясняет так: «Буняченко, кроме грозного ультиматума от Туссена, в своих решениях руководствовался и стремлением спасти жизни своих подчиненных. Дивизия попала в тиски между нацистами и большевиками. А союз с чешскими повстанцами-антифашистами, совместное с ними изгнание немцев из Праги могли открыть выход из того трагического и смертельно опасного тупика, в котором оказались власовцы. Под влиянием переговоров с «Бартошем» у Буняченко зародилась надежда: если Прагу займут американцы, то все военнослужащие власовских войск наверняка смогут получить

политическое убежище в Чехословакии»{124}. То есть, если бы не развал дисциплины в дивизии, если бы не «тиски», если бы не угроза коменданта Праги, то 1-я дивизия ни за что в жизни не помогла бы повстанцам. Она прошла бы мимо.

В книге Ауски есть очень любопытное свидетельство о переговорах командира первой дивизии с повстанцами 3 мая: «С генералом Буняченко встретился капитан правительственного войска Рендл, начальник замковой охраны в Ланах и, как свидетельствуют документы… передал результаты переговоров через чешскую военную комендатуру в городе Кладно, пражской комендатуре «Бартош».

Относительно этих контактов подполковник Тензоров-Ветлюгин приводит несколько интересных подробностей. По его сведениям, в начале мая в Праге находилась часть штаба генерала Власова, имеющая особое задание, цель которого автор книги преднамеренно не указывает… Эта группа вернулась в штаб непосредственно перед началом боев. В городе Лани штаб дивизии посетили два чешских офицера, которые вручили короткое письмо, приглашающее командира дивизии для дальнейших переговоров в город Лани. В качестве связного был уполномочен подполковник Тензоров, который затем, вместе с переводчиком и группой автоматчиков, отправился в договоренное место в город Лани. Там они встретились с двумя чешскими капитанами, один из которых предложил от имени советского командования, чтобы 1-я дивизия ожидала в районе Праги прибытия частей Красной Армии, а затем вместе с ними выступила бы против немецкой армии. Переговоры велись на чешском языке и разговаривал лишь один из двух капитанов. Второй капитан в продолжение всего разговора хранил молчание. Позднее, еще во время переговоров, выяснилось, что второй капитан на самом деле был офицером Красной Армии в чешской военной форме. После того, как Тензоров отказался от какого-либо совместного выступления с Красной Армией, чешский капитан заявил, что в таком случае, военные акции 1-й дивизии на территории Чехии и, в частности, оказание помощи Пражскому восстанию, являются нежелательными. На этом встреча закончилась. Напоминаю, что этот разговор происходил за 3—4 дня до самого начала самого восстания.

Тензоров также указывает, что в районе дивизии появились «русские партизаны». В действительности же, это были советские десантники и их заданием было следить за деятельностью дивизии. Боевых стычек с ними, однако, не было»{125}.

Спустя 24 года, в мае 1969-го, в газете «Руде право» будет

опубликована беседа с председателем Национального собрания Чехословакии Йозефом Смрковским. Вспоминая восстание в Праге, он расскажет и такой эпизод: «Советское командование послало к нам весной 1945 г. специальную группу парашютистов, которой командовал полковник Савельев. Сброшена она была в лесном массиве Броды. Савельеву была поставлена задача проникнуть в ряды власовской армии с тем, чтобы она повернула свое оружие против немцев. Советские парашютисты добились своего, хотя следует оговориться, что я этого не знал»[{126}].

Многие не знают об этом до сих пор, потому что в отличие от власовцев Петр Степанович Савельев, по самым разным причинам, долгое время молчал. Не оставил он и мемуаров. И только благодаря журналистам, некоторые его отрывочные воспоминания увидели свет. И кто знает, может быть очень скоро, мы увидим совершенно неизвестные до сих пор документы, которые более наглядно поведают нам о тех событиях на территории Чехии весной 1945 г. А пока остановимся на том, что известно…

Петр Степанович Савельев полковником не был. Его воинское звание капитан. Свою диверсионно-разведывательную группу «Ураган» в количестве 12 человек он готовил лично сам. Это разведчики из партизанского соединения Федорова и знающие немецкий язык чехи из дивизии полковника Свободы. Выброска произошла в марте 1945-го. Как и у любого диверсионного отряда, задач у «Урагана» было много, о чем в следующей главе. А пока лишь остановимся на одной, той самой, о которой знали даже власовцы.

Петр Степанович, конечно же, уже был стар, когда им заинтересовались журналисты. Какие-то детали забываются, какие-то путаются. Но в целом человек еще помнит многое. Помнил и капитан Савельев, как перед вступлением 1-й дивизии РОА в Прагу он направил туда разведчика Мишу Роговенко. Вероятно, это и был тот самый капитан, о котором пишет Ауски в своей книге. Петр Степанович утверждал, что назад на базу Роговенко вернулся в сопровождении чинов штаба первой дивизии. Переговоры продолжились уже с самим командиром «Урагана»:

«Парламентеры попытались поставить условие: с них должна быть снята вина за измену Родине.

— Я не имел таких полномочий и отказал им. — Савельев помолчал. — Но даже если бы такие полномочия были, то все равно отказал бы.

Делегация отбыла обдумывать ультиматум. Пал Берлин. Была получена шифровка о начале переговоров о капитуляции. Власовцы решили выторговать индульгенцию у пражан. Представители штаба первой

дивизии РОА заявились в Прагу и предложили помощь в обмен на политическое убежище. Руководители повстанческого комитета не поверили карателям. Тогда 2 мая парламентеры Буняченко приехали в лес и заверили Савельева в нейтралитете без всяких условий.

Это событие стало сигналом к распаду РОА.

— К нам шли сдаваться бывшие военнопленные, приходили группами: по 20—30 человек, — рассказы-вает Савельев. — В свое время они предпочли службу в РОА смерти в концлагере. Предав Родину, а теперь немцев, эти люди клялись в верности в третий раз. Я принимал у них присягу и оставлял в отряде с обещанием, что предоставлю возможность искупить вину кровью. Часть перевоспитавшихся я направлял назад к Власову — уговаривать сдаваться дружков. Кроме того мы сформировали из перебежчиков два отряда. Ими управлял мой заместитель Федя Борисов.

Федя Борисов (Хисматулин Фатых Бакеевич), зам. командира группы «Ураган», до конца жизни работал учителем в селе Тюльбяково БА ССР, умер 24 мая 1972 г.

5 мая началось восстание. Отряд НКГБ «Прага», который в последние дни войны был подчинен Савельеву, захватил на несколько часов пражскую радиостанцию. Командир отряда Андрей Броневой подготовил текст обращения к союзникам от имени повстанцев. Призыв о помощи к Сталину, Черчиллю и Эйзенхауэру был передан в эфир на русском и английском языках.

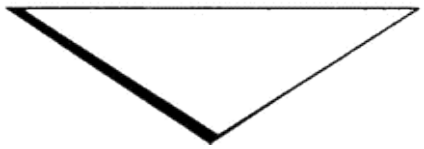
— Американцы и англичане это обращение услышали и записали, о чем я узнал уже после войны, — заметил Савельев, — но на помощь не пришли, хотя были всего в 70 километрах от Праги.

На улицах города, на баррикадах, которых было сооружено более 2000, сражались против эсэсовцев и войск военной полиции чешские повстанцы, бойцы советских диверсионных отрядов и включенные в их состав бывшие власовцы.

— Их было максимум 300—400 человек во всех наших отрядах, — подчеркивает Петр Степанович, — в том числе в моем не более 150»[{127}].

Сегодня адвокаты власовцев, по понятным причинам, не верят воспоминаниям таких ветеранов, как Петр Степанович Савельев, прекрасно зная, что в его доме никогда не было и не будет архивных документов, благодаря которым он мог бы подтвердить все свои слова. Потому и, не без издевки, опровергают… Любое же слово власовца, будь то рядовой писарь штаба, как мы уже знаем, у них фиксируется и цитируется в качестве неопровержимого источника. А потому история РОА, сама по себе, какая-то странная. Может быть потому, что тему предательства там

аккуратненько заменили на «нестандартное и непривычное поведение человека в экстремальной ситуации». Теперь это называется так! Ну, да Бог с ними, с предателями и их адвокатами. Доктор исторических наук А.В. Окороков, например, один из немногих специалистов, который не просто засомневался во всей этой власовской возне с участием в восстании, а выразился достаточно конкретно и предельно ясно: «Дело в том, что ни в опубликованных исследованиях, ни в доступных автору архивных материалах не было обнаружено ни одного документа, подтверждающего факт призыва руководителей чешского восстания к 1-й дивизии ВС КОНР оказать им вооруженную помощь. Нет ни одного слова о помощи чехам и в протоколах допросов генералов и офицеров РОА: Власова, Буняченко, Николаева, Жуковского и др. В этих документах действия 1-й дивизии объясняются процессом разложения личного состава и потерей контроля над военнослужащими командованием дивизии. Этот факт опровергает распространенную версию авторов воспоминаний — участников событий об устной просьбе о помощи»[{128}]. Что, собственно, нетрудно заметить в мемуарах Артемьева и в книге Ауски.



Глава 7.
ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ В ПРАГЕ

Буквально накануне восстания генерал Эйзенхауэр отдал приказ армии генерала Паттона «начать наступление в Чехословакии, продвинувшись до линии Пльзень — Карловы Вары — Ческе Будейовице. Об этом Эйзенхауэр и сообщил в Москву 4 мая, добавив, что, если ситуация потребует, армия готова продвинуться далее до рек Влтава и Лаба и освободить западные, т.е. левые, берега этих рек в то время, как советские войска освободят восточные, т.е. правые, их берега. В ответном письме Эйзенхауэру от 5 мая Антонов настаивал на первоначальной договоренности, мотивируя это тем, что советские войска уже начали перегруппировку сил и приступили к реализации ранее запланированной операции. Продвижение американских войск на запад грозило возможностью столкновения и перемешивания войск союзников, чего не желали обе стороны. Это был важный военный аргумент, что должен был признать и Эйзенхауэр. Но в советской позиции, несомненно, присутствовала и скрытая политическая мотивация.

Чехословакия, которая имела союзный договор с СССР и подавляющая часть которой была освобождена Красной Армией, согласно представлениям Москвы, как, впрочем, и Эйзенхауэра, входила в сферу советских интересов.

Поэтому советское руководство было заинтересовано в освобождении чехословацкой столицы Красной Армией. Американские войска остались на договоренной в апреле линии. В посланной Антонову телеграмме Эйзенхауэр писал: «Полагаю, что советские войска смогут быстро перейти в наступление и разгромить силы противника в центре страны».

Так и произошло. 4 мая командование войсками 1-го УФ отдало приказ армиям правого крыла быть готовыми к исходу 6 мая начать «стремительное наступление… в общем направлении на г. Прага… и танковыми армиями на шестой день операции овладеть ею». Измотанным в боях за Берлин войскам предстояло преодолеть Рудные горы на севере Чехии и подавить упорное сопротивление противника»[{129}].

Когда восстание в Праге началось, генерал Паттон выполнил приказ в течение 5—6 мая, «остановившись на линии Пльзень — Карловы Вары — Ческе Будейовице, далее в соответствии с указанием начал проводить активную разведывательную деятельность в пражском направлении. Он

очень хотел войти в Прагу, благо не встречал фактически никакого сопротивления со стороны немцев. Однако 6 мая было получено указание Эйзенхауэра: «Информируйте, пожалуйста, генерала Антонова… что я приказал своим силам не переходить линию Ческе Будейовице — Пльзень — Карловы Вары. Полагаю, что советские силы могут продвинуться быстро и разрешить ситуацию в центре страны»[{130}].

К исходу дня 5 мая, как свидетельствует Артемьев, 1-я дивизия РОА подошла к Праге, и с ходу развернувшись в боевые порядки, вошла в окрестности города.

Рядовой РОА Сигизмунд Дичбалис вспоминал о том походе так: «Рано утром мы двинулись опять. На этот раз все говорили о том, что мы идем к столице Чехословакии, чтобы встретиться с американцами, наступающими тоже в этом направлении, но с юго-запада. Все чаще и чаще нам встречаются группы чешских партизан. Говорили, что пехотный полк, следующий за нами, разведчиками, ввязался в перестрелку с отступающей немецкой пехотой. Убитых было мало, но удалось захватить много оружия и патронов, так нам необходимых для вооружения большого числа присоединившихся к нам так называемых «остарбайтеров», т.е. вывезенных из Советского Союза гражданских лиц, которых немцы распределяли по фермам или заводам как рабскую рабочую силу»[{131}].

Итак, первая дивизия РОА в Праге… Немецкий гарнизон города, по данным К. Александрова, «насчитывал не более 10 тыс., не считая полиции, служащих Гестапо и других военизированных учреждений. В его состав входили отдельный велосипедный полк СС, несколько отдельных рот IX авиационного корпуса, подразделения 31-й добровольческой гренадерской дивизии СС, учебный артиллерийский полк СС, 2-й учебный и резервный панцергренадерский батальон СС, несколько отдельных батарей, некоторые подразделения 539-й Пражской территориальной дивизии Вермахта (72-й полк, 374-й и 504-й пехотные батальоны, 539-й артиллеийский полк). На аэродроме в Рузини… базировались части VIII авиационного корпуса. На их вооружении состояли истребители Ме-262. В 18-ти пражских госпиталях и многочисленных амбулаториях на излечении находились около 50 тыс. раненых и больных немецких военнослужащих Кроме того, уже в ходе восстания, в боях 5—8 мая приняли участие войска СС, дислоцировавшиеся за пределами Праги: учебные и резервные части формировавшейся 44-й дивизии «Валленштейн», несколько боевых групп артиллерийского училища из Бенешова… танковая боевая группа «Якобс», полк «Фюрер» 2-й танковой дивизии «Рейх» и еще несколько мелких

частей. Всего до 5 тыс. человек»[{132}].

Здесь стоит отметить, что Александров в своих подсчетах сил немецкого гарнизона Праги ссылается на данные, представленные в книгах С.А. Ауски и И. Гофмана. Однако эти цифры очень и очень приблизительны. Например, неизвестно точное количество, а также численность немецких подразделений и частей, прибывших в Прагу уже в ходе восстания. Вообще неизвестно количество немецких орудий, минометов и бронетехники.

А все потому, что, как пишет С.А. Ауски, «Немецкий военный архив за 1945 г., за малым исключением был утерян или сожжен». Но кое-что там нашлось: «Отступательные бои немецкой армии, как на западном, так и на восточном участках фронта, начались в начале апреля согласно приказу Адольфа Гитлера от 15 марта 1945 г. В наиболее важной части его говорится: «Русским необходимо оказывать самое решительное сопротивление, а западного противника задерживать в его наступлении. При наступлении обоих противников необходимо уничтожать все мосты и все коммуникационное оборудование. Это является обязанностью военных командиров; уничтожать и парализовать промышленные объекты является заданием гаулейтеров и ответственных хозяйственно-административных органов…»

Согласно сведениям А. Шпеера известно, что этот приказ выполнен не был, главным образом, относительно промышленных объектов и коммуникаций. Командующий армейской группой «Юг» генерал Рендулич приказа тоже не послушался, т.к., будучи австрийцем, явно не желал способствовать военным разрушениям в Австрии, на территории которой его армейская группа вела отступательные бои.

Совсем иначе было в армейской группе «Центр», командир которой фельдмаршал Шернер готов был исполнять все приказы до последней буквы. Однако давление Красной Армии с севера и востока увеличивалось интенсивно настолько, что не оставляло достаточно времени для выполнения приказа. В конце апреля в распоряжении Шернера еще находилась армия численностью в 1 200 000 человек[6]. На север граница его группы проходила в районе г. Коттбус, на юге же она менялась несколько раз. Поэтому часть Южной Чехии и Моравии иногда переходила в ведение командования группы «Юг», командиром которой с 6 апреля был генерал-полковник Лотар Рендулич и которая насчитывала 600 000 бойцов.

По записям в «Кригстагебух» (КТБ), на территории Протектората 26 апреля еще находилось 79 000 бойцов в подразделениях, которые не были

включены в боевые части.

Тогда же в КТБ приводится запись о приказе сосредоточить все незанятые силы армейской группы «Юг» в районе города Линц, откуда они будут переброшены в Протекторат или на Северный фронт.

С этой записью связана и предшествующая запись от 12 марта, согласно которой предполагалась оборонительная линия на реке Лабе со многими укреплениями, которые в чешском районе должны были построить подразделения безопасности Верховного командования запасной армии. Кроме того должна быть произведена рекогносцировка на линии реки Влтава…

…В первых числах мая до новой оборонительной линии дошла 20-я Гренадерская дивизия СС (1-я эстонская), стянутая в значительно ослабленном виде с фронта в Силезии…

В Моравии Красная Армия пробивалась на запад весьма медленно и верховное командование немецкой армии явно замышляло развернуть решающие бои в районе города Иглава:

26 апреля в этот район была послана 10-я десантная дивизия и, одновременно, 2-я СС-танковая дивизия «Дас Рейх». 27-го апреля в армейскую группу «Центр» была также направлена 9-я СС-танковая дивизия «Хохенштауфен». Сосредоточение этих сил явно имело целью укрепить оборону против одного из главных наступлений Красной Армии, которое ожидалось в районе г. Брно.

Удалось ли всем вышеперечисленным дивизиям добраться до указанного им в приказе района остается под вопросом»[{133}]. А дальше чешский историк делает следующий вывод: «Важно, что часть сконцентрированных воинских частей, в конце концов, принимала участие в попытке ликвидировать пражское восстание 7 и 8 мая». Однако Александров из трех указанных соединений упоминает только про полк 2-й танковой дивизии СС. И это при том, что 10-я парашютная дивизия была сформирована 1 марта 1945 г. Известно, что она воевала в Австрии, затем в Чехии, а 9 мая 1945 г. остатки соединения сдались в советский плен[{134}]. Остатки 9-й танковой дивизии СС 26 апреля получили приказ передислоцироваться в район Штейера, где 5 мая сдались американцам[{135}]. 2-я танковая дивизия СС, после боев в Венгрии, в апреле 45-го отступила в Чехию, а в мае 1945 г. сдалась американским войскам в Австрии[{136}]. То есть в данном случае мы можем говорить о двух немецких дивизиях, чьи части принимали участие в подавлении восстания в Праге.

Что же касается непосредственно немецкого гарнизона Праги, то здесь

мы снова не можем проигнорировать документальный источник С.А. Ауски: «В ближайших окрестностях Праги, в Миловицах и Бенешове, в учебных районах были сосредоточены части СС, которые, однако, не принимались в расчет при обороне Праги. Для той цели в большинстве случаев в ускоренном порядке были созданы новые части. Например, одной из них был велосипедный полк в учебном районе Миловиц под командой подполковника фон Флотова, который потом действительно участвовал в пражских боях, а 6 мая даже проник в часть города Мала Страна; далее, пехотные роты, организованные из авиачастей, из которых одна участвовала в боях непосредственно в районе Комендатуры оборонительного округа, т.е. в центре Праги; и, наконец, несколько частей, состоявших из самых старых и самых молодых призывников, а также учебные подразделения, которые в Праге и ее окрестностях проходили обучение при 31-й СС…(добровольческой гренадерской дивизии СС).

Перед восстанием в городе находилось также два батальона СС, несущих сторожевую службу в Пражском замке. Юридический факультет был занят одной из этих частей.

В разных местах района Большой Праги были размещены учебные и резервные подразделения, а именно: СС-Резервный и учебный артиллерийский полк под командой СС-полковника Эйнспеннера, в Дейвицах; СС-Учебный и резервный батальон танкодесантников…№ 2, в Рузини (бывшие артиллерийские казармы), под командой СС-майора Якоба Оэттингера.

На аэродроме в Рузини стояли части IX авиакорпуса… истребительная эскадрилья и 30 человек наземного персонала. Частями на аэродроме командовал генерал-майор Кортэ. До 7 мая общая численность авиачастей уменьшилась до 60 человек.

Сверх того, командование перевело в Прагу несколько батарей артиллерии, сосредоточив их на Страгове и Петршине. В общее количество вооруженных лиц необходимо включить и части немецкой полиции и полевой жандармерии, сторожевые части многих военных объектов, включая 18 главных военных лазаретов, где в то время находилось около 50 000 раненых. Немцы имели в своем распоряжении также два главных военных аэродрома, Рузынь и Кбелы, и противотанковую оборону.

Наконец, в Праге находилась часть подразделений пражской 539-й…(территориальной дивизии вермахта) с гарнизонами по всей Чехии, как и 540-я…(территориальная дивизия вермахта) в Моравии. В 539-й дивизии в Праге, вероятно, находились части 72-го полка, 374-й и 504-й пехотные батальоны и 539-я артиллерийская часть. Командиром дивизии был

генерал-лейтенант Рихард Спейх. Численность размещенных в Праге частей могла достигать 3000 человек. Как указывает название дивизии, она не была боевой полевой дивизией, о чем свидетельствует и ее размещение по батальонам и ротам по всей территории Чехии. Это была часть сил безопасности, размещенная на окраинной и неприятельской территории, каковой немцы всегда считали Протекторат.

Помимо этих подразделений, присутствие которых подтверждается документами, в мае в Праге, по-видимому, стояли еще и другие войска, присутствие которых, однако, невозможно засвидетельствовать документально.

Кроме немецких частей в окрестностях Праги было несколько подразделений словацкой армии, отступавших на Запад вместе с немцами. Чешский национальный совет обратился к ним с призывом присоединиться к Восстанию. О дальнейшей судьбе этих подразделений чешские источники умалчивают.

Большинство немецких частей было размещено в районах Праги Дейвице, Бржевнов, Градчаны и Стршешовице. Центром немецкого сопротивления и действительным командным пунктом, который с 12 часов 5-го мая координировал действия с внепражскими частями СС, был Юридический факультет.

По моим подсчетам, в Праге в начале восстания находилось от 9000 до 10 000 бойцов немецких вооруженных частей. В это число не включен гарнизон в Рузини, который в пражских боях не участвовал»[{137}].

Особенно ценна психологическая характеристика немецких солдат и офицеров Пражского гарнизона, которую дает в своей книге С.А. Ауски: «Большинство этих вооруженных частей уже не обладало той военной дисциплиной, которая была свойственна немецкой армии в начале войны. Среди них появились признаки усталости в результате длительных боев и страх, что конец военных операций застанет их на вражеской территории. Этнический состав подразделений также играл важную роль. В основном части были сформированы из немцев с территорий, потерянных Германией на Востоке (фольксдойче), но было также много австрийцев и венгров. Такой же состав стал обычным во вновь формировавшихся частях СС. Все эти подразделения не проявляли никакой готовности воевать, как это ожидалось от них. Ряд приказов о повышении дисциплины, принятии мер наказания за дезертирство подтверждает, что об этом хорошо знало и немецкое командование»[{138}].

Днем 5 мая 1-я дивизия РОА тремя походными колоннами выступила в

Прагу: «На левом крыле перемещались 3-й и 4-й полки, следуя частично по главной шоссейной магистрали Бероун—Прага, а также 3-й полк, с заданием дойти до аэродрома в Рузини. Около Горжелиц на них налетели немецкие истребители. Убитые были похоронены в полях близ дороги…

2-й полк и дивизионные части направились из с. Сухомасты на северо-восток, по оси Сухомасты — Корно — Будняны — Моржина — Кухарж — Ржепорыйе — Йинце. Во главе следовал разведывательный велосипедный взвод 2-го полка под командой ст. лейтенанта Солина, который первым добрался до Праги вечером 5 мая»[{139}].

При этом чешский историк утверждает, что никаких столкновений с немецкими частями во время походного марша дивизии не произошло. А дальше события развивались так: «В тот же день, после полудня, в Прагу была направлена дивизионная разведывательная часть с четырьмя танками Т-34 под командой майора Костенко… 6 мая, в 10.00 часов, когда в Йиноницах командир дивизии знакомил командиров своих частей с положением дел и давал дальнейшие приказы с заданиями на текущий день, начальник штаба принес радиограмму от Костенко следующего содержания: «“Я нахожусь в районе Радотин—Збраслав, я окружен 4000 бойцов СС с шестью танками типа Тигр”. Согласно тому, что на синих фототипических картах Праги уже 5 мая были нанесены приблизительные цели и было также известно, что наибольшая опасность Праге грозит с юга, где были сосредоточены части СС в учебных районах близ Седлчан, можно предполагать, что в этом направлении была направлена самая сильная боевая разведывательная часть. Если судить о положении по карте, то весьма вероятно, что Костенко дошел до Радотина по долине реки Бероунки, куда он свернул в с. Будяяны и, таким образом, производил не только разведку, но и боковую защиту с юга. Без чего наступление на Прагу было бы немыслимым»[{140}].

Второй эшелон дивизии: «…за дивизионной разведывательной частью к Праге продвигался 1-й полк, который вышел из села Литень около 14 часов. На следующий день, 6-го мая, до полудня, в районе Збраслав он натолкнулся на части СС в силе приблизительно двух батальонов, с шестью танками. Это были части запланированной дивизии «Валленштейн», под натиском которой отступал майор Костенко по левому берегу реки Влтавы к Праге, и в 14 часов он дошел до окраинной части Смихова. Наступающие части СС, после этого, заняли весь район между Радотином и Хухле. Вследствие наступления 1-го полка они, однако, не смогли удержать этот район и под натиском полка перешли в Браник, на правый берег Влтавы. В

этом месте, в качестве охраны, русское командование оставило одну пехотную роту с противотанковым орудием. Эта рота вернулась в полк в тот же день лишь к вечеру, когда 1-й полк, после прибытия в район Праги Смихов, разместился близ мостов Ирасека и Палацкого»[{141}].

На следующий день, 6 мая, первая дивизия вела бои, как в самой Праге, так и в ее окрестностях: «к городу с юга, вдоль реки Влтавы, с боями приближалась разведывательная часть, а за ней следовал 1-й полк; 2-й полк постепенно входил в район Праги Йинонице; 3-й полк покинул магистраль Бероун—Прага и развернулся против аэродрома и казарм в Рузини; 4-й полк без боев продвигался по шоссейной магистрали Бероун—Прага в районы Праги Мотол и Коширже.

Вся дивизия действовала на участке длиной приблизительно в 15 километров, производя одновременно то наступление, то оборону, в зависимости от данного положения, которое на столь большом участке не является достаточно ясным. (…)

Согласно решению командира дивизии, 2-й полк РОА был размещен в районе завода «Валтер» в Йиноницах, являясь резервом дивизии. Артиллерийский полк с двумя дивизионами занял огневую позицию на возвышенностях над Злиховом и установил артиллерийский наблюдательный пункт в части Праги «На Видоули»[{142}].

В ходе боя второму полку удалось остановить продвижение частей СС к Праге по левому берегу Влтавы: «Когда части СС не могли проникнуть по узкому коридору между Влтавой и отвесными склонами на западе, они стремились пробиться по долине от города Радотин на северо-запад, в направлении селения Сливенец. Но здесь снова натолкнулись на пехотный батальон 2-го полка, и зайти в тыл Праги им не удалось. 2-й полк в этом районе вел бои утра 8 мая»[{143}].

По свидетельству командира 2-го полка Артемьева, «Вся артиллерия Первой дивизии обрушила свой огонь на артиллерийские огневые позиции ССцев, и вскоре немецкая артиллерия вынуждена была замолчать. Артиллерийскому обстрелу были также подвергнуты места скопления СС-ких войск, их позиции и штаб немецкого командования»[{144}].

4-й полк под командованием Сахарова проходил по Пльзеньскому проспекту, через районы Праги Мотол и Коширже, в район Смихова, после чего свернул на север: «Командный пункт полка разместился в угловом доме против казарм им. Штефаника (теперь Площадь советских танкистов). До сих пор полк не натолкнулся на немецкие части. В этой части города продолжал царить относительный покой.

Роты 1-го батальона начали продвижение с улицы Уезд, следуя по склонам Петршина, к обзорной башне и к Страговскому монастырю. Около исторического крепостного сооружения, на северо-восток от Стадиона, они натолкнулись на первое немецкое сопротивление. Но как только немецкий гарнизон установил, что он борется против регулярной армии, он прекратил огонь, и со стороны Стадиона прибыл к 1-й роте парламентер, немецкий полковник с белым флагом, предложивший сложить свое оружие. Командир роты его отвел к полковнику Сахарову на Смихов. Между тем там произошло событие, которое оттеснило на задний план капитуляцию немецкого гарнизона на Страгове. В комендатуру полка вернулось четверо шотландцев из первоначальной группы, уехавшей в Пльзень, которые привезли с собой сообщение от одного из американских командований в Пльзенье о категорическом запрещении дальнейшего продвижения 3-й армии Паттона. Это означало, что дальнейшие бои дивизии в Праге привели бы к единственному результату: она полностью попала бы в руки Красной Армии, которая явно оставила за собой право на освобождение Праги. Полковник Сахаров немедленно выехал с этим сообщением на командный пункт дивизии. Вернувшись позднее ночью, он прекратил все дальнейшие боевые операции; 1-й батальон еще остался в районе Петршина и Страгова весь следующий день 7 мая.

2-й батальон 6 мая после полудня был включен в бои против сопротивляющихся частей в районах Пражского кремля и Черниговского замка…»[{145}].

В 5.00 7 мая два батальона 1-го полка под командованием Архипова атакуют центр города: «Два батальона 1-го полка, усиленные двумя танками и двумя противотанковыми орудиями, с частью дивизионной артиллерии, перешли мосты Палацкого и Ирасека. Продвижение продолжалось в среднюю и южную части города. Против Петршина, между казармами им. Штефаника и мостом им. Сметаны, где район Стадиона все еще удерживался немецкими частями, которым за день до этого не удалось взять, была оставлена одна рота для защиты незанятого участка между 1-м и 4-м полками»[{146}].

В 12 часов дня в 1-й полк прибыл немецкий офицер с пакетом от коменданта Праги генерала Туссена, в котором было письмо следующего содержания: «В этот трудный момент, когда вы, власовцы, и мы должны объединяться против нашего общего врага — коммунизма, вы повернули оружие против нас. Считаю это недоразумением и прошу вас прекратить боевую активность против нас. Завтра, 8 мая, Прага будет очищена от

чешских повстанцев. Генерал Туссен»[{147}].

Как подчеркивает Ауски, вечером 7 мая «пражская радиостанция передавала следующее заявление: «Чешский Национальный Совет заявляет, что действия генерала Власова против немецких войск являются личным делом этих частей, а Чешский Национальный Совет не имеет с ними никакого политического соглашения. Сотрудничество в военных действиях против нацистов осуществляют военные штабы». (…)

В ту же ночь в 23.00 часа командир дивизии отдал приказ дивизии покинуть центр города, перейти реку Влтаву и закрепиться в районах мостов Железнодорожного, Палацкого и Ирасека»[{148}].

Рано утром 8 мая 1-я дивизия РОА покинула Прагу и к вечеру вернулась на прежнее место дислокации в окрестности селения Сухомасты. В этот же день немецкие войска заняли большую часть города, как и обещал генерал Туссен. Ауски констатирует: «После ухода дивизии из города произошли бои в таких местах, где до сих пор не было боев, например, в районах города Смихов, Йинонице и Мотол. До этого эти районы находились под контролем 1-й дивизии. Вероятнее всего, что в большинстве случаев это происходило в результате действий немецких частей, стремившихся пробиться на запад»[{149}].

На сегодняшний день существует множество разного рода объяснений выходу 1-й дивизии РОА из Праги. Дабы «не ударить в грязь лицом» власовцы придумали себе железное «алиби»: от них открестился Чешский национальный совет! И вот они обиделись, свернулись и быстренько выскочили из города, в котором несколько дней вели бои на стороне повстанцев. Но давайте смотреть правде в глаза. Хоть мир еще не и наступил, но война уже была закончена. Красная Армия вот-вот подойдет к Праге. И власовцам ничего не оставалось делать, как быстренько уходить на территорию, занятую американскими войсками. Они прекрасно понимали, что мышеловка может захлопнуться в любой момент, а прощения им не будет.

Свидетельство командира 2-го полка Артемьева весьма красноречиво говорит об этом:

«Дивизия пешим маршем отходила от Праги.

Снова улицы были заполнены народом. Но не радостным было его прощание с власовскими войсками. Не с восторженными криками и приветствиями, а со слезами страха и отчаяния люди провожали бойцов, обращаясь к ним с мольбой не уходить, а остаться защищать их. Женщины, плача, становились на колени, протягивали своих детей, преграждая путь

уходящим полкам… (…)

Чешские офицеры из штаба восстания несколько раз догоняли уходящую дивизию на автомобилях, умоляя вернуться в Прагу…»[{150}].

Что же касается помощи повстанцам, то 1-я дивизия РОА оказала ее вынуждено, под давлением обстоятельств. Об этом говорит множество фактов. Вероятнее всего, таким образом, она предотвратила свой разгром немецкими частями за невыполнение приказов командующего группы армий «Центр» и сохранила свою боеспособность до сдачи в плен американцам.

В своих книгах и статьях власовцы и их адвокаты утверждают, что продвижение 1-й дивизии разделило Прагу на северную и южную части и тем самым воспрепятствовало соединению немецких частей, намеревавшихся занять весь город. Но давайте не будем забывать объективные причины, этому предшествующие. Численность первой дивизии в первые два дня Пражского восстания значительно превышала численность гарнизона Праги. Дивизия пришла в город в начале восстания, когда повстанцы уже фактически вытесняли немцев. Нельзя забывать и о том, какие части дислоцировались в городе и в каком психологическом состоянии они находились. Окончание Второй мировой войны в те дни мог не видеть только ленивый. Берлин капитулировал, а Гитлер покончил жизнь самоубийством. А потом, части и подразделения 1-й дивизии вели боевые действия в Праге не одни. Численность повстанцев называется около 30 000 человек. К слову сказать, преимущество повстанцев вместе с 1-й дивизией РОА над немцами было многократным.

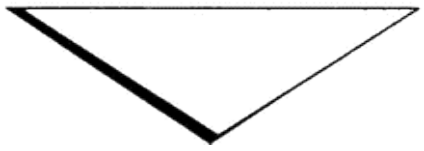
И еще несколько существенных моментов. Власовцы были одеты в немецкую военную форму, чем постоянно вводили в заблуждение, если даже не шокировали, солдат и офицеров немецких частей. Более того, как пишет Ауски, солдаты 1-й дивизии были переодеты в немецкие маскировочные костюмы, которые носили исключительно в полевых частях *СС*. Отсюда возникали и недоразумения. Что же касается помощи оружием восставшим пражанам, о которой говорят некоторые историки, то, по утверждению все того же Ауски, «РОА не сдавало трофейного оружия чешским повстанцам»: «У дивизии был тогда необыкновенно многочисленный состав. Никто не знал ее точной численности. Неустанно к ней прибавлялись вновь прибывшие, беглецы из рабочих и военнопленных лагерей, а также русские добровольцы из немецкой армии. Во время пражской военной операции, численность ее состава достигала приблизительно 23 000 человек. Вновь прибывшие не имели оружия. Невооруженные бойцы армии, в большинстве случаев, оставлялись в

местах расквартирования в районе селения Сухомасты. Несмотря на это, количество невооруженных людей и в самой дивизии в Праге было немалым, поэтому трофейное оружие получали в первую очередь именно такие бойцы»[{151}].

Но это одна сторона медали. О другой стороне еще в конце 1980-х написал Л. Решин: «Наиболее крупным успехом явилось разоружение 500 немецких солдат в районе Лобковицкой площади. Правда, Й. Хоффман предупреждает, что объявленные в те дни повстанцами цифры немецких потерь являются завышенными. Немцы постоянно высылали к Буняченко парламентеров, надеясь ликвидировать недоразумение. Таким образом, противодействие между власовцами и немцами носило скорее дипломатический, чем военный характер.

К вечеру 7 мая 600-я дивизия как бы поделила Прагу на две части, затрудняя продвижение немецких войск с севера и юга. Но опорные пункты немцев в районе Градчаны, стадиона в Страхове, в Дейвице, в других частях города продолжали действовать, представляя большую опасность для повстанцев»[{152}].

Таким образом, участие 1-й дивизии РОА на стороне восставших пражан, во-первых, не было искренним желанием помочь им. Это был, в некотором роде, хитроумный план собственного спасения перед сдачей в плен американцам. Трудно представить, что было бы, если 1-я дивизия 8 мая осталась бы в городе с повстанцами. Подошедшие подкрепления из группы армий генерал-фельдмаршала Шернера вполне могли разгромить ее по частям. Во-вторых, помогая восставшим, власовцы, так и не освободив город от немцев, бросили их на произвол судьбы, спасая свою собственную шкуру. Кто и теперь будет отрицать этот факт?



Глава 8.
АЭРОДРОМ РУЗИНЕ

Историк Александров в своих «научных» книгах, статьях и интервью далеко не оригинален, когда пишет: «Смыслов так глубокомысленно объясняет смысл упорного боя 6—7 мая 1945 г. за Рузиньский аэродром под Прагой: оказывается, «власовцам нужны были самолеты!» Развивая данный тезис, можно предположить, что, вероятно, они всей дивизией хотели здесь погрузиться и прямиком улететь к американцам, уютно разместившись в бомболюках. Но, только захватив аэродром, увы, обнаружили у себя отсутствие пилотов. Можно ли принимать такие суждения всерьез?»[{153}].

По всей видимости, всерьез можно воспринимать только суждения Александрова, который, по непонятным причинам, делом всей своей жизни выбрал защиту предателей и предательства. Но, как мне кажется, прежде чем браться в России за такое бесперспективное дело, для начала нужно хотя бы на себе ощутить всю тяжесть солдатской лямки, тем более что большинство из «подзащитных» Александрова служили в Красной Армии, принимали присягу и прекрасно знали, что нарушили ее, когда стали сотрудничать с врагом. Видимо только поэтому главная цель его трудов уверовать обывателя в благородство измены… Но это так, к слову.

А вот из другого «научного труда» Александрова: «Олег Смыслов признал, что власовцы атаковали Рузиньский аэродром, находившийся под Прагой. Но смысл этого упорного боя 6—7 мая объяснил весьма забавно: оказывается, «власовцам нужны были самолеты!». Без чувства юмора читать такие сочинения трудно. Развивая тезис Смыслова, можно предположить, что, вероятно, власовцы всей многотысячной дивизией хотели здесь же погрузиться и прямиком улететь к американцам, уютно разместившись в бомболюках. А пилотировали бы трофейные самолеты лично командир и начальник штаба дивизии»[{154}]. Этот список можно было бы продолжить, но и двух примеров достаточно. А теперь о самолетах.

Книга, в которой Александров отыскал для себя забаву, была написана в январе 2004 г. Первое ее название «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова». При переиздании в издательстве ей дали другое название: «Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера». Так вот, весь ее текст был написан автором от руки (у бедного офицера компьютера тогда

просто не было), а потом сдан в набор. Изначально предложение выглядело иначе: «Власовцам нужно было уничтожить самолеты!» Но человек, который набирал текст, по какой-то причине (все это случается при наборе чужого текста) пропустил слово «уничтожить», а в двух последующих словах, соответственно, исправил последние буквы. Тогда и получилось: «Власовцам нужны были самолеты!». Вина автора заключается лишь в том, что при проверке он не увидел пропущенного слова и исправленных окончаний двух последующих. Как говорится, и на старуху бывает проруха! Однако только одному Александрову это показалось забавным, и забавляться он не перестает до сих пор. Ну, да флаг ему в руки. Даже так, как написано «Власовцам нужны были самолеты!» вовсе не значит то, что самостоятельно, в меру своего великого ума, додумал Александров. Парадоксально, но этот уважаемый и бесспорно сильный историк, в своих трудах разоблачает и авторов прозы, и авторов публицистики, и вообще всех и вся, кто хоть одним словом правильно обмолвился о предателях. Осталось дело за малым, за народными сказками…

В русском языке слово «нужны» означает «потребность, необходимость, надобность». После чего возникает закономерный вопрос: с какой целью? И здесь, безусловно, в рамках разумного, можно предположить ответ, если предложение не завершено. Однако Александрову всегда выгоднее предполагать в свою пользу, чем он и занимается. Поэтому из одного короткого предложения он не поленился и сочинил целую историю: «власовцы многотысячной дивизией хотели погрузиться и прямиком улететь к американцам, уютно разместившись в бомболюках. А пилотировали бы трофейные самолеты лично командир и начальник штаба дивизии».

Но заметим, это сказал не Смыслов, а сказал историк Александров. Власовцам тогда могли быть нужны самолеты только в одном случае, для их уничтожения. Кроме того, там, где есть самолеты, всегда присутствует и спирт. А почему бы и нет. Это, кстати, еще одна тема для забавы историка Александрова. Догадывались о запасах спирта и власовцы. Захватив аэродром они, кстати сказать, его и нашли. Только это оказался метиловый спирт для заправки реактивных самолетов. Но кто же знал? Власовцы и перепились, получив многочисленные отравления со смертельным исходом. Факт этот известный.

А теперь про захват аэродрома власовцами. Командир 2-го полка Артемьев в своей книге пишет: «С утра 6 мая наступление дивизии развивалось успешно. ССкие части, подавлявшие восстание, хотя и знали о подходящей к Праге Первой дивизии, но не успели обеспечить свои тылы,

по-видимому, не ожидая столь быстрого скачка дивизии и введения ее в бой с ходу.

С раннего утра начала активно действовать немецкая авиация. Полк полковника Сахарова повел наступление на аэродром, который был захвачен с 56-тью не успевшими подняться в воздух самолетами. Самолеты были в полной исправности, но использовать их не представлялось возможности из-за отсутствия в дивизии летного состава. Все самолеты были уничтожены. Немецкие самолеты сбивались в воздухе зенитными средствами дивизии»[{155}].

Это, так скажем, мнение участника тех событий, очевидца. Но вот чешский историк Ауски, тоже в некотором роде очевидец, опровергает командира полка: «Неясность в описании военных действий возникает, главным образом, вследствие данных, полученных от подполковника В. Артемьева, командира 2-го полка, который приписывает занятие аэродрома в Рузини, 6 мая до полудня 3-му и 4-му полкам, а также перемещает и иные события как по времени, так и по месту действия. Он сообщает, что атака была настолько стремительной, захватив врасплох немецкий гарнизон, что он оставил на аэродроме 56 самолетов, а во время боев было сбито 7 других.

Такие данные безусловно вызывают недоверие. Почему дивизия в составе четырех полков поставила два полка на ликвидацию второстепенного объекта, каким был Рузиньский аэродром, а на выполнение заданий в миллионном городе предназначила лишь два оставшихся полка и дивизионные части?»[{156}].

Ауски не удалось в архиве РОА найти ни одного документа, который мог бы разъяснить эту неясность. Тогда он решил «все описание сравнить с данными, приводимыми в немецких источниках, относительно СС-бронечасти учебного и запасного батальона № 2, а также гарнизона рузинского аэродрома»: «2 мая командир этого батальона получил приказ от командующего вооруженными силами СС в Праге следующего содержания: “Закрыть все пути подхода к Праге, по которым с юго-запада приближается к ней части генерала Власова. Применение огнестрельного оружия не разрешается”».

Этот приказ исходил из более широкого приказа фельдмаршала Шернера, который не мог допустить, чтобы в Праге находилась такая ненадежная часть, каковой в его глазах была 1-я дивизия. Запрет применения огнестрельного оружия являлся попыткой избежать прямого столкновения с 1-й дивизией, для ликвидации или разоружения которой у

фельдмаршала уже не было возможности.

Приказ, однако, уже был неосуществимым. У командира батальона для этого не было возможности, т.к. в его распоряжении были лишь недостаточно вооруженные и обученные новички. Преградить путь многочисленной дивизии с таким боевым составом было невозможно. Поэтому он отправил в указанный район разведывательную часть, но она вернулась в батальон обезоруженной частями 1-й дивизии. После этого командир батальона стянул все дислоцированные по окрестностям части в рузинские казармы и начал готовиться на тот случай, если ему придется оборонять районы казарм и аэродрома. (…)

Начальник рузинского аэродрома, расположенного рядом с казармами 2-го СС запасного батальона, полковник авиации Эгер, вошел в контакт с повстанцами и был готов передать его в их руки. Революционные части «Гарда свободы» уже приступили к занятию аэродрома. По приказу свыше Эгер был отозван и заменен надежным немецким офицером, подполковником Гуккенпаком. Этот командир был заодно с командиром СС резервного батальона в том, что свои районы они не отдадут без боя, ни повстанцам, ни власовцам. Бойцы СС запасного принудили чешские революционные дозоры покинуть аэродром, обеспечить его оборону приблизительно 300 бойцами СС из запасного батальона. Одновременно с этим резервный батальон взял на себя пехотную оборону противовоздушных батарей и части противовоздушных орудий калибра 88 мм, а другая противовоздушная батарея была переведена в район казарм. Казармы и аэродром готовились к круговой обороне. С внешним миром гарнизон поддерживал связь только по радио, по которому командиры обеих частей узнали, что немецкий полковник, посланный генералом фон Туссеном в 1-ю дивизию, был повешен. Когда вскоре после этого они получили по радио приказ послать к генералу Буняченко парламентера, адъютанта батальона… они отказались выполнять его»[{157}].

Днем 6 мая 3-й полк 1-й дивизии РОА подошел к аэродрому и направил к немцам парламентера с ультиматумом: безоговорочно капитулировать не позднее, чем через полчаса. В случае же его невыполнения, власовцы обещали повесить каждого немецкого солдата. Ответа не последовало, и тогда заговорили орудия и минометы РОА: «… русские не получили ответа и по истечении срока приступили к стрельбе из минометов, а позднее, из пехотных орудий. В результате этого радиосвязь батальона с командованием вооруженных сил СС в Праге была прервана и единственным соединением оставалась радиостанция начальника аэродрома. В донесении авиакорпусу о своем положении, он просил о

помощи…

К вечеру этого дня 3-й полк окружил весь район, обстреливая участки сопротивления как в казармах, так и на аэродроме, но не делая попыток прямого нападения.

На склоне дня радиостанция в комендатуре аэродрома поймала следующий приказ: «Всем немецким частям приступить как можно скорее к перемещению на запад и попытаться пробиться к выдвинутым вперед американским частям». Приказ являлся запоздавшей реакцией штаба армейской группы «Центр» и одновременно предзнаменованием капитуляции немецких вооруженных частей в Праге, о которой пока что велись переговоры. На основании этого оба немецких командира приняли решение сообща проломить оборону власовских частей и пробиться, как гласил приказ, на запад. Отсупление из Рузини было скоординировано со средствами немецкой авиации, которая в то время все еще располагала достаточным количеством автомашин в районе западнее от аэродрома, хотя точное место их нахождения неизвестно. Было договорено, что когда немецкие части пробьются через окружение, авиация им представит автобусы для перевозки раненых»[{158}].

Прикрывать отступление частей должны были 120 опытных фронтовиков из роты выздоравливающих.

Рано утром 7 мая немецкий гарнизон аэродрома Рузини вышел из окружения власовских частей. Их внимание было отвлечено организованным огнем, а также отвлекающей атакой в южном направлении, прикрывающей отход роты. Как утверждает Ауски, «отступление рузинского гарнизона осаждающие не смогли видеть»[{159}].

И тогда, все тем же утром 7 мая, «части 3-го полка РОА начали наступление на аэродром, защищаемый только 120 бойцами арьергарда, которым удалось продержаться только два часа. Израсходовав боеприпасы и уничтожив тяжелые орудия, они под натиском наступающих частей РОА, начали отступление на запад, где они рассеялись…»[{160}].

Вывод чешского историка следующий: «В общей сложности боевые операции в Рузини можно расценивать, как действия второстепенного значения, т.к. немецкий гарнизон в этом месте не представлял никакой опасности для Праги. Безусловно, аэродром был занят 3-м полком на основании требований с чешской стороны. Вначале восстания немецкие самолеты иногда сбрасывали бомбы на цели в Праге, поэтому чешское командование, естественно, желало, воспрепятствовать этим действиям путем занятия аэродрома»[{161}].

Примечательно, но Ауски об авиационной деятельности немцев не удалось найти ровным счетом ничего. Однако такая информация существует. По свидетельству командира экипажа Ме-262 обер-лейтенанта Вольфгана Дириха, 30 апреля 1945 г. семь добровольцев из 51-й бомбардировочной эскадры «Эдельвейс» под командованием гауптмана Абрахамчика перелетели на аэродром Прага—Рузине. Как вспоминает Дирих, «В Праге эта маленькая группа подчинялась боевому соединению «Хогебак». Ее пилоты принимали участие в боях в Праге и ее окрестностях и должны были освоить трудную задачу воздушной поддержки в ходе уличных боев. 6 мая в ходе вылета погиб лейтенант Шиммель, а на следующий день — обер-лейтенант Штротманн и фельдфебель Полинг»[{162}].

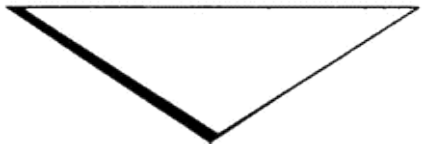
Подполковник Герман Хогебак (1914—2004) возглавил боевое командование под своим именем «Хогебак» в апреле 1945 г. В его состав вошли: «кроме 6-й бомбардировочно-истребительной эскадры, …1-я и 2-я группы 54-й бомбардировочно-истребительной эскадры, а также части 1-й и 7-й истребительных эскадр»[{163}].

О конкретном боевом применении «Хогебак» против атакующего аэродром полка РОА кратко написано у И. Гофмана: «О подходе, как полагали, «всей Власовской армии по нескольким шоссе к аэродрому Прага — Рузине» немцам своевременно доложила их воздушная разведка. Когда попытки переговоров провалились и передовые части «наилучшим образом вооруженных и оснащенных власовских войск» уже вели бой с силами боевого подразделения, штаб эскадры принял решение внезапно атаковать русские колонны всеми наличными Ме-262 и расстрелять их с бреющего полета. Батальоны 3-го полка, которые тем временем пытались прорваться с несколькими танками на летное поле, удалось остановить этой атакой, после чего они начали обстреливать территорию аэродрома из минометов и тяжелого пехотного оружия, хотя дальнейшие атаки прекратили. Но для немцев Рузине потерял свое значение. Готовые к бою немецкие машины были переправлены в Зац, и немецкий гарнизон ранним утром следующего дня прорвал русское кольцо окружения. 3-му полку РОА пришлось еще много часов вести огневой бой с арьергардом из имевших боевой опыт войск СС, прежде чем ему, согласно чешским пожеланиям, удалось захватить аэродром Прага—Рузине»[{164}].

Что же касается потерь немецкой авиации на аэродроме Прага—Рузине, то «артиллерийским и минометным огнем частей 1-й дивизии РОА были уничтожены прямыми попаданиями и повреждены осколками около

12 самолетов Ме-262»[{165}]. В дальнейшем все поврежденные машины были взорваны, а остальные перелетели на аэродром Затек, около Пльзеня.

И еще один немаловажный факт. Рядовой солдат 1-й дивизии РОА Сигизмунд Дичбалис объяснил нападение власовцев на аэродром Рузине так: «Это нападение на Пражский аэродром было вызвано тем, что немцы захотели остановить нас на пути к американской демаркационной линии, за то, что мы самовольно ушли с фронта на реке Одер и хотели уйти к американцам»[{166}]. Отсюда и заход в Прагу, якобы для помощи восставшим, был мерой вынужденной. Но об этом мы уже говорили.



Глава 9.
ГЕРОИ, ОСТАВШИЕСЯ ЗА КАДРОМ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Сегодня стало модно переписывать историю, ссылаясь на цензуру советской тоталитарной системы. Не потому ли предатели стали чуть ли не героями, а герои не теми, за кого себя выдавали. Словно мир перевернулся с ног на голову. Словно внуки воинов-освободителей и победителей оказались не их потомками. Не потому ли некоторые из них скрываются от службы в армии, как когда-то от фашистов скрывались подпольщики. При этом женщины продолжают рожать, а вот молодые мужчины не хотят защищать свое Отечество, свою Родину. Но когда-то все было по-другому. Другие были люди, другие лица, одежды, другая душа и другие ценности. Для нашего народа было бы верхом великой несправедливости забывать о них. Тех, кто пожертвовал собой ради нашей сытой и корыстной жизни…

В современной периодике если и пишут про освобождение Праги, то вспоминают, как правило, только повстанцев и власовцев. Если в недалеком прошлом части Красной Армии освободили город от фашизма 9 мая 1945 г., то сегодня они туда уже опоздали, так как вошли в Прагу после капитуляции. Именно так наши с вами современники лихо переписали историю. Хорошо. Про части Красной Армии мы еще поговорим позже. Но разве кроме повстанцев и власовцев к освобождению Праги больше никто не причастен? Уж извините, люди добрые, но это совсем ни в какие ворота. Это, по меньшей мере, просто подло. Ведь за освобождение Чехословакии и освобождение Праги месяцами воевали, ежедневно рискуя жизнью, настоящие герои. Не чета их современным потомкам. Давайте вспомним и о них.

Начиная с 30 сентября 1944 г. на территорию Чехии и Моравии из Советского Союза стали направляться десантные чехословацко-советские организаторские группы. К марту 1945 г. туда было переброшено. И таких групп общей численностью в 152 человека. Тогда же из Словакии в Чехию пришли партизанские отряды, которые к апрелю 1945 г. выросли во внушительную силу{167}.

Например, приказом начальника опергруппы при ЦК КП(б) Украины генерал-майора Андреева в расположения штабов партизанского движения

при Военном совете 4-го Украинского фронта 20 января 1945 г. были переданы следующие партизанские соединения, бригады и отряды, действующие на территории Чехословакии:

Штаб полковника Асмолова, Славского в составе 4 полков (1200 чел.).

Соединение Лошакова в составе 8 отрядов (450 чел.).

Соединение Садиленко (309 чел.).

Соединение Пола в составе 4 партизанских отрядов (398 чел.).

Бригада Величко в составе 4 отрядов (572 чел.).

Бригада Егорова в составе 6 партизанских батальонов.

Бригада Сечанского (113 чел.).

Бригада Попова (590 чел.).

Бригада Фомина (300 чел.).

Бригада Велика (565 чел.).

Бригада Лихнера (160 чел.).

Бригада Пржихрыла (350 чел.).

Бригада Снежинского (934 чел.).

Бригада Квитинского (388 чел.).

Отряд им. Ворошилова под командованием Иванова (50 чел.).

Отряд им. Ермака под командованием Дмитриева (87 чел.).

Отряд «За Родину» под командованием Савельева (60 чел.).

Отряд «Народный мститель» под командованием Максимова (71 чел.).

Отряд под командованием Киш (17 чел.).

Отряд им. Тырша под командованием Лабу (15 чел.).

Отряд «За честь Родины» под командованием Кокунова (129 чел.).

Отряд им. Щорса под командованием Логвиненко (135 чел.).

Бригада Ушьяка (800 чел.).

Отряд «Родина» под командованием Гарницкого (11 чел.).

Отряд им. Каменского под командованием Шнайдера (10 чел.).

Отряд «Комсомолец» под командованием Соколова (10 чел.).

Отряд им. Сталина под командованием Мартынова (85 чел.).

Всем этим соединениям, бригадам и отрядам были поставлены новые боевые задачи: «совершать рейд в глубокий тыл противника и воздействовать по коммуникациям противника в границах действия войск 4-го Украинского фронта»[{168}].

К 1 мая 1945 г. на территории Чехии и Моравии сражалось 30 советско-чешских отрядов и бригад[{169}].

Например, 26 октября 1944 г. в районе г. Чеслав в восточной Чехии на парашютах высадилась разведгруппа под командованием А.В.Фомина,

который сумел организовать одну из самых значительных партизанских бригад имени Яна Гуса. В группу входило 12 человек: политрук — чех Мирослав Пих, начальник штаба — лейтенант И.В. Перхун, начальник разведки — капитан Н.И. Химич, врач — Лидия Смык, радисты — А. Чепуров и М. Полякова, а также разведчики-диверсанты Н. Колесник, Н. Мезелев, И. Чиж и Н. Шустов. В штабе 4-го Украинского фронта группе был присвоен оперативный псевдоним «Мистер Ян Гус». Мистером Яном Гусом разведчики называли своего командира — Александра Фомина.

«О том, для выполнения каких задач разведывательная группа «Мистер Ян Гус» оказалась на территории Чехии, в российских архивах сведений нет, — рассказывает В. Лота. — Однако сохранилось письмо доктора Франтишека Дворжака, председателя совета районного национального комитета Главличкув Брод, и Яна Поливки, секретаря президиума районного комитета чехословацких антифашистских борцов. Это письмо поступило в исполнительный комитет Ленинградского городского совета народных депутатов в начале мая 1984 г. В письме сообщалось, что «до осени 1944 г. все попытки начать партизанскую войну в оккупированной Чехии были подавлены оккупационными немецкими войсками. В целях оказания помощи чешским патриотам в организации партизанского движения на территорию Чехии была заброшена интернациональная группа разведчиков, которая выполняла задачи 1-го и 4-го Украинских фронтов. Политические задачи группе были поставлены московским руководством Чехословацкой коммунистической партии.

Фомин помог начать организованную партизанскую войну и другим разведгруппам Красной Армии, которые находились в этом районе. Два члена группы были переданы в другие отряды. Оставшиеся с майором Фоминым шесть разведчиков проделали на территории Чехии огромную организаторскую работу, основали партизанскую бригаду, в которую входили 444 человека, как мужчины, так и женщины. С этой бригадой сотрудничали 1200 человек из 152 деревень и 15 городов, которые располагались в 70 км от Праги. В течение 199 дней бригада майора Фомина совершила 66 боевых операций, организовала 103 местных и три городских национальных комитетов сопротивления, 96 ячеек Компартии Чехословакии, издала и распространила текст четырех листовок и двух инструкций, в которых описывались методы вооруженной борьбы в условиях оккупации и формы конструктивно-политической деятельности».

Подробные сведения о деятельности разведывательной группы «Мистер Ян Гус» были собраны и систематизированы сотрудниками Архивного института министерства внутренних дел Чехословакии. Они

подготовили объемную справку на 46 листах с иллюстрациями о том, как в самый трудный период германской оккупации действовала на территории Чехии группа советских разведчиков и чешских патриотов. Этот объемный документ называется «Сведения о деятельности тов. майора Александра Васильевича Фомина, командира бригады “Мистер Ян Гус”».{170}.

Партизанская бригада Фомина была разделена на 5 отрядов, дислоцирующихся в разных районах и наносивших фашистам непоправимый ущерб. Она была неуловима. Как подчеркивает В. Лота, «к концу января 1945 г. А. Фомин наладил сотрудничество почти со всеми лесниками Железных гор, где базировалась оперативная группа. Лесники и некоторые местные жители активно занимались сбором разведывательных сведений о немецких воинских частях, их штабах, складах, вооружении, резервах, а также о перебросках по железным и шоссейным дорогам военных грузов и воинских частей. Помощникам Фомина удалось завербовать и несколько сотрудников местных жандармских частей. (…)

С октября 1944 г. до конца войны бойцы бригады провели 66 боевых операций, в ходе которых уничтожили 785 солдат и офицеров противника, вывели из строя четыре танка, девять бронетранспортеров, четыре орудия, 138 автомобилей, сбили самолет «Фокке-Вульф-190», уничтожили 17 цистерн с топливом и запасы спирта на трех спиртзаводах, взорвали склад боеприпасов, вывели из строя до конца войны один завод»{171}.

В марте 1945 г. штаб Фомина лесными тропами уходил от преследования немецких карателей. Вечером 26-го марта разведчики заметили две группы фашистов. Это были немецкие подразделения из гарнизонов Хрудим и Грабы, две команды полиции, 9-я и 10-я роты 3-го полицейского полка СС, 20-я специальная команда и другие немецкие части.

«Лес, в котором находился штаб майора Фомина, был окружен со всех сторон. Судя по телетайпным лентам пражского гестапо, которые оказались после освобождения Праги в руках чехословацких специалистов, бой между немецкими войсками и разведчиками штаба Фомина начался “26 марта 1945 г. в 18.40 и продолжался до 4.00 утра 27 марта 1945 г.”

Немцам не удалось захватить никого из группы Фомина. Защищаясь до последнего патрона, в неравном бою пали геройской смертью:

командир разведгруппы — майор Александр Васильевич Фомин, 28 лет, из Ленинграда;

начальник штаба — старший лейтенант Иван Васильевич Перхун, 29 лет, из Ялты;

врач — Лидия Александровна Смык, 25 лет, из Киева;

радисты — Александр Чепуров, 21 год, из Донбасса, и Мария Полякова, 19 лет, из Москвы;

чешские партизаны — Ян Яначек и Иозеф Цоуфал…

Когда разведчики и партизаны погибли, на месте боя гестаповцы обнаружили три документа, написанные майором Фоминым. Эти документы были из Праги переданы в Берлин по телеграфной линии связи гестапо.

Первый документ: “26 марта 1945 г. Мы окружены, мы будем держаться до конца. Враг бросил против нас 300 немецких солдат. Мы будем стрелять до последнего патрона. 4-й Украинский фронт”.

Второй документ: “Мы сражаемся за свободу чешского народа, боремся за счастливое будущее славянских народов, для ликвидации фашистов. Фомин. 27 марта 1945 г.”.

Третий документ: “У нас нет возможности прорваться, потому что мы окружены. Фомин. Умрем за Родину!”»[{172}].

Александр Васильевич Фомин родился в 1917 г. в Пронькине Сорочинского района Оренбургской области. С 1935 по 1937 учился в Бузулукском сельскохозяйственном техникуме. С 1937 по 1939 в Казанском пехотном училище. После окончания командовал учебным взводом, учебной ротой, а затем учебным батальоном Ленинградского военно-медицинского училища. В 1942 г. Александра Васильевича отобрали для работы в военной разведке, и он прошел обучение в Высшей специальной школе. В начале 1944 г. капитан Фомин — старший уполномоченный оперативной группы штаба партизанского движения при военном совете 51-й армии 4-го Украинского фронта. В апреле 1944-го его награждают орденом Красной Звезды: «ФОМИН А.В. в штабе ПД Сталинградского, Южного и 4-го Украинского фронта с 17.12.42 в должности старшего оперуполномоченного при Военном Совете 2-й гвардейской и 51-й армий. За время своей работы в опергруппах т. ФОМИН принимал и принимает активное участие по развитию партизанского движения в тылу противника. Непосредственно руководит переброской партизанских отрядов и спецгрупп через линию фронта в тыл противника. С ноября 1943 г. руководит переброской партизан через Каркинитский залив в районы КРЫМА, проявляя мужество и настойчивость при выполнении заданий.

За выполнение заданий по развитию партизанского движения и проявленное мужество при переброске партизан через линию фронта т. ФОМИН достоин награждения орденом КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»[{173}].

Как оказалось, подвиг майора Фомина, сознательно пошедшего на самопожертвование ради Великой Победы, долгие десятилетия был неизвестен ни в Советском Союзе, ни в России. И это при том, что его бригада «была единственной партизанской группой, которая в конце октября 1944 г. действовала на территории оккупированной немцами Чехии»[{174}].

Партизанский вклад в освобождение Чехословакии и Праги поистине огромен. Например, 22 апреля 1945-го советский партизанский отряд «Лужа», севернее Димашева, навязал бой целой танковой колонне немцев и задержал ее продвижение. Этот же отряд в ночь на 25 апреля совершил налет на немецкую артиллерийскую батарею юго-западнее Немецких Книниц, а затем в течение трех дней — с 26 по 26 апреля — с помощью местного населения перегородил завалами все дороги и закрыл немецким войскам доступ в окрестные села в районе своих действий. По утверждению В.И. Клокова, «Подобным образом действовали многие партизанские отряды в других районах страны»[{175}].

Группа капитана Е.А. Олесинского (Смирнова) была направлена в Чехословакию для организации партизанского движения в феврале 1945-го. К 20 апреля эта небольшая группа десантников выросла в крупное партизанское соединение «Смерть фашизму!», в которое входило 10 отрядов. Известно, что активная боевая работа соединения Олесинского почти полностью парализовала железнодорожное сообщение Пшибрамского округа

с Прагой.

Из дневника боевых действий соединения:

«23 апреля. Подорван военный эшелон на линии Инце — Бероун. 50 часов гитлеровцы ремонтировали железнодорожные пути. Возглавлял операцию Эмиль

Гейдук.

24 апреля. На 30 столбах повреждена связь между Добржишем и Пшибрамом. Руководил операцией Зденек Матисов.

25 апреля. Гитлеровцы прочесывали лес. Завязался бой. Захватили оружие.

26 апреля. Взорвали шоссейный мост по дороге Пшибрам—Вишневая. В эту же ночь повреждена телефонно-телеграфная связь на линии Пшибрам— Добржиш.

28 апреля. Взорван мост Пшибрам—Глубош.

29 апреля. В районе Ржевище взорван мост через реку Бероунку.

Парализовано движение на Прагу.

…Разгромлена в бою почти рота фашистов. Есть трофеи. Руководил операцией Вацлав Рубешка.

30 апреля. В бою с немцами на шоссейной дороге Пльзень—Пшибрам уничтожено 17 автомобилей, 10 подвод, более 250 солдат и офицеров. Руководили операцией М. Марченко и Г. Фиала»[{176}].

К маю 1945-го соединение Олесинского взяло под контроль абсолютно всю ситуацию в этом районе. В результате штурма был освобожден и районный центр.

К маю 1945 г. в районе города Праги действовало семь советских оперативно-чекистских и диверсионно-разведывательных групп: «ФАКЕЛ», «ПРИБОЙ», «ШКВАЛ», «ГРОМ», «ПРАГА», «УРАГАН», «СЕВЕР», снабженных 16-ю радиостанциями.

«Все эти группы, — как говорится в «Итоговом докладе о боевой и агентурно-оперативной работе 4-го Управления НКГБ УССР в период 1941—1945 гг.», — приняли деятельное участие в Пражском восстании, объединили вокруг себя значительное количество местного населения и, как имеющие многолетний опыт боевой работы, оказали действенную помощь местным комитетам по руководству восстанием, чем способствовали освобождению города Праги частями Красной Армии.

Кроме того, в районе гор. Брно действовало три наших диверсионно-разведывательные группы: «ЗАРЕВО», «ВПЕРЕД», «ЗАПАД», которые вместе с группами, действовавшими в районе гор. Праги, сказавшимися на путях отхода в западном направлении немецкой группировки войск, уклонившихся от капитуляции, продолжали боевую деятельность против этих войск и после 08.05.45 г.»[{177}].

После гибели своего командира бригада Яна Гуса продолжала действовать мелкими группами на обширной территории Чехии и Моравии. Ее бойцы наносили удары в самых неожиданных для фашистов местах и успешно уходили от преследования. Н.А. Мезелев был десантирован в Чехию вместе с командиром Фоминым. После войны он напишет воспоминания о тех партизанских боях: «В эти майские дни на долю нашей бригады выпало немало боевой работы. За короткое время в серьезную боевую силу превратился отряд, действовавший в районе города Голице. Основу этого отряда составляли вырвавшиеся из фашистского плена советские воины.

К ним присоединилось немало местных жителей, особенно из числа молодежи.

От голицких товарищей партизанам стало известно, что в Праге назревает антифашистское восстание, что его готово поддержать население близлежащих городов и районов, в том числе и Голицкого.

Командование отряда согласовало с руководителями коммунистического подполья города Голице план совместных действий. И 5 мая — в первый день восстания — партизаны нанесли удар по фашистскому гарнизону Голице.

Перед отрядом стояла задача — в первую очередь овладеть вокзалом, захватить находившееся там оружие, а потом уже занимать город.

Фашистские подразделения, оборонявшие вокзал, по численности немного превосходили силы партизан. Поэтому решено было прибегнуть к маневру. Отряд разделили на две группы. Первая начала наступление с фронта. Противник встретил ее огнем. Партизаны вынуждены были залечь, а потом отойти назад. Фашистские подразделения начали преследовать отступающих. А в это время вторая, более многочисленная группа партизан скрытно подобралась вплотную к вокзалу и ударила в тыл к преследователям. Тем временем поднялась в атаку и первая группа.

Ошеломленные таким поворотом событий, гитлеровцы заметались и прекратили сопротивление. Видимо, им показалось, что они атакованы крупными силами. Партизаны совместно с повстанцами держали город в своих руках вплоть до прихода частей Советской Армии.

В боях за Голице было уничтожено 339 фашистских солдат и офицеров, разоружено — 725, сбит (Пригодичем) один самолет, захвачено 12 паровозов, до 3000 вагонов, 16 тяжелых орудий, 20 прожекторов, два склада военного обмундирования. Все это гитлеровцы намеревались взорвать при отступлении, но не успели.

Эти данные взяты из отчета о деятельности нашей бригады. В нем также говорится, что 6 мая группа Н.В. Колесника неподалеку от Габр обстреляла взвод немцев. В тот же день группа, возглавляемая Антонином Крейчем, в районе Б. Лосенице обезоружила 250 фашистских солдат. Потом вступила в бой с отрядом эсэсовцев»[{178}].

В ночь на 2 мая 1945 г. три партизанских отряда соединения «Смерть фашизму!» под командованием М. Марченко «ворвалась в центр Пшибрама и буквально в течение десяти минут на глазах у ошеломленных гитлеровцев вывезли с их складов три автомашины с оружием и боеприпасами. Одновременно другая боевая группа во главе с начальником штаба соединения Михаилом Барановым устроила несколько засад на шоссейной дороге между Добжищем и Мнишеком и также захватила несколько немецких автомашин с вооружением.

К утру 2 мая партизаны располагали 1200 винтовками, 120 автоматами и сотней пулеметов. Этим оружием и собранными в окрестных селах охотничьими ружьями были вооружены 1750 человек. Это была уже серьезная сила.

В полдень 3 мая все силы партизан были подтянуты для последнего, решающего штурма фашистского гарнизона в Пшибраме. Перед началом атаки начальнику гарнизона был послан последний ультиматум, в котором указывалось, что в случае гибели хотя бы одного жителя города весь гарнизон будет уничтожен. На этот раз предупреждение подействовало: все брошенные в тюрьму жители были освобождены и большая часть гарнизона сложила оружие. Продолжавшие сопротивление гитлеровцы были раздроблены на небольшие группы и к полудню 4 мая полностью уничтожены»[{179}].

К слову сказать, все это происходило всего лишь в 60 километрах от Праги. Кроме Пшибрама партизаны освободили еще два городка и 57 сел, став хозяевами значительной территории.

С началом восстания в Праге командир соединения «Смерть фашизму!» Олесинский тут же направил два отряда на помощь повстанцам. С помощью населения Пшибрамского района партизаны собирали продукты для жителей столицы и все это на автомашинах направляли в Прагу[{180}].

Как свидетельствует В.И. Клоков, «Вокруг занимаемого партизанами района накапливались крупные фашистские силы, рвавшиеся к Праге. 7 мая партизанам удалось разоружить часть солдат немецкой пехотной дивизии. Но, обтекая укрепленные партизанами и местными жителями города и села, другие фашистские части продолжали упрямо пробиваться к чехословацкой столице.

“Шли бои без фронта и тыла, — вспоминает командир соединения Евгений Олесинский, — трудно было разобраться, кто к кому попал в окружение”.

Во второй половине дня партизанам и боевым отрядам, сформированным из местного населения, удалось захватить в плен двух пехотных немецких дивизий — генералов Рихтера и Радге Эриха.

8 мая в Пшибрамском районе появились три немецкие танковые эсэсовские дивизии. Их командование нагло потребовало от партизан беспрепятственно пропустить их к Праге. Последовал категорический отказ. Тогда фашистские танкисты попытались прорваться через Пшибрам, но их танки начали подрываться на партизанских минах и сворачивать на

проселочные дороги, где их танки натыкались на многочисленные засады партизан и повстанцев. Гитлеровцы не прошли»[{181}].

Таким образом, советско-чешские партизанские соединения и отряды до начала и во время восстания пражан, освобождали от оккупантов в окрестностях Праги города и села. Уничтожали немецкие воинские гарнизоны, а также их отдельные подразделения и части. Препятствовали подходу подкреплений немецких частей и соединений в Прагу. Помогали восставшим оружием, боеприпасами, продуктами и людьми. Разве можно сравнивать эту помощь с помощью 1-й дивизии РОА? Думается, что ответ здесь напрашивается сам за себя.

«По неполным данным с начала боевых партизанских операций, то есть с июня 1944 г. до мая 1945 г., враг понес на территории Чехословакии следующие потери: убитыми и ранеными вражескими солдатами и офицерами приблизительно — 35 000, пленными — 1500 человек; поднято в воздух военных эшелонов — 250, уничтожено паровозов — 230, уничтожено вагонов — 2000, сбито самолетов — 45, подбито танков — 60, уничтожено автомобилей (приблизительно) — 800, взорвано мостов — 180», — говорится в письме Украинского штаба партизанского движения К. Готвальду 9 июня 1945 г.[{182}].

Поэтому, когда мы говорим о помощи восставшим пражанам в мае 1945-го, до прихода частей Красной Армии, то никогда не должны забывать о том, что ее оказали именно партизанские соединения и отряды. Их вклад в освобождение Праги и на сегодняшний день остается вне всяких сомнений более чем значительным. Как и в освобождение Словакии и Чехии. Вероятно, в ближайшем будущем в Российских, Словацких и Чешских архивах исследователи и историки найдут еще немало подтверждений тому, а также откроют новые имена героев и их новые подвиги.

О боевых подвигах партизанского соединения «Смерть фашизму!» и судьбе его командира капитана Е.А. Олесинского в свое время была написана документальная повесть «Пароль “Прага”», а чешский писатель Ян Дрда написал роман. Как подчеркивает Н. Гончаренко, «ни одна книга о партизанском движении в Чехии не обходится без рассказа об Олесинском и его соединении. Чешский генерал Свобода в мемуарах «От Бузулука до Праги» дал высокую оценку деятельности партизан. И эта оценка более чем заслуженна: ведь помощь чешским партизанам и подпольщикам Украинский штаб партизанского движения направлял лучших из лучших»[{183}].

Одной из заслуг партизан капитана Олесинского можно считать захват трех изменников Родины, трех генералов-власовцев.

Так, генерал-майор РОА В.Г. Боярский (Баерский) был остановлен и арестован при следовании на машине через Пшибрам. Как пишет Александров, Олесинский пожелал «лично вести допрос власовского генерала. В ответ на брань и обвинения в предательстве дал командиру отряда пощечину и по его приказу был через несколько минут повешен партизанами» (по другой версии, генерал Боярский в ответ на оскорбление ударил Олесинского по лицу стеком)[{184}].

Ранним утром 8 мая 1945-го в Пшибраме партизанами были остановлены три машины, в которых находились генералы РОА М.М. Шаповалов и Ф.И. Трухин. После допроса, по приказанию Олесинского они были обезоружены и взяты под стражу. А утром 9-го Шаповалова расстреляли. Трухину же повезло больше. 9-го его перевезли из Пшибрама в Добржиш, а 11-го передали сотрудникам ОКР «СМЕРШ»[{185}]. По свидетельству очевидца, во время допроса Олесинского генералов РОА Шаповалова и Трухина, командир партизанского соединения «выдвинул ящик стола, вынул планшет убитого Боярского и обратился к Трухину: «Что, товарищ… или как вас там, господин генерал, ошиблись немного, не по той дороге поехали? Ну, что же, мы вас пока задержим. (…) Посидите немного у нас, мы сообщим в Москву, и если прикажут освободить — поедете дальше. (…) Вы, наверное, знаете, кому это (планшет) принадлежало, Трухин. Вчера мы его повесили»[{186}].

Что же касается оперативно-чекистских и диверсионно-разведывательных групп, как подчеркивается все в том же итоговом докладе начальника 4-го Управления НКГБ УССР, эти специальные группы имели большой авторитет, в особенности, «среди чешского и словацкого населения в районах Праги, Бероун, Добржиш, Брно, Банска, Быстрица и Братислава.

В подтверждение этого можно привести следующие факты:

После приземления и организации боевой деятельности против немцев в районе гор. Добржиш (Чехословакия), оперативно-чекистской группой «ФАКЕЛ» среди местных чехов возникло широкое движение по оказанию всяческой помощи нашим десантникам-парашютистам в борьбе с оккупантами.

Помощь эта выражалась в снабжении личного состава опергруппы продуктами питания, одеждой и вооружением; в информировании о действиях немцев; в широком содействии в боевой работе оперативной

группы.

Незадолго перед Пражским восстанием немецкое командование предприняло ряд решительных карательных мер, с целью поимки наших парашютистов, дислоцировавшихся в лесах, селах в районе города Праги.

Чехи — жители города Добржиш, несмотря на жестокий режим, установленный немцами, укрыли наших парашютистов в своих домах в самом городе. Таким образом, немцам не удалось обнаружить наши специальные группы.

Одной из наших групп «ШКВАЛ» был взорван ж.д. мост через реку Бероунка, имевший стратегическое значение для немцев в части передвижения войск и снабжения фронта.

После взрыва моста жителей гор. Бероун, узнав об этом, одарили участников группы ценными подарками.

После освобождения Чехословакии от немецких захватчиков частями Красной Армии, личный состав наших спецгрупп в гор. Праге, Добржиш, Бероун и др. встречался бурными овациями. В ряде городов чехами устраивались банкеты в честь советских парашютистов. Почти всему личному составу наших групп были преподнесены ценные подарки.

В гор. Добржиш одна из главных улиц была переименована в улицу «Советских парашютистов».

Подобные факты имели место в ряде населенных пунктов Чехии и Словакии»[{187}].

В том же документе указывается: «Для разработки антисоветских формирований, проведения разведывательной и диверсионной работы на оккупированной территории, а также для выявления антисоветских лиц на территории освобожденной Красной Армией, 4-м Управлением НКГБ УССР, путем вывода через линию фронта и вербовок на месте, в течение 1944 г. и первой половины 1945 г., завербовано и направлено для выполнения соответствующих заданий 759 агентов, из числа которых использовалось на оккупированной территории:

…Чехословакии — 345 чел.»[{188}].

Что же касается боевых действий групп, то там есть и об этом: «9 мая 1945 г. группа «ЗАРЕВО», в количестве 70 человек, в.с. Фришова (район Брно) держала бой с отходящими с фронта частями «СС». В результате боя было убито до 120 немецких солдат и офицеров, а также уничтожено: 1 бронемашина, 1 легковая машина с офицерами, 1 санитарная машина. Захвачено большое количество оружия и боеприпасов.

Наша группа в этом бою потеряла 4 человека убитыми и 8 человек

ранеными.

Группа «ВПЕРЕД», действовавшая в районе города Брно, 9 мая 1945 г., через посланных парламентеров, приняла капитуляцию и разоружила две венгерские дивизии вместе с их штабами.

Кроме того, в этот же день группой, с боями, разоружено и пленено 8 немецких офицеров, 57 солдат, 150 венгерских солдат, отобрано у них: 7 пулеметов, 114 винтовок, 3 автомата и 70 гранат.

11 мая 1945 г. группа «ФАКЕЛ», вместе с восставшим населением города Добржиш (район города Праги), в течение двух часов вела бой с отступавшей от частей Красной Армии немецкой танковой дивизией СС. Бой продолжался до подхода частей Красной Армии, что вынудило немцев этой дивизии бросить оружие, технику и в беспорядке, мелкими группами отойти в лес…»[{189}].

Там же, в лесах под Прагой, действовала и группа «Ураган» под командованием старшего лейтенанта Савельева (Павлова). В его задании, перед переброской в Чехию, указывалось: следить за передвижениями частей и подразделений группировки генерал-фельдмаршала Шернера, раздобыть план взрыва Праги, а также выяснить ориентацию чехов на будущую жизнь, их дальнейший выбор, о чем не должен был знать никто.

Командир группы лично через агента взаимодействовал с коммунистическим подпольем в городе. О том, что в Праге готовится восстание, он узнал еще в 20-х числах апреля, а 30-го передал информацию в «Центр»: «В Праге, в окрестных селах готовится восстание, не хватает оружия».

Из воспоминания С. Блага: «“Ураган” гремел по всей округе. Партизаны проводили диверсии, следили за передвижением фашистских войск, в первую очередь эсэсовских подразделений, поддерживали постоянную радиосвязь с центром. Разведчики Павлова быстро перенесли свои операции и на Прагу. Им повезло — через одного завербованного гестаповца они получали ценные сведения».

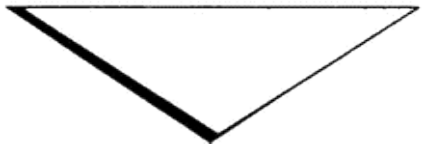
Надо сказать, что «Ураган» выполнил свое задание. Схема минирования Праги вскоре оказалась в руках его командира. А ведь могло не остаться многих исторических и красивейших мест города: соборов, площадей и парков.

Была в этом задании и работа с власовцами, о чем мы уже говорили. Сам Петр Степанович рассказывал об этом с брезгливостью: «Некоторые “новые” историки норовят украсить РОА трагико-героическим ореолом, а самого Власова терновым венцом мученика. Но если можно обвинить в предвзятости меня, то это трудно сделать в отношении русских

белоэмигрантов, с которыми я поддерживал связь в Праге. Их в то время было в Чехословакии несколько десятков тысяч. Многие были врагами советской власти. Но лишь единицы пошли в услужение к немцам. Бывший командир крейсера Балтийского флота мне сказал: “Как мог русский генерал пойти в лакеи к исконному врагу России? У нас, русских офицеров, это не укладывается в голове”».

Кстати сказать, при приземлении во время ночного десантирования Савельев повредил позвоночник. Через чешского лесника ему нашли надежного доктора, который взялся за лечение прямо в лесу и поставил на ноги командира «Ураган». Им оказался выпускник Санкт-Петербургской медицинской академии и личный врач барона Врангеля — И.И. Капецкий{190}.

Когда 9 мая 1945 г. в ликующую Прагу войдут первые советские танки, боевая работа партизан и оперативных групп на этом не закончится. Впереди будут еще несколько дней самых жарких боев с фашистами.



Глава 10.
ПРАЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Когда Верховный Главнокомандующий И. Сталин узнал о выходе Красной Армии на Эльбу, то тут же сказал, что пора наносить удар на Прагу. Отметим лишь, что речь идет не о каком-то броске, марше и т.д. Речь идет об ударе, о стратегической наступательной операции нескольких фронтов. Определение такой операции говорит само за себя.

Стратегическая наступательная операция — военная операция, представляющая собой совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени одновременных и последовательных сражений, боевых и специальных действий, ударов, маневра и действий войск (сил), проводимых по единому замыслу и плану путем наступления для достижения стратегической цели с целью разгрома сил противника и овладение определенными районами местности на определенных стратегических направлениях.

Как свидетельствует генерал СМ. Штеменко, примерно через день после встречи с американцами И. Сталин сам позвонил командующему 1-м Украинским фронтом Маршалу Советского Союза И.С. Коневу: «Без всякого предисловия он спросил: кто будет брать Прагу?

Для И.С. Конева ответ на этот вопрос не представлял трудности: обстановка сложилась так, что 1-му Украинскому фронту удобнее других было нанести удар на Прагу по кратчайшему направлению с севера и северо-запада, отрезав тем самым пути отхода на запад пражской группировке противника. Тогда Коневу было приказано представить соображения по Пражской операции, а Генштаб получил задачу подготовить на этот счет свои предложения.

Столица дружественной нам Чехословакии занимала в планах советского Верховного Главнокомандования очень заметное место. Наше стратегическое руководство всемерно стремилось сохранить от разрушения этот чудесный древний город с его многочисленными памятниками культуры. Прежде всего приходилось оберегать Прагу от американских бомб, поскольку наши союзники регулярно помещали ее в перечень объектов для бомбардировок. Так как район города находился в полосе действий советских войск и объекты для налетов авиации должны были согласовываться, Генеральный штаб столь же систематически вычеркивал

Прагу из перечня.

К исходу 30 апреля основное сопротивление противника в Берлине было сломлено, и столица фашистского рейха находилась накануне капитуляции. Обстановка позволяла надеяться, что для полного разгрома противника в Берлине будет достаточно сил 1-го Белорусского фронта. Одну его армию даже передали в состав 1-го Украинского фронта, который можно было теперь двинуть на Дрезден и затем против группы армий «Центр». В полосе 4-го Украинского фронта советские войска штурмом овладели крупным промышленным центром и мощным опорным пунктом обороны немцев в Чехословакии городом Моравска-Острава. Одновременно войска фронта захватили город Жилина — важный узел дорог в Западных Карпатах. (…)

Утеряв Моравска-Остраву, противник в ближайшей глубине не имел столь же выгодных рубежей для организации обороны. К тому же советские войска глубоко обошли его фланги по северной и южной границе Чехословакии. Врагу ничего не оставалось, как отступать на Оломоуц. Отход противника существенно менял обстановку в полосе 2-го Украинского фронта Р.Я. Малиновского. Теперь фронту важнее всего было главными силами быстрее выдвигаться к Праге и, таким образом, создать южный фас будущего окружения войск группы армий «Центр». В этом случае армии 3-го Украинского фронта Ф.И. Толбухина надежно обеспечивали бы стратегическую операцию со стороны Западной Австрии, где все еще сохранялась почти полумиллионная группировка немецко-фашистских войск под командованием генерала Рендулича.

При нашем вечернем докладе обстановки И.В.Сталин приказал в связи с отходом противника перед 4-м Украинским фронтом дать директиву Р.Я. Малиновскому и представителю Ставки С.К. Тимошенко. «Главные силы войск фронта развернуть на запад, — говорилось в директиве, — и нанести удар в общем направлении на Йиглава, Прага с задачей не позднее 12—14 мая овладеть рубежом Йиглава, Улабинч, Горн, и в дальнейшем выйти на р. Влтава и захватить Прагу». Только часть сил 2-го Украинского фронта должна была наступать в направлении Оломоуца, где продолжалось сопротивление противника»[{191}].

Таким образом, первоначально предполагалось, что сама операция растянется аж на целых две недели, так как перед советскими фронтами стояла одна из сильнейших группировок противника — группа армий «Центр». Однако обстановка менялась с неимоверной скоростью:

«События на фронте немедленно получили отзвук в немецком тылу на территории Чехии. Там все ярче разгорался огонь антифашистской борьбы.

Патриоты активно вооружались и в отдельных местах страны даже захватывали власть. Вот-вот должны были начаться события, решавшие судьбу народов Чехословакии. Генеральный штаб неусыпно держал район Праги в своем поле зрения. Сюда отходили крупные группировки немецко-фашистских войск. Восточнее Праги в горных районах определялись контуры обороны группы армий Шернера. Здесь, по мнению Генштаба, должны были разыграться важные события.

В ночь на 1 мая 1945 г. Ставка Верховного Главнокомандования распорядилась не позже 4 мая сменить войска 1-го Украинского фронта, находившиеся в Берлине, силами армий левого крыла 1-го Белорусского фронта. И.С. Коневу было приказано не позже 3 мая закончить ликвидацию группировки немцев, окруженной восточнее Луккенвальде, и после смены освободившиеся войска правого крыла фронта бросить в стремительное наступление в общем направлении на Прагу. С 6 мая между фронтами назначалась разграничительная линия до Люббена прежняя и далее Виттенберг для 1-го Украинского фронта включительно»[{192}].

Собственно, именно так складывался замысел Пражской стратегической наступательной операции трех советских фронтов. Главной же ударной силой являлся 1-й Украинский фронт: «Он должен был отрезать пути отхода противника на запад и юго-запад, создать северный и западный фасы кольца окружения войск Шернера, сидевших в Рудных горах и Судетах. С востока центром на Оломоуц двигался 4-й Украинский фронт А.И. Еременко. С юга наносили удары 2-й Украинский фронт Р.Я. Малиновского. Окружив противника, этим фронтам надлежало расчленять и уничтожать окруженную группировку одновременными и последовательными ударами на земле и с воздуха. В западную часть Чехословакии вступали войска наших союзников.

План Пражской операции — последней крупной операции Советских Вооруженных Сил в Европе — окончательно был разработан к 4 мая 1945 г. Войскам 1-го Украинского фронта в этот день в 1 час 10 минут была отдана оперативная директива. В ней указывалось: «Армии правого крыла фронта переходят в стремительное наступление по обоим берегам р. Эльба в общем направлении на Прагу с целью разгромить дрезденско-герлицкую группировку противника, а танковыми армиями на шестой день операции овладеть столицей Чехословакии г. Прага»[{193}].

В соответствии с замыслом операции командующий 1-м Украинским фронтом решил нанести главный удар силами 13-й армии, 3-й и 5-й гвардейских, 4-й и 3-й гвардейских танковых армий, двух танковых и

кавалерийского корпусов из района Ризы вдоль левых берегов Эльбы и Влтавы в общем направлении на Прагу. С целью рассечь группировку противника, второй удар 1-й Украинский должен был нанести на третий день операции силами двух армий и механизированного корпуса из района северо-западнее Герлица в общем направлении на Циттау, Млада Болеслав, Прага. А третий, в обход Дрездена, с юго-востока наносила 2-я армия Войска Польского с танковым корпусом. Фронт с воздуха поддерживала 2-я воздушная армия.

Командующий 2-м Украинским фронтом главный удар на Прагу решил нанести утром 7 мая из района южнее Брно силами 7-й гвардейской общевойсковой и 6-й гвардейской танковой армий. Через два дня левее 7-й армии в наступление должна была перейти 9-я гвардейская армия, а правее — 53-я армия с двумя корпусами румынской армии и 1-я гвардейская конно-механизированная группа. 40-я армия во взаимодействии с 4-й румынской армией была нацелена на Оломоуц, а 46-я армия на Ческе-Будеевице. Фронт с воздуха поддерживала 5-я воздушная армия.

Командующий 4-м Украинским фронтом, продолжая наступление на оломоуцком направлении, для удара на Прагу решил создать подвижную группу и подготовить воздушный десант в составе стрелкового батальона. Начало действий этой группы ставилось в зависимости от степени сопротивления противника на пражском направлении. С воздуха фронт поддерживала 8-я воздушная армия.

Всего боевой состав трех фронтов к началу операции насчитывал: дивизий — 151, корпусов — 14, бригад — 18, УР — 2(1 770 700 чел.). И это не считая армии Войска Польского, двух румынских армий и Чехословацкого армейского корпуса.

И еще. Продолжительность операции — 6 суток. Ширина фронта боевых действий — 1200 км. Глубина продвижения советских войск — 160—200 км. Среднесуточные темпы наступления стрелковых — 20—30 км, танковых и механизированных — 50—60 км{194}.

Как подчеркивал в своих мемуарах командующий 1-м Украинским фронтом маршал Конев, «Пражская операция отнюдь не носила символического характера, как это иногда пытаются изобразить на Западе. Нам предстояла серьезная борьба с большой группировкой вооруженных сил Германии, на которую делало ставку «правительство» Дёница, рассчитывая, что спасение этой группировки даст возможность хотя бы еще на какое-то время продлить существование Третьего рейха»{195}.

Вспоминает командующий 4-й гвардейской танковой армией 1-го

Украинского фронта генерал Д.Д. Лелюшенко: «…в ночь на 5 мая войска армии начали марш. Наутро было получено новое указание командующего фронтом: атаковать противника не 7 мая, как предписывалось прежде, а на день раньше — 6 мая. Понимая, что это, видимо, определялось общей обстановкой на территории Чехословакии, мы ускорили темп движения. (…)

6 мая 1945 г. в 8 часов 30 минут утра после короткого огневого артиллерийского налета началась наша атака передовыми отрядами. Радостно было наблюдать, как наши танки, а их в обоих передовых отрядах было почти полторы сотни, шли «углом вперед». Огнем с ходу, ударом брони и гусеницами взламывали они оборону противника. Видно было, как пылали вражеские машины, разваливались пушки от огня наших танков и орудий, по полю в беспорядке металась фашистская пехота, а отдельные группы поднимали руки вверх.

Враг был ошеломлен. Гитлеровцы не ожидали удара с этой стороны. Что же касается находившихся вблизи нашего НП американских офицеров, то они, наблюдая за атакой, восклицали: «Вэри гуд, вэри уэл!»

Вскоре на КП привели четырех неприятельских офицеров с картами, на которых была нанесена обстановка. Стало окончательно ясно, что жестокой обороны у врага здесь нет. Пленные подтвердили, что атака наших войск оказалась для них неожиданной.

В 10 часов 30 минут я доложил командующему фронтом о результатах боя передовых отрядов, которые стремительно развивали наступление, и попросил разрешения ввести в сражение главные силы»[{196}].

К вечеру 6 мая войска армии Лелюшенко прошли около 50 километров, а передовые отряды до 65. Захватив важный узел дорог — город Фрейберг, 4-я гвардейская танковая армия за день 7 мая прошла еще 50—60 километров. Были заняты перевалы через Рудные горы, а это была уже Чехословакия. При этом, как пишет командующий: «враг отступал с боями, цепляясь за каждый выгодный рубеж и устраивая в узких местах, на перевалах и в теснинах завалы и минные заграждения».

Наиболее ожесточенное сопротивление 4-й гвардейской танковой армии было оказано на рубеже городов Фрейберг и Одеран: «Чтобы лучше ориентироваться на незнакомой всем нам местности, я под утро 7 мая взобрался на пограничную вышку. Карта резко не соответствовала местности. На восточных скатах Рудных гор был виден целый лес заводских труб, а на карте не значилось никаких предприятий. Не сбились ли мы с направления? Компас не работал, так оказывается, всегда бывает в богатых залежами металлов Рудных горах. Но как только наступил рассвет,

стало ясно, что идем мы в нужном направлении — на восток. Что же касается заводов, то вскоре и это выяснилось: сюда гитлеровцы во время войны перебазировали из Германии много предприятий, надеясь уберечь их здесь от бомбардировок с воздуха.

Теперь противник вознамерился именно в этом районе задержать наше стремительное наступление. Во второй половине дня 7 мая, когда штаб армии находился на восточной окраине города Фрейберг, вблизи появились танки противника. В лесу юго-восточнее города генерал К.И. Упман немедленно организовал оборону. Положение осложнялось тем, что с северо-востока сюда подошли новые неприятельские части с танками и артиллерией.

Но в это время в район Фрейберга вышел следовавший по маршруту нашего 10-го корпуса 7-й гвардейский танковый корпус генерала В.В. Новикова из состава 3-й гвардейской танковой армии. Его танкисты разгромили попавшиеся им на пути вражеские части и, выручив наш штаб, двинулись дальше…

К исходу 7 мая 4-я гвардейская танковая армия главными силами преодолела Рудные горы и уже находилась в 150—160 км северо-западнее Праги»[{197}].

1-я гвардейская конно-механизированная группа 2-го Украинского фронта под командованием генерала И.А. Плиева также пробивалась к Праге с боями: «В ходе ожесточенных боев 25 апреля соединения заняли ряд пригородных населенных пунктов и вплотную подошли к Брно с юга и юго-запада. К исходу дня мы овладели пунктом Богунице, форсировали реку Свратка в районе Н. Лисковец, захватили Босоноги, вышли к Когоутовице, очистили от врага юго-восточную часть Жебетина и вели подготовку переправ через реку Свратка на западной окраине города.

Левофланговые дивизии группы наступали по более труднопроходимой местности, совершая к тому же сложный маневр для выхода к западной и северо-западной окраинам города Брно. Соединения, наступавшие на южную часть города, вели боевые действия более успешно, вдоль дорог 6-я стрелковая дивизия, используя успех соседей, совершила смелый бросок, удачно форсировала реку Свратка, ворвалась на южную окраину Брно и, поддержанная массированным огнем артиллерии и авиации, завязала уличный бой с противником.

Ночью дивизия захватила железобетонный мост на южной окраине Брно, который был немедленно использован для ввода в сражение танковых частей и средств усиления группы. Штаб 1-й гвардейской конно-механизированной группы переместился в Мораваны.

Начался штурм города. 7-й гвардейский мехкорпус, развивая наступление в стыке между кавалерийскими корпусами, вел бой в юго-западной и западной частях Брно.

Войска 4-го гвардейского кавкорпуса, очистив от врага берег реки Свратки, в 2 часа ночи 26 апреля форсировали ее и, ведя уличные бои, продвигались вдоль западной окраины города. 10-я гвардейская кавдивизия, переправившись через реку вброд, также ворвалась в город. Вслед за ней переправилась 30-я Краснознаменная кавдивизия, она развивала наступление в направлении на Жабовржешки, очищая от очагов вражеского сопротивления пригородную часть Брно с запада.

6-й гвардейский кавкорпус, наступая на северо-западную и северную части Брно — Комин, обеспечивал левый фланг группы действиями в направлении Книницы, Раздроевице. Я заставил ускорить овладение этими пунктами, чтобы не допустить подхода резервов противника с направления Веверска-Битышка. Этот маневр также перерезал пути отхода немцев из Брно на Прагу.

В жестоких уличных боях особенно отличились наши танкисты. Их грозные боевые машины уничтожали огневые точки противника, врывались в его тылы, сея панику. В эти часы мы вновь были свидетелями героизма наших воинов.

В огне непрерывного сражения, лицом к лицу со смертью, они находили время помочь местному населению.

Вот какую картину я наблюдал на одной из улиц в западной части Брно, где сражался 7-й мехкорпус. Наш тяжелый танк, раздавив немецкий дзот, двинулся было к другому, но вдруг запылал, подожженный фаустпатроном. Из него начали выпрыгивать танкисты. Прижимаясь к мостовой, они стали стрелять по врагу из автоматов. И вдруг один из них пополз вперед, прямо под пули. Товарищи прикрывали его огнем. Обратно он вернулся с маленьким чешским мальчиком. Оставшись на улице один, он громко плакал у стены дома. Говорят, после боя нашлись его родители и горячо благодарили наших танкистов.

В результате уличных боев к исходу 26 апреля Брно был полностью занят войсками конно-механизированной группы, подошедшими соединениями 50-го стрелкового корпуса и 6-й гвардейской танковой армии.

До конца дня в разных районах города раздавалась стрельба. Это конница и танки очищали улицы, ликвидируя небольшие группы автоматчиков и одиночные огневые точки врага. Главные же наши силы преследовали гитлеровцев за городом в северо-западном направлении.

Так, ровно месяц спустя после первых выстрелов наших дивизий на реке Грон в Чехословакии стихли и последние выстрелы на улицах города Брно. Улицы города заполнили ликующие толпы людей. Они вышли из подвалов и бомбоубежищ приветствовать своих освободителей — советских воинов. Нас встречали восторженно, хлебом-солью, цветами… Усталые, запыленные, покрытые пороховой гарью, солдаты переходили из одних объятий в другие. То здесь, то там вспыхивали стихийные митинги. Это была настоящая манифестация дружбы и братства двух народов. И она навсегда осталась в моей памяти как одно из самых ярких, впечатляющих событий»[{198}].

В ночь на 7 мая соединения конно-механизированной группы сдали захваченные рубежи подошедшим стрелковым соединениям и сосредоточились к северо-западу от Брно. А вечером генерал Плиев отдал войскам боевой приказ: «Перед рассветом 9 мая взломать фронт немцев и перейти в решительное наступление в общем направлении Вельки-Битеш, Вельки-Мезиричи, Чилгава, Влашим, Бенешев и к исходу 10 мая овладеть Прагой. Начало атаки по сигналу “333-Москва”»[{199}].

До Праги оставалось всего 185 километров.

Что же касается продвижения на Прагу фронта под командованием маршала А.И. Еременко, то он сам напишет об этом так: «…войска 4-го Украинского фронта двигались к столице Чехословакии с востока. Наиболее коротким и сравнительно более удобным путем для них могла служить Оломоуцкая долина, являвшаяся как бы естественными воротами к Праге. Поэтому Шернер создал в районе Оломоуца на весьма выгодном для обороны рубеже прочный узел сопротивления. Гитлеровцы располагали здесь крупными силами пехоты до 14 дивизий и большим количеством техники, кроме того, им удалось возвести разветвленную сеть заграждений.

В результате наступательных действий, предпринятых нашими армиями 1 мая, противник отступил на 12—20 км и сдал ряд важных опорных пунктов, которые до этого служили ему прикрытием на пражском направлении. В этот день 38-я армия овладела 14 населенными пунктами, 1-я гвардейская армия продвинулась на 12 км и выбила противника из 80 населенных пунктов, в том числе из городов Богумии, Надражи-Богумин, Фриштат, Скочув. 18-я армия, преодолевая огневое сопротивление противника, в условиях бездорожья и горно-лесистой местности с боями продвинулась на 20 км и в результате обходного маневра овладела важным опорным пунктом обороны противника, узлом железных и шоссейных

дорог г. Чадца, а также Вел. Битча. 1-й Чехословацкий армейский корпус форсировал р. Ваг и успешно вместе с другими войсками продвигался на запад.

В связи с этими новыми успехами 1 мая в Москве прозвучал еще один победный салют в честь войск 4-го Украинского фронта, а 3 мая второй салют в связи с освобождением г. Цешин.

2 мая войска фронта армиями центра — 1-й гвардейской и 38-й — продолжали очищать от противника западную часть Моравска-Остравского промышленного района. Правофланговая 60-я армия и левофланговая 18-я армия вели наступление в западном направлении.

К этому времени на фронте сложилась следующая обстановка. 60-я армия в составе четырех стрелковых и одного танкового корпуса (3-й гвардейский стрелковый, 15, 28 и 106-й стрелковые, 31-й танковый корпуса) продолжала развивать наступление и на оломоуцком направлении, выдвинулась на рубеж Тюрмитц, Вальтержовице. 38-я армия в составе четырех стрелковых корпусов (126-й горнострелковый, И, 52 и 101-й стрелковые корпуса), наступая на Одры, вышла на рубеж Вальтержовице, Песков. 1-я гвардейская армия в составе четырех стрелковых корпусов (127-й легкий горнострелковый, [411] 67, 95 и 107-й стрелковые корпуса), наступая на цешинском направлении, вела бои на рубеже Песков, Бистржице. 18-я армия в составе стрелкового (17-й гвардейский стрелковый корпус), 1-го Чехословацкого армейского корпуса и одного укрепленного района, наступая на широком фронте, вела бои на рубеже Бистржице, Лази.

В тот же день, т.е. 2 мая, я донес в Ставку Верховного Главнокомандования, что на случай ослабления сопротивления противника в период, предшествующий капитуляции Германии, мною подготовлены для захвата Праги подвижная группа в составе стрелковой дивизии, посаженной на машины, с приданными ей танковой бригадой и разведывательной мотоциклетной ротой, авиадесант в составе стрелкового батальона на 10 самолетах, а также подвижные группы 60, 38 и 1-й гвардейской армий.

Фронтовая подвижная группа к 6 часам утра 3 мая сосредоточивалась в районе Опавы.

Для войск 4-го Украинского фронта в ходе наступления на Прагу ближайшей задачей было овладение г. Оломоуц, по существу, последним наиболее важным пунктом на пражском направлении при ударе с востока.

По указанию Ставки и по нашему плану на Оломоуц должен был наноситься удар двух армий в сходящихся направлениях: 60-й армии с

севера и 40-й армии 2-го Украинского фронта с юга. После этого планировалось общее наступление на запад на Прагу во взаимодействии с остальными войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов, выходившими в этот район с целью отрезать всю группу армий «Центр» и не дать ей возможности отойти в западном направлении.

В течение 4 и 5 мая действия наших войск развивались успешно на всех направлениях. За эти два дня они продвинулись от 18 до 45 км, овладев при этом 360 населенными пунктами, в том числе городами Штернберк, Штадт Либау, Фульнек, Пржибор, Рожнов и другими.

60-я армия, произведя в течение ночи с 5 на 6 мая перегруппировку, правым крылом вновь продвинулась на 20 км, а центром, наступая от Штернберка вдоль шоссе на Оломоуц, вышла на северо-восточную окраину г. Оломоуц, где встретила упорное сопротивление противника.

В тот же день значительный успех имели также 1-я гвардейская и 18-я армии, которые вышли на линию Нови-Йичин, Телешов. 60-я армия своим правым крылом и центром продвинулась до 30 км, овладев при этом 150 населенными пунктами. На левом крыле в районе Оломоуца шли упорные бои, отбивались неоднократные атаки противника в северной части города. Успех 60-й армии дал возможность усилить продвижение войск 38-й и 1-й гвардейской армий, которые в течение 7 мая также имели успех и продвинулись от 7 до 20 км, при этом 38-я армия овладела большей частью Оломоуца»[{200}].

А в это время противник стал вести себя еще более хитрее и коварнее. И не удивительно, ведь окончание Второй мировой войны в Европе подталкивало его к самым неожиданным для советской стороны решениям. Об этом достаточно правдиво рассказал в своих мемуарах генерал СМ. Штеменко: «6 мая было жарким днем и в гитлеровской ставке. Кейтель в 14 часов 12 минут потребовал наискорейшего отвода войск групп армий «Центр», «Австрия» и «Юго-Восток» в полосу действий американцев. К этому вынуждали доклады с фронта. Оттуда сообщали, что Красная Армия переходит в наступление на пражском направлении. Кессельрипгу было приказано не препятствовать любому продвижению американцев на восток в протекторат (так гитлеровцы именовали Чехословакию).

…в тот же день в Реймсе были начаты переговоры Йодля о капитуляции немецко-фашистских войск на западном фронте. До тех пор пока было неясно, как отнесутся англичане и американцы к предложению гитлеровцев, немецко-фашистское командование в Праге пыталось силой подавить восстание. Когда же получили данные, что капитуляция на западе состоится перед англо-американцами, нацисты в Праге изменили тактику. 7

мая Дёниц отдал распоряжение об отходе немецко-фашистских войск с восточного фронта с целью сдаться в плен нашим союзникам.

Теперь в интересах выполнения новой задачи нацистам нельзя было расширять далее борьбу на пражских улицах, а оказывалось более выгодно как-то ослабить восстание, а если можно, то и договориться с повстанцами. За это дело взялся генерал Туссен. Ему удалось вступить в переговоры с чешским Национальным Советом (чешская Народная Рада), которые начались в 10 часов 7 мая, когда капитуляция в Реймсе уже была подписана, а Красная Армия наступала по всему фронту. Ход переговоров показал, что большинством в совете располагали буржуазные деятели, которые рассматривали смысл действий повстанцев очень ограниченно. Руководитель чешского Национального Совета профессор Пражского университета Альберт Пражак сказал об этом впоследствии так: “Восстание имело целью спасти город от предполагавшегося разрушения, так как немцы не собирались оставлять его без боев. Мы с часу на час ждали прихода войск союзников”. Заместитель председателя И. Смрковский, состоявший тогда в компартии, не повлиял на такую соглашательскую точку зрения буржуазного большинства чешского Национального Совета.

В силу этих обстоятельств Туссен быстро определил слабое место в руководстве повстанцами и 8 мая в 16.00, когда согласно документу, подписанному в Реймсе, подходило время капитуляции немецких войск, сумел, в свою очередь, подписать соглашение с чешским Национальным Советом, весьма выгодное для немецко-фашистского командования. Оно получило гарантии спокойного отхода гитлеровских войск в расположение американцев. Международный Красный Крест в 19 часов 15 минут 8 мая 1945 г. передал по пражскому радио на чешском и немецком языках следующее сообщение: “Согласно соглашению с чешской Народной Радой должны прекратиться военные действия в Праге и ее окрестностях. Такой же приказ был дан чешским соединениям и гражданам. Кто этот приказ не будет выполнять, подлежит суду. Подписано командующим немецкими войсками в Чехии и Моравии. Прага. Чехословацкая радиостанция”.

В соглашении была и такого рода запись:

“5. Сдачу оружия проводить следующим порядком: тяжелое оружие сдается на окраинах города частям чехословацкой армии, самолеты остаются на аэродромах в Рузине и в Кбелы.

6. Сдача остального оружия будет проводиться на американской демаркационной линии войскам чехословацкой Народной армии. Все оружие сдается с амуницией в неиспорченном виде”.

Таким образом, немецко-фашистские войска сохраняли за собой легкое пехотное оружие до того момента, как они минуют опасную зону ударов советских войск и повстанцев Чехословакии. Личный состав группы армий «Центр» по соглашению имел право забрать из складов необходимый провиант на время следования.

Фактически никакой капитуляции немецких войск в Праге и ее районе не произошло. Сам Пражак, когда в город уже пришли советские войска и разбили гитлеровцев, оценил подписанный акт как «уловку немцев». Таким образом, буржуазное большинство совета попалось на хитрость противника»[{201}].

Генерал-фельдмаршал Шернер также до последнего играл в свою собственную игру:

«Капитуляция немецко-фашистских войск началась и на фронтах. Однако более миллиона солдат групп армий «Центр» во главе с Ф. Шернером и «Австрия» под командованием Л. Рендулича складывать оружие перед Красной Армией не собирались. Дёниц фактически им потворствовал, не принимая никаких мер к нарушителям условий капитуляции.

Шернер, считавшийся мастером горной войны, свой саботаж капитуляции прикрывал ссылками на то, что ему мешают чешские повстанцы. Они, мол, постоянно нарушают телефонные линии, перехватывают посыльных, передающих приказы войскам, и тем самым делают невозможным проведение планомерной капитуляции. Шернер просил Дёница срочно воздействовать на союзников, чтобы повстанцы тотчас же прекратили свои нападки на немецкую армию, незамедлительно освободили радиостанции и тем самым дали бы ему, Шернеру, первую предпосылку для выполнения приказа о капитуляции.

Идея нажима на наших западных союзников, чтобы облегчить своим войскам отход за их линию фронта, была немедленно воспринята правительством Дёница. Уже утром 8 мая Йодль направил Эйзенхауэру телеграмму с докладом, что проведение капитуляции в Чехословакии затруднено, поскольку повстанцы этому мешают: прерывают телефонную связь, перехватывают посыльных. Он, Йодль, просил союзников, чтобы радиостанции, находящиеся в руках восставших, были использованы для передачи приказов войскам.

Сам Шернер между тем разрабатывал план прорыва группы армий «Центр» в зону американцев, чтобы там сложить оружие. Он поделился своими мыслями по этому плану с генерал-фельдмаршалом Кессельрингом, о чем последний доложил Кейтелю с просьбой сообщить ему,

Кессельрингу, свое мнение. Мы не знаем, сообщил ли Кейтель свой взгляд на план Шернера, но осуществить замысел командующему группой армий «Центр» не удалось. Этому помешали советские войска.

Любопытно, что Шернеру было приказано утром 8 мая лично направиться в район Рудных гор, чтобы позаботиться на месте относительно организованного проведения там капитуляции войск. Но Шернер заявил, что не видит возможности твердо управлять войсками и соблюдать условия капитуляции. Он умывал руки и без разрешения своего командования покинул войска. Не имея от Шернера приказов сдаваться в плен Красной Армии, продолжая надеяться на относительно благополучный отход за линию американцев и заполучив в Праге соглашение на это с чешским Национальным Советом, группа армий «Центр» не складывала оружия»[{202}].

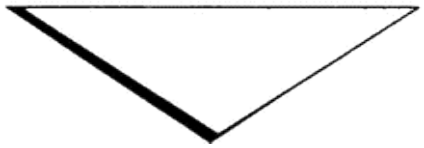
Рано утром 8 мая генерал-фельдмаршал Шернер спешил пробраться в Пльзень, где уже были американские войска, но ему помешал передовой отряд (10-я гвардейская механизированная бригада) 4-й гвардейской танковой армии. В 3 часа ночи 8 мая этот отряд внезапно ворвался в населенный пункт Жатец, что в 60 километрах от Праги. Командир танкового полка, разглядев в предутреннем сумраке длинную неприятельскую колонну машин, с ходу атаковал и разгромил ее. Колонна оказалась штабом группы армий «Центр». В считаные минуты штаб Шернера перестал существовать. Большая часть находившихся при нем генералов, офицеров и солдат сдалась в плен. Самому фельдмаршалу удалось бежать. 15 мая 1945 г. его возьмут в плен американцы. В альпийской хижине, ще прятался «цепной пес» Гитлера, на нем будет одет традиционный баварский альпийский костюм, который он выменял на свою военную форму и золотой партийный значок.

Тогда же, 8 мая 1945 г., в 22.43 по центральноевропейскому времени и 9 мая в 00.43 по московскому в берлинском предместье Карлсхорст в здании бывшей столовой военно-инженерного училища будет подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Время прекращения огня в этом документе будет подчеркнуто особо: 8 мая в 23.01 по центральноевропейскому времени и 9 мая в 01.01 по московскому. Борис Горбатов, лично присутствовавший при этой церемонии, в очерке «Капитуляция» напишет торжественно: «Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года человечество вздохнуло свободно.

Гитлеровская Германия поставлена на колени.

Война окончена.

Победа»[{203}]. Однако война еще не закончилась…



Глава 11.
ПРАГА 9 МАЯ 1945 ГОДА

Начальник штаба 4-го Украинского фронта генерал Л.М. Сандалов свидетельствует:

«В 24.00 8 мая войска 1, 4 и 2-го Украинских фронтов возобновили наступление. На рассвете 9 мая после 80-километрового броска одновременно вступили в Прагу с севера 4-я и 3-я гвардейские танковые армии 1-го Украинского фронта под командованием генерал-полковников танковых войск Д.Д. Лелюшенко и П.С. Рыбалко. А в 10 часов 45 минут 9 мая части подвижной группы 4-го Украинского фронта, преодолев с боями более 100 километров, тоже пробились в Прагу.

В авангарде подвижной группы фронта пробивалась сквозь отходящие вражеские части и прокладывала маршрут движения для всей группы 8-я Севастопольская фронтовая моторизованная разведывательная рота. Впередсмотрящими в этом подразделении были мужественные разведчики — мотоциклисты головного дозора И.Н. Куроцепов и В.В. Саломатин.

Во второй половине дня в столицу Чехословакии вступила и подвижная группа 38-й армии, в составе которой сражались также бойцы 1-й отдельной чехословацкой танковой бригады подполковника В. Янко. Полковник В.С. Гаев, командир 42-й гвардейской танковой бригады, которая входила в эту группу, погиб смертью героя в боях на подступах к Праге. В 13 часов 9 мая в город прорвались с юго-востока передовые части 6-й гвардейской танковой армии 2-го Украинского фронта под командованием генерал-полковника танковых войск А.Г. Кравченко.

Всю первую половину дня не стихали в чехословацкой столице уличные бои. Вскоре советские войска при активной поддержке жителей Праги полностью освободили город от захватчиков»[{204}].

То есть капитуляция подписана, а уличные бои в Праге 9 мая 1945 г. продолжаются.

Генерал Лелюшенко вступление в Прагу запомнит на всю жизнь: «Вот и юго-западная окраина Праги. Здесь на аэродроме Рузине мы получили по радио от М.Г. Фомичева донесение, из которого следовало, что его бригада уже в столице Чехословакии. В 3 часа 9 мая она вступила в центр Праги и теперь вела бой с фашистами у здания генерального штаба. Один из ее батальонов воспрепятствовал эсэсовцам взорвать заминированный мост

через Влтаву и вышел на ее восточный берег, а другой под командованием М.Ф. Коротеева выбивал гитлеровцев из пражского Кремля.

К 4 часам утра в Праге были уже главные силы нашей армии — 10-й танковый корпус. Кроме 63-й гвардейской танковой бригады М.Г. Фомичева, здесь теперь сражалась 62-я гвардейская танковая бригада И.И. Прошина и 29-я гвардейская мотострелковая бригада Л.И. Ефимова. В числе первых вошла в Прагу и 70-я гвардейская самоходно-артиллерийская бригада Н.Ф. Корнюшкина. тогда же вступили в Чехословацкую столицу и оба механизированных корпуса»[{205}].

9 мая вошла в Прагу и конно-механизированная группа генерала Плиева: «Перед рассветом 9 мая дал сигнал к последнему наступлению и я. Части 7-го гвардейского механизированного корпуса на предельной скорости атаковали заслоны гитлеровцев и прорвались в район Велька-Битеш. Развивая стремительное наступление вдоль шоссе Брно — Прага, части корпуса сметали со своего пути слабо управляемые разрозненные группировки ошеломленного противника. 4-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса действовали параллельно, заодно обеспечивая и фланги мехкорпуса. Все остальные соединения нашей группы наступали во втором эшелоне. Вечером того же дня наш 7-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта Каткова, совершив почти стокилометровый стремительный марш на северо-запад, вошел в столицу Чехословакии с юга и соединился здесь с 4-й танковой армией 1-го Украинского фронта генерала Д.Д. Лелюшенко. С занятием Праги кольцо окружения вражеских войск в Чехословакии было сомкнуто»[{206}].

Далее Исса Александрович Плиев напишет: «Всю ночь и день 10 мая соединения конно-механизированной группы продолжали уничтожать сопротивлявшиеся группы противника в пригородах Праги, к западу и юго-западу от города».

То есть уличные бои не стихали в Праге всю первую половину дня 9 мая. 63-я гвардейская танковая бригада вела бой в центре Праги. А 1-я гвардейская КМГ продолжала уничтожать фашистов всю ночь и день 10 мая. Но все это историк Александров называет не иначе, как «Мелкими стычками и перестрелками с отдельными группами непримиримых эсэсовцев»[{207}]. Однако это были именно уличные бои, в которых погибали не только солдаты, но и командиры. Погибали 9 мая 1945 г.

Танк Т-34 (1-го батальона 63-й гвардейской танковой бригады 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса) под командованием гвардии лейтенанта Ивана Григорьевича Гончаренко

первым ворвался в Прагу. И с ходу вступил в бой. О том, как все происходило дальше расскажут сами подчиненные лейтенанта, члены экипажа танка Т-34—85 № 24: «…В третьем часу ночи вступаем в город. Все три машины идут по незнакомым улицам. Поперек одной из них — баррикада. Ликующие повстанцы вскакивают на броню, обнимают, целуют нас. Комок подкатывается к горлу.

Противника пока нет. Двигаемся вперед. На наш танк пересел чех-проводник, который до этого был на машине нашего командира взвода. Тогда мы не знали имени этого мужественного человека. Только сейчас, спустя двадцать лет, нам стало известно — это был Франтишек Соучек…

…По крутому спуску двигались мы к Влтаве, чтобы захватить мосты и не дать отступавшим гитлеровцам их разрушить. Наш танк на подходе к реке оказался головным. И вот здесь, вблизи Манесова моста, мы приняли последний бой.

Замаскированные самоходки врага открыли огонь. Остальные наши танки еще не подошли. Командир орудия открыл ответный огонь. Ему помогал заряжающий Николай Ковригин. Завязалась артиллерийская дуэль. Наблюдаем попадания. Две вражеские машины запылали, но одна из болванок угодила в башню нашего танка. Наш командир Иван Григорьевич Гончаренко от вражеского выстрела замертво упал, Батырев продолжал стрельбу и накрыл одну самоходку. Но вторым вражеским снарядом были тяжело ранены механик-водитель Шкловский и находившийся на борту машины чех Франтишек Соучек. Третьим снарядом враг попадает в наш танк, тяжело ранен Александр Филиппов. После четвертого попадания пушка танка оказалась заклиненной. Ее ствол теперь беспомощно был устремлен в одну точку. В это же время контузило Ковригина.

Командир орудия был лишен возможности продолжать огонь. Танк не мог передвигаться, и экипаж решил оставить его. Ковригин и Батырев через люк башни выбрались наружу, а затем помогли Шкловскому и Филиппову выйти из машины. Батырев и Ковригин вели огонь из автоматов. Противник все время продолжал обстреливать машину.

Так закончился наш последний бой. И все же враг не успел взорвать мост. Командир роты старший лейтенант В.Т. Полегенький потом со всей ротой разгромил здесь противника, прошел через мост и устремился к центру города»[{208}]. Так что, если выражаться словами историка Александрова, то командир танка Т-34 гвардии лейтенант Гончаренко погиб не в бою, а в мелкой стычке.

Кстати сказать, 25-летнего Ивана Григорьевича Гончаренко за этот последний бой 9 мая 1945 г. посмертно наградят орденом Отечественной

войны 1-й степени. В представлении командира 1-го танкового батальона гвардии старшего лейтенанта Коротеева от 15 мая 1945 г. будет написано: «Действуя в головном дозоре, нанося противнику сокрушительные удары, т. Гончаренко первым ворвался в г. Прага. Стремительно преследуя противника, т. Гончаренко захватил мост через реку Влтава в центре города и вступил в неравный бой с 13 самоходными орудиями немцев.

Удерживая переправу, т. Гончаренко огнем своего танка уничтожил 2 самоходки. Танк получил попадание снаряда и загорелся. Т. Гончаренко был тяжело ранен. Будучи тяжело раненным, отважный офицер, истекая кровью, продолжал вести бой. Вторичным попаданием в танк т. Гончаренко был убит. В это время подошли основные силы и начали стремительное преследование противника»[{209}].

Николай Михайлович Бугров в мае 1945 г. был командиром взвода мотопехоты 62-й танковой бригады. Вот что он рассказал спустя десятилетия о дне 9 мая в Праге: «Ночная Прага встретила нас отблесками пожара и стрельбы. Мы подъехали к столице с северо-западной стороны. Отсюда никто нас не ожидал: ни восставшие, ни немцы.

В памяти на всю жизнь запечатлелась тревожная ночь. Столица утопала во тьме. Никто не знал, где немцы, а где чехи.

Солдаты подчиненного мне взвода держатся ближе к домам и тяжело шагают по брусчатой мостовой. Улица, по которой мы идем, словно вымерла — не слышно ни единого звука, не видно ни одного человека. Вдруг раздаются выстрелы и взрывы гранат. Невольно прижимаюсь к стене. Вижу: на окне осторожно отодвигается уголок занавески, и к стеклу прильнуло лицо женщины. Она всматривается в темноту улицы и сокрушенно вздыхает: «О, Езус Мария, когда это кончится». Робкий рассвет начинающегося дня 9 мая застал нас в центре города, среди битого стекла витрин магазинов. Через некоторое время солнце брызнуло издалека ослепительным светом по черепичным крышам и позолоченным куполам костелов.

Взвод собрался на узкой и пустынной улице. Из подъезда, оглядываясь по сторонам, выскочила молодая женщина и замерла от страха: в нескольких шагах стояли мы — в незнакомой ей военной форме. От нас отделился молодой солдат и подошел к ней:

— Пани, дайте воды!

Чешская женщина, не отрывая взгляда от маленькой красной звездочки на пилотке и орденов на гимнастерке, пыталась понять солдата: язык напоминал ее родной. Она не ответила, а побежала в подъезд. Послышался ее громкий, взволнованный голос:

— Руде Армада в Праге! Русские братья пришли! Через минуту-другую к нам отовсюду бежали люди.

От радости одни плакали, другие смеялись, третьи обнимали нас… Местные жители помогали отыскивать гитлеровцев, не успевших убежать. (…)

…Было ясное солнечное утро. После первой встречи с местными жителями, взвод тогда пошел дальше. Не опасаясь нападения, мы шли посреди улицы, приближаясь к площади. Неожиданно на одной из башен церкви глухо огрызнулся пулемет. В то же мгновение мы увидели девочку на мостовой. Вокруг нее трассирующие пули ощупывали каждый камень.

— Снять пулеметчиков! — скомандовал я.

Прижимаясь к стенам домов, бойцы открыли из автоматов огонь по башне. Гитлеровцы, оставив ребенка в покое, стали отстреливаться. Перебегая от укрытия к укрытию, я кинулся к девочке. Поднял ее легкое неподвижное тельце и одним броском достиг безопасного места. Девочке было семь лет. Придя в себя от испуга, она рассказала, что отец ее на баррикадах, а мать дома больная. Из окна она увидела, как несколько гитлеровцев с пулеметом, завидев русских, быстро скрылись в церкви. Чтобы сообщить об этом советским солдатам, она выскочила навстречу, а фашисты, заметив ее, начали стрелять…

Перестрелка продолжалась. На помощь нашему взводу подоспели артиллеристы. Орудийный расчет готов был снести башню вместе с пулеметчиками. Неожиданно подошел гражданский, перетянутый широким ремнем, с трофейной винтовкой за спиной: «Пан поручик, собор дорог нам. Не стреляйте из пушки. Швабов и так выбьем».

— Я знаю, как туда пройти, — сказала девчушка. Она показала дорогу через дворы к маленькой церковной калитке. Щелкнул замок, и в узкий проход ворвались бойцы. Под дождем пуль упали замертво двое: неразлучные солдаты-пермяки Федор и Сергей. Но сочтены были и минуты жизни фашистов…»[{210}].

Работали над Прагой и летчики. Рано утром 9 мая 1945 г. группа в составе 18 Як-1 153-го гвардейского истребительного авиаполка под командованием майора Н.И. Лошака взлетела с полевого аэродрома, находящегося под Берлином, и взяла курс на Прагу. Кроме выполнения воздушной разведки группировки немецких войск фельдмаршала Шернера, продолжавшей оказывать сопротивление на территории Чехословакии, командир полка получил еще одну задачу. Лично приземлиться на аэродром Рузине и оценить его состояние для посадки нашей авиации. В случае невозможности взлета командира, его заместитель капитан И.Ф. Андрианов

на спарке (двухместном учебно-боевом Яке) должен был «на ходу» подобрать командира полка и вернуться на аэродром базирования. Однако все обошлось, и половина группы, вслед за командиром, совершила посадку на Рузине. Остальные вместе с Андриановым вернулись в Германию{211}. Это были летчики полка 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта.

Только 7-го мая летчики 5-й воздушной армии выполнили 1588 боевых самолето-вылетов. По обороне противника наносили удары бомбардировщики 218-й авиадивизии, штурмовики 3-го гвардейского и 5-го авиакорпусов. Например, в этот день они уничтожили 26 танков и 596 автомашин с грузами и живой силой. А 9 мая, после доклада воздушных разведчиков, бомбовые и штурмовые удары по отходившим немецким частям были усилены{212}.

2-я воздушная армия 1-го Украинского фронта в последний раз активные боевые действия также вела 9 мая. Только в этот день ее авиасоединения совершили 1320 самолето-вылетов{213}.

Части 8-й воздушной армии 4-го Украинского фронта 8 мая произвели 1914 самолето-вылетов, в том числе 1022 на уничтожение войск противника. В этот день 72 бомбардировщика нанесли удар по вражеским опорным пунктам на западной окраине Оломоуца. На врага было сброшено 1270 т бомб. Три бомбардировщика получили до 30 пробоин. А в ночь на 10-е самолеты воздушной армии вели разведку на дорогах Чехословакии, по которым шли колонны гитлеровских автомашин по 200—500 единиц в каждой{214}.

Что же касается сбитых самолетов противника, то были они и 9 мая 1945 г. Например, в этот день летчик 16-го гв. иап старший лейтенант ГГ. Голубев в 20 километрах от Праги сбил До-217. Свою последнюю победу над Прагой 9 мая в 12.40 одержал командир 104 гв. иап подполковник В.И. Бобров{215}. Это был ФВ-189, корректирующий огонь немецкой артиллерии.

А теперь снова вернемся к писателю и журналисту Б.Н. Полевому. Точнее, к тому, как он попал в Прагу 9 мая 1945 г.

В белесой майской победной ночи буквально все содрогалось и сотрясалось от беспорядочной разнокалиберной стрельбы. Палили на радостях все. Под этот грохот Полевому позвонил дежурный с военного телеграфа и прочитал срочную депешу: «Из Сапфира в Аметист. Вручить немедленно корреспонденту «Правды» подполковнику Полевому. Подробно осветите освобождение Праги. Место не ограничиваем. Учтите,

корреспондент «Комсомолки» Крушинский едет в Прагу танками Лелюшеко. Генерал Галактионов». И вот он у маршала Конева:

«— Самолет, да?

— Иван Степанович, ей-богу, в последний раз.

— В последний раз, — теперь он откровенно смеется. — Так, значит, в последний раз? А ведь и верно, как я полагаю, вам больше не представится случай гробить штабные самолеты. Мне тут о ваших происках уже позвонили. Я отдал соответствующее распоряжение. — Крепко пожал руку своей сильной рукой. — Ну, летите. Только не суйтесь, куда не надо. Желаю удачи»[{216}].

В Прагу военкор «Правды» летел на У-2. С высоты птичьего полета, глазами писателя и журналиста, 9 мая 1945-го восставший город выглядел так: «И прекрасный город этот горит тут и там. Но пожаров, к счастью, немного. На первых же улицах видим национальные флаги. Видим толпы по-весеннему пестро одетых людей. Летчик на незначительной высоте описывает широкий круг над городом. Всюду толпы. Множество народу. Но кое-где улицы и целые районы пусты. Там баррикады, там бой. Особенно густо стреляют у трех мостов. Там огонь ведет артиллерия. Но наш самолет не трогают. По нему никто не стреляет, должно быть, не до нас, а может быть, мы для немцев незначительная цель»[{217}].

После посадки Борис Полевой оказывается в районном штабе повстанцев, от которых узнает: «Бои в центре, у заводов и у мостов. Особенно у мостов. Там немецкая артиллерия. И танки во дворах.

Командир штаба, сухонький пожилой человек, тоже в песочном комбинезоне, но в форменной фуражке с большой кокардой чехословацкой армии, знакомой мне по корпусу генерала Свободы, достает туристскую карту и умело изображает на ней обстановку: объекты борьбы, места сосредоточения эсэсовцев, их батареи, танки…»[{218}].

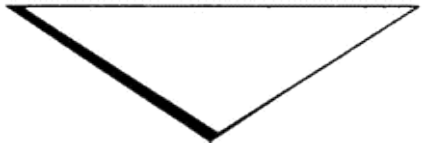
К тюрьме Панкрац военкор «Правды» добирается через час после посещения здания радиокомитета. Только что закончилась схватка с эсэсовцами, засевшими в ее здании. Капитан-танкист буквально вырывает у подполковника документы и с подозрительностью смотрит. «Впрочем, немудрено, — вспомнит Борис Полевой. — Нам уже многие говорили, что в Праге рассеялась какая-то власовская часть, одетая в нашу форму. Безобразничают. Чинят провокации. Убедившись, что мы это мы, капитан добреет и ведет нас в тюрьму».

Потом его довозят до стадиона, где их У-2 совершил посадку, и бережно вводят в бар «Чемпион». Летчик капитан Севастьянов уже спал

богатырским сном. Зато хозяин бара попросил что-нибудь написать на память на мраморной доске стола, ну, хотя бы засвидетельствовать, что самые первые военные русские гости были именно у него в баре: «— Напишите и поставьте дату. И день и час. На этом стадионе выступают лучшие спортсмены мира. Но самолет на нем никогда еще не приземлялся. Это ведь тоже рекорд.

На мраморном столике было уже изображено чернильным карандашом:

«Подтверждаю, что я приземлился за этим столом 9 мая 1945 г., в 7 часов 15 минут». И размашисто подпись: «Капитан А. Севастьянов». Думаю, что бы такое написать этим славным, гостеприимным ребятам, которые так тепло, так по-братски нас встретили. Но мысли разбегаются, как тараканы на свету. И не нашел я ничего лучше, как написать: “Сие подтверждаю. Подполковник Полевой”»[{219}].



Глава 12.
ПРО ПОСЛЕДНИЙ БОЙ И ВЛАСОВЦЕВ

Стремительный бросок Красной Армии от Берлина к Праге вынудил немецкие войска спешно покидать чешскую столицу. На расправу с восставшими пражанами времени не оставалось. Теперь нужно было позаботиться и о собственных жизнях. Среди таких оказалась и семитысячная группировка под командованием командующего войсками СС в Богемии и Моравии группенфюрером СС графом Карлом-Фридрихом фон Пюклер-Бургхаусом (1886—1945). Генерал-лейтенант войск СС (1.8.44), граф Пюклер-Бургхаус на службу в армию поступил в 1905 г. (лейтенант с 1907). Участвовал в Первой мировой войне. В 1918-м — ротмистр, награжденный за боевые отличия Железным крестом 1-го и 2-го класса. С декабря 1931-го в СА (бригаденфюрер СА с 1937-го). В 1940-м перешел в СС. В сентябре 1939-го призван на службу в вермахт, майор Генштаба. С декабря 2-й офицер генштаба в штабе 36-го высшего командования особого назначения. С января 1941-го 1-й офицер Генштаба в штабе 337-й пехотной дивизии. В декабре 41-го назначен постоянным заместителем высшего руководителя СС и полиции в Центральной России (Могилев). С января 1942 г. по март 1943 г. — исполняющий обязанности высшего руководителя СС и полиции в Центральной России. С сентября 42-го командующий войсками СС в протекторате Богемия и Моравия. В апреле 43-го назначен командиром литовской добровольческой дивизии СС (15-я гренадерская дивизия СС)[{220}]. Вот такой видный и заслуженный эсэсовец, которому терять уже было нечего, уходил к американцам. Вместе с ним находились остатки дивизий СС «Валленштейн» и «Дас Райх», а также некоторое количество беженцев немецкого происхождения и персонала нацистских административных учреждений Праги. Достигнув демаркационной линии, фон Пюклер вступил в переговоры с командованием 3-й армии США. А после отказа в возможной капитуляции, на холме возле деревни Сливице, организовал укрепленный лагерь. Используя сильно пересеченную местность, на границе зон эсэсовцы (за 10—11 мая) создали в нем систему окопов и пулеметных гнезд, закопали в землю оставшиеся орудия и танки. Заняли круговую оборону.

Первым в бой с группировкой фон Пюклера вступил партизанский отряд «Смерть фашизму!» под командованием капитана Е.А. Олесинского.

С его слов, ради спасения деревни и его жителей был задуман следующий план: взорвать мост рядом с деревней, заминировать отдельные участки и вынудить фон Пюклера уйти в открытое поле, сконцентрировать там всю технику. На помощь партизанам должны были подойти регулярные части Красной Армии{221}.

Утром 11 мая 2-й гвардейский механизированный корпус выдвинулся в направлении города Пршибрам, недалеко от которого и ощетинилась группировка фон Пюклера.

Когда на помощь партизанам подоспел 99-й отдельный мотоциклетный батальон, шедший в авангарде 2-го гвардейского мехкорпуса, бой только разгорался. В него стали втягиваться подходившие механизированные бригады и артиллерия. Как пишет А. Меленберг, «с рассветом 12 мая, подтянув за ночь всю артиллерию корпуса, наши открыли ураганный огонь. Реактивные установки «катюша» били, не переставая, до наступления темноты. Яки 112-го гвардейского истребительного авиаполка весь день висела над позициями противника. По словам ветерана-летчика, садились, только чтобы пополнить боекомплект, и снова взлетали. Ночью опять пошла в атаку пехота. Графа Пюклера нашли в его штабном окопе застрелившимся. Оставшиеся эсэсовцы также предпочли смерть плену, но дрались до последнего патрона, стреляя в уже победивших солдат»{222}.

Кстати, с ходу брошенные в атаку передовые части 2-го мехкорпуса также понесли потери. Но есть мнение, что они были бы больше, если бы атакующих не поддержали артогнем американцы. «Это был первый и единственный за войну случай тактического боевого взаимодействия союзников. Весь день 12.05 шел артобстрел немецких позиций. Снарядов уже не жалели. Весь день с интервалами на перезарядку работали “катюши”»{223}.

В этом крупном, но последнем бою Второй мировой войны погибли 56 советских солдат и 46 партизан (по чешским источникам). Последними советскими воинами, сложившими голову за освобождение Чехословакии, были рядовой 1927 г.р. ГЕЛМАНОВ МИХАНУС ГУМ и рядовой 1922 г.р. ГУСОВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ{224}.

Также известны и другие бои, связанные с преследованием отступающих немецких частей в Чехии, в которых принимала участие, как пехота, так и авиация. Например, вот что пишет сын ветерана войны Войтова Василия Изотовича:

«8 мая 1945 г. 291-я Гатчинская Краснознаменная, ордена Кутузова

стрелковая дивизия подошла к польско-чехословацкой границе в районе городов Хронов и На-ход. Города эти еще были заняты фашистами. А рано утром 9 мая стало известно, что Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Было приказано организовать прием пленных и уцелевшей немецкой техники. Для этой цели был создан специальный головной отряд, усиленный танками и артиллерией, которому была поставлена задача встретиться в г. Находе с представителями местной власти и немецким командованием.

Для точного установления расположения противника выслали вперед разведгруппу отца. При подходе к городу группу разведчиков неожиданно обстреляли фашисты из пулеметов и 4-х танковых орудий. Как позже выяснилось, немецкие части под командованием генерал-фельдмаршала Шернера (1892—1973) отказались признать капитуляцию и продолжали оказывать отчаянное и упорное сопротивление.

В ночь с 9 на 10 мая завязались ожесточенные бои, полк отца очищал от немцев города Находж, Чешескалица, Яромеж и Ратиборжицы. В этом деле им помогали местные жители. Отступавшие фашисты в упор расстреливали ликовавших чехов, выходивших на улицы с цветами и красными флагами встречать своих освободителей. Гибли и наши бойцы — “было до боли обидно, что головы свои они сложили уже после объявления об окончании войны…” Но, несмотря ни на что, к середине дня 10 мая города Находж, Хронов, Яромеж, Ратиборжицы были освобождены.

Отец рассказывал, что чехи не скрывали слез радости. За то, что наши войска при освобождении города не причинили ему ущерба и не допустили больших жертв со стороны его жителей, командиру дивизии генерал-майору В. Зайончковскому было присвоено звание “Почетный гражданин города Находж”»[{225}].

Герой России (1995) летчик-истребитель П.М. Бойков вспоминал о том, как летчики его 10-й авиационной дивизии встретили Победу под Прагой на аэродромах Глучин, Грабувка, Бенешов. Но потом бои продолжились: «Находившаяся восточнее Праги вражеская группа армий «Центр» оказалась в кольце. Теперь задача состояла в быстрейшем ее окружении. В связи с этим войска 4-го Украинского фронта продолжали выдвигаться в назначенные им районы и вместе с армиями двух других фронтов завершали ликвидацию окруженной группировки. (…)

За движением танковых, артиллерийских, автомобильных и пехотных колонн противника внимательно следило командование фронта. По данным авиационной разведки, группы бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей наносили удары по танкам и артиллерии, создавая на дорогах

пробки. Ввиду того, что встреч с воздушным противником не было, наши летчики-истребители совместно со штурмовиками бомбили и штурмовали живую силу и технику фашистов, а главное — подавляли зенитную артиллерию врага, препятствовавшую действиям штурмовиков. Попадая под удары нашей авиации, деморализованные гитлеровцы прекращали сопротивление, бросали орудия, танки, транспорт и сдавались в плен наземным войскам»[{226}].

Пришлось сдаваться в плен и власовцам. «Поздно вечером 9 мая, — пишет Артемьев В.П., — все еще на территории Чехословакии, дивизия пришла в район Ро-зенгал, Боильциц, Классойвиц, в 30 километрах юго-западнее Пршибрам. Танковые части 3-й американской армии находились уже в этом районе, но дивизия еще не встречалась с ними. Штаб дивизии расположился в деревне Хвождианы.

С утра 10 мая в расположении полков стали появляться американские танки. Американские офицеры требовали сдать оружие и отвести полки в указанные ими районы, где ожидать новых распоряжений. Командиры полков категорически отказались выполнить распоряжение американцев и заявили, что они не станут выполнять никакие распоряжения. Помимо своего командира дивизии. Американцы, не желая создавать конфликтов, уезжали, не вступая в споры. Полки же оставались на местах. Ожидая дальнейших событий в полной боевой готовности. После этого все вопросы стали разрешаться через штаб дивизии. В тот же день генерал Буняченко получил приказ от американского генерала разоружиться. Пришлось подчиниться безоговорочно. Части дивизии сдали оружие 10 и 11 мая»[{227}].

По свидетельству офицера-власовца, «американцы принимали РОА как сдавшихся в плен. На роту оставлялось по 10 винтовок. Офицеры, впрочем, оставались при оружии. Нам был дан срок в 36 часов, в течение которого в штаб 11-й дивизии должны прибыть девять наших офицеров для окончательной сдачи наших частей. В течение этих 36 часов американцы прекращают всякие военные действия против нас. Никакой гарантии о нашей дальнейшей судьбе дано не было: эта судьба будет решаться в Вашингтоне политиками…»[{228}].

Командующий РОА Власов с 8 по 11 мая пытался договориться с американцами в Пльзене о предоставлении власовцам политического убежища. 11 мая он «приехал в американский штаб и был помещен в замок Льнарж, возле Шлюссельбурга. В тот же день стало известно, что район, в котором была расположена дивизия, должен быть передан советским

войскам, прибытие которых ожидалось буквально с часу на час.

Генерал Буняченко попытался связаться с американским командованием, чтобы добиться права перехода дивизии на американскую территорию, где и ожидать разрешения вопроса о судьбе дивизии. Попытка эта не увенчалась успехом. Дивизия должна была оставаться на месте, на нейтральной, вернее, еще не занятой советскими войсками территории. Это взволновало людей — что же будет дальше? Появились признаки морального разложения, дисциплина падала»[{229}].

Под этим следует понимать то, о чем свидетельствует все тот же неизвестный офицер-власовец: «Переходное время было, в частности, использовано на добычу выпивки»[{230}].

11 мая советские танки показались вблизи деревни Хводжианы, где размещался штаб 1-й дивизии РОА. «Господам офицерам» РОА пришлось срочно перебираться в близлежащий лес. Первым, у кого не выдержали нервы, оказался второй полк. Он поднялся по тревоге, как свидетельствует Артемьев, и выдвинулся к Шлиссельбургу, к американцам. Однако те «отказали дивизии в переходе на свою территорию и выставили танковые заслоны. Советские войска на утро должны были занять этот район. Наступавшая ночь давала возможность выиграть время только до утра. Советские части ночевали в 3—5 километрах от линии американских войск, возле которой, на окраине Шлюссельбурга, в сомкнутых колоннах беспомощно стояли полки Первой дивизии. Генерал Буняченко и штаб дивизии находились здесь же. Связь с генералом Власовым была потеряна. Предполагали, что он уже с американцами, и это поддерживало дух. Попытки генерала Буняченко связаться с американским командованием, по-прежнему оставались безрезультатными. На настойчивые просьбы пропустить генерала Буняченко, через танковый заслон, для переговоров в американский штаб, ему сообщили, что переговоры назначены в 10 часов утра следующего дня»[{231}].

Буняченко еще надеялся выиграть время до 12 часов 12 мая, зато среди солдат его дивизии безвыходность положения стала очевидной. И у некоторых из них появилась последняя надежда, что добровольный переход обратно к своим, даст хоть какую-то надежду на снисхождение за измену родине. Как подчеркивает Артемьев, так думали многие: «Надо было искать выход, и, по мнению многих, лучше перейти добровольно сейчас, чем через несколько часов оказаться взятым силой и быть выданным американцами. И, многие пошли… Поодиночке, по два, группами отделялись люди в темноте от своих колонн и, взвалив на плечи свои

походные мешки, медленно, в полной подавленности и неуверенности направлялись в ту сторону, где находились советские войска»[{232}].

По данным чешского историка Ауски, в ту ночь на советскую сторону ушло не менее 3—4 тысяч власовцев. А в 10 часов утра Буняченко вместе с начальником штаба выехали к американцам. С ними встретился офицер, который заявил: «Генерал очень сочувствует вам и вашей дивизии… Он хорошо понимает создавшуюся для вас тяжелую обстановку, но, к сожалению, принять дивизию в американскую зону он не имеет права. Он сделал уже все, что мог, но большего сделать уже невозможно… — По союзному договору все вражеские части должны принадлежать тем армиям, на территории которых они находятся. Дивизия же находится на территории, принадлежащей советской армии…

У вас еще много времени, — пояснил он. — Вы имеете возможность спасти своих людей, если распустите свои части и все будут пробираться на Запад небольшими неорганизованными группами, без оружия и в разные стороны. Для неорганизованного передвижения через демаркационную линию — запрета нет…»[{233}].

Потом был разговор с Власовым, продолжавшийся не более 15 минут. Командующий РОА одобрил решение распустить дивизию, а прощаясь, заявил: «Надежды — бесполезны!»

Когда к 12 часам к Шлиссельбургу подошли советские танки, офицеры РОА были уже без погон. Буняченко находился в полном отчаянии. И виновато простившись с командирами полков, выехал в американскую зону. А 15 мая его и начальника штаба дивизии Николаева американские патрули передадут командованию 25-го танкового корпуса Красной Армии.

Командир первого полка А.Д. Архипов выдачи советским властям избежал.

Командир второго полка В.П. Артемьев умудрился бежать за линию демаркации и также избежал выдачи.

Командир третьего полка Г.П. Александров (Рябцев) после роспуска дивизии застрелился.

Командир четвертого полка И.К. Сахаров насильственной репатриации избежал.

Командир пятого (запасного) полка П.К. Максаков после роспуска дивизии захвачен опергруппой СМЕРШ.

Командир артиллерийского полка В.Т. Жуковский после роспуска дивизии добровольно сдался представителям СМЕРШ.

Командир полка снабжения Я.И. Герасимчук после роспуска дивизии

застрелился.

Что же касается остальных власовцев (25 тысяч: армейский штаб, офицерский резерв, офицерская школа, 2-я дивизия РОА, запасная бригада, батальон охраны, строительный батальон и другие подразделения) то, в это время они находились под американцами в Кладенске Ровне — Фридберге, как военнопленные. После 26 мая 1945 г. в Баварии (Ландау). Позже начнется их выдача Советскому Союзу{234}.

Наступил черед Власова. Как пишет Александров, «На рассвете 12 мая приказал Буняченко распустить дивизию и переходить в американскую зону мелкими группами. В колонне из 7 автомашин отправился в Пльзень в сопровождении американцев на переговоры с командованием 3-й американской армией. Через 3 км колонна была остановлена группой автоматчиков отдельного мотострелкового батальона 162-й танковой бригады во главе с капитаном М.И. Якушовым. На машину Власова указал капитан ВС КОНР П.Н. Кучинский, после чего В. и переводчик обер-лейтенант В.А. Весслер оказались арестованы и доставлены в советскую зону, в штаб 25-го танкового корпуса. В 20.15. В. написал свой последний приказ остаткам 1-й дивизии ВС КОНР. Через некоторое время доставлен в Москву»{235}.

Как известно, дело адвоката защищать, с чем успешно и справляется историк Александров. Однако если мы пытаемся разбираться в вопросах истории, то это несколько другая сфера, абсолютно не нуждающаяся в защите. В ней важна правда.

Так вот, мы же прекрасно помним, что Власов попрощался с Буняченко, одобрив решение распустить дивизию, а в конце заявил: «Надежды — бесполезны». Выходит, что он сам уже ни во что не верил, и речь теперь шла только о спасении собственной шкуры. Таким образом, Власов отправился не на переговоры, а в американскую зону, дабы успеть там скрыться. Но ему не удалось.

О том, как произошло пленение Власова достаточно подробно изложено в секретной справке начальника 4-го отдела (работа на стороне противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной Армии) ГУКР СМЕРШ НКО СССР генерал-майора Г.В. Утехина (1906—1987): «Командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Конев и члены Военного совета фронта Крайнюков и Петров № 13857/ш от 15.5.45 г. донесли Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза тов. Сталину следующие обстоятельства захвата изменника Родины Власова.

12.5 с/г командир мотострелкового б-на 162 т. бр. 25 т.к. капитан Якушов Михаил Иванович получил приказ командира бригады полковника Мищенко задержать части власовской дивизии генерала Буняченко, которые, по данным разведки, находились в районе Катовицы, в 40 км ю-в г. Пильзен и стремились выйти в расположение американских войск.

Выполняя это задание, капитан Якушов привлек на свою сторону командира б-на капитана Кучинского Петра Николаевича. Кучинский указал, где находился штаб Буняченко, и предупредил, что там Власов.

Вместе с Кучинским (…) капитан Якушов обогнал штаб Буняченко, поставил поперек дороги машину, задержал движение этого штаба и быстро один отыскал машину, в которой был Власов, накрытый одеялом.

Власов сопротивлялся и пытался из машины уйти, но с помощью его же шофера Комзолова Ильи Никитовича был водворен в машину, и на ней Власова вывезли из общей колонны.

Основным и непосредственным исполнителем захвата Власова был командир батальона 162 т.бр. 25 т.к. капитан Якушов.

По представлению командира 162 бр. и командира 25 т.к. содействовали оперуполномоченный отдела Смерш 1/62 т. бр. ст. лейтенант Игнашкин Илья Петрович и начальник отдела Смерш 162 т. бр. майор Виноградов Пахом Тимофеевич.

Вся работа по ликвидации и пленению власовцев проводилась под личным руководством командира 162 т. бр. полковника Мищенко. Общее руководство по ликвидации власовцев в расположении 25 т.к. осуществлял командир 25 т.к. генерал-майор Фоминых.

Из власовцев пленению Власова особо активно содействовал капитан Кучинский и помогал шофер Кучинского — Довгас Александр, шофер машины Власова — Комзолов. Комзолов и Довгас находятся в 25 т.к., а Кучинский вместе с колонной сдавшихся власовцев из расположения 25 т.к. убыл, и место его нахождения уточняется.

Тов. Конев просит наградить:

1) Якушова Михаила Ивановича,

2) ст. лейтенанта Игнашкина Илью Петровича,

3) майора Виноградова Пахома Тимофеевича,

4) полковника Мищенко Ивана Петровича,

5) генерал-майора танковых войск Фоминых Е.И. (…)[{236}].

Интересен рассказ о пленении Власова и самого непосредственного его участника капитана Якушова, который записал П. Аптекарь: «Утром 15 мая 1945 г. я — командир батальона автоматчиков 162-й танковой бригады — выехал на разведку в зону, контролировавшуюся на тот момент

американскими войсками. Дело происходило в Чехословакии, недалеко от деревни Брежи. В американской зоне сосредоточились крупные силы власовцев, и всю предыдущую ночь наш командир бригады полковник Мищенко вел с ними безрезультатные переговоры о сдаче.

Американцы тогда относились к нам хорошо, нашу машину пропустили без особых расспросов. Проезжая мимо леса, я заметил группу людей в немецкой форме. Несмотря на предостережения моего шофера Андреева, подошел к ним. Со мной заговорил офицер, оказавшийся командиром батальона 1-й дивизии власовцев капитаном Кучинским. Я стал агитировать его не сдаваться американцам, а переходить на нашу сторону.

После короткого совещания со своими офицерами Кучинский построил батальон и приказал двигаться на территорию, занятую Красной Армией. Чуть позже мы узнали, что вслед для сдачи в плен двинулись артиллерийский полк и саперный батальон той же дивизии. Тем временем мы с Кучинским заметили небольшую колонну легковых автомашин, двигавшихся на запад в сопровождении двух американских «виллисов». Я спросил: кто это? Кучинский ответил, что это штаб дивизии.

Обогнать колонну мы смогли лишь минут через сорок: у власовцев машины были помощнее наших. Развернулись поперек дороги и вынудили их остановиться. Из одной машины вылез печально известный генерал Буняченко, командир 1-й дивизии власовцев. Увидев Кучинского, обложил его матом и сказал: «Подлец, уже переметнулся…»

Кучинский подсказал мне, что вместе со штабом 1-й дивизии часто ездит сам генерал Власов. Я несколько раз прошелся вдоль колонны, агитируя водителей ехать сдаваться Красной Армии. Один из них посоветовал обратить внимание на громадную черную «шкоду». Подойдя к ней, я увидел в салоне, не считая водителя, одну женщину и двух мужчин. Про женщину я позднее узнал, что она была «фронтовой женой» генерала Власова, а мужчины оказались начальником контрразведки 1-й дивизии власовцев Михальчуком и личным переводчиком Власова Ресслером.

Я открыл заднюю боковую дверь и вывел переводчика из машины, намереваясь осмотреть салон. В этот момент из-под груды одеял высунулся человек в очках, без погон. На вопрос, кто он такой, ответил: «Генерал Власов». От неожиданности я обратился к нему «товарищ генерал», хотя какой он товарищ…

Власов тоже явно оторопел. Однако вскоре пришел в себя, вылез из автомобиля и, игнорируя меня, направился к американцам — просить их связаться по рации со штабом армии. Вскоре к нашей колонне подъехал

еще один «виллис», где сидели американские офицеры. Я сказал им то же самое, что сказал бы и сейчас кому угодно: генерал Власов нарушил воинскую присягу, поэтому он должен предстать перед нашим судом.

На мое счастье, американцы оказались общевойсковыми офицерами, а не офицерами контрразведки — иначе история могла бы получить совсем иное развитие. Видя, что со стороны американцев сопротивления не будет, я сделал вид, что еду вместе с Власовым назад — в штаб американской дивизии. Сев позади Власова в его «шкоду», я приказал водителю разворачиваться и гнать вперед. Пока разворачивались остальные машины колонны, мы успели отъехать довольно далеко.

Власов пытался приказывать водителю, куда ехать, но водитель, смекнув что к чему, уже его не слушал. Генерал почувствовал неладное и на берегу красивого озера, где машина немного сбавила скорость, попытался выпрыгнуть на ходу. Однако я успел схватить его за воротник и, приставив пистолет к виску, сказал: «Еще одно движение — и я вас застрелю». После этого он вел себя спокойно.

Двигаясь без карты, мы вскоре заблудились. К счастью, наткнулись на американский пост. Долго не могли понять друг друга: так получилось, что рядом не было ни одного переводчика. В конце концов начальник поста нашел солдата, поляка по происхождению, от которого мы не без труда узнали, где находятся части Красной Армии… В 8 часов вечера я сдал Власова командиру 25-го танкового корпуса генерал-майору Фоминых. Больше я Власова не видел.

Насколько мне известно, Кучинского и двух помогавших нам шоферов-власовцев (Довгаса и Комзолова) позднее освободили от уголовной ответственности и даже наградили орденами Отечественной войны. Мне вручили орден Суворова второй степени. Тем же орденом наградили наших командиров бригады и корпуса. Кроме того, награды получили начальник контрразведки «Смерш» и оперуполномоченный, которых при задержании Власова и близко не было»[{237}].

Таким образом, Власов драпал в американскую зону вместе с Буняченко, Николаевым и другими офицерами РОА из своего окружения и штаба первой дивизии. Он бросил своих солдат и офицеров на произвол судьбы, до последнего уверовав их в спасение. Теперь они были не нужны ни ему, ни Буняченко, ни тем более другим. Ведь речь шла, как мы уже говорили, о собственной жизни или, точнее сказать, шкуре. Причем характерным почерком Власова, в таких случаях, всегда было наличие женщины.

И еще один любопытный момент. В этой колонне с Власовым

находился его личный адъютант капитан РОА Р.Л. Антонов. Когда его шефа захватили, он, как и остальные верные и преданные соратники Андрея Андреевича по «освободительной борьбе», «приказал шоферу развернуть машину и скрылся по направлению к Льнарже. В ночь с 12 на 13 мая вместе с несколькими другими власовцами был вывезен капитаном армии США Р.Е. Донахью на 30 км вглубь американской оккупационной зоны и освобожден. После войны жил замкнуто, никаких интервью и воспоминаний не оставил, избегал всяческих контактов с уцелевшими власовцами и участия в послевоенных власовских организациях»[{238}].

Потому господин Антонов и жил замкнуто, что был обыкновенным трусом, предавшим в трудный момент своего командующего, как до этого свою родину.

Нетрудно заметить, что все эти «герои» не смогли найти в себе мужества поступить по-офицерски и застрелиться, как это сделали командир 3-го полка Александров (Рябцев) и командир полка снабжения Герасимчук…

«УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденами генералов, офицеров и рядового состава Красной Армии.

За успешное выполнение особого задания командования на фронте наградить:

ОРДЕНОМ СУВОРОВА II СТЕПЕНИ
1. Майора ВИНОГРАДОВА Пахома Тимофеевича.
2. Старшего лейтенанта ИГНАШКИНА Илью Петровича.
3. Полковника МИЩЕНКО Ивана Петровича.
4. Генерал-майора танковых войск ФОМИНЫХ Евгения Ивановича.
5. Капитана ЯКУШОВА Михаила Ивановича.

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ
Капитана КУЧИНСКОГО Петра Николаевича.

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ II СТЕПЕНИ
1. ДОВГАСА Александра Степановича.
2. КОМЗОЛОВА Илью Никитовича.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР — М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР — А. ГОРКИН.
Москва. Кремль
19 июня 1945 г.
Д. № 255/388»[{239}].

До сих пор бытует мнение о том, что капитан Якушов пленил Власова в одиночку и никакие контрразведчики к этому делу причастны не были. Сам Якушов в своем рассказе подчеркнул: «Кроме того, награды получили начальник контрразведки «Смерш» и оперуполномоченный, которых при задержании Власова и близко не было». Однако с этими утверждениями стоит не согласиться. Во-первых, в справке генерала Утехина указано точно: основной непосредственный исполнитель захвата — командир батальона Якушов. Ему особо активно содействовал капитан Кучинский. Помогали шофер машины Кучинского — Довгас и шофер машины Власова — Комзолов. Понятное дело, что руководил пленением власовцев командир танковой бригады Мищенко, а общее руководство осуществлял генерал Фоминых. Во-вторых, начальник отдела «Смерш» по работе на стороне противника, не случайно указал сотрудников отдела «Смерш» все той же танковой бригады, которые «содействовали». Но ведь интересно, как они содействовали?

Как вспоминал командир группы «Ураган» П.С. Савельев, когда остатки РОА двинулись к американцам, работавший на Савельева офицер штаба направил в лес связного, сообщить о бегстве генерала: «— Но нас там не оказалось, — объяснил Петр Степанович. — Отряд сменил базу. Тогда этот человек рванул навстречу нашим войскам, где попал к контрразведчикам, которые и разработали операцию. И знаете, что интересно, — это мне майор рассказал, который при задержании обыскивал Власова, — у него в галифе были зашиты удостоверение личности, подписанное Ворошиловым, и партийный билет»[{240}].

К слову сказать, майор Виноградов П.Т. (1914) родом из Смоленска, воевал с 1941-го, оперуполномоченным ОО НКВД, лейтенантом ГБ, на Закавказском фронте, Московском фронте ПВО, Воронежском фронте и Юго-Западном. Имел два ранения и одну контузию. Был награжден медалью «За отвагу» и орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени. Оперуполномоченный старший лейтенант Игнашкин Илья Петрович (1920) был родом из Хабаровского края. Сотрудник молодой. По

всей видимости, в «Смерш» попал из армии. О нем известно очень мало. Но то, что оба этих сотрудника действительно «содействовали» захвату Власова, сомневаться не приходится. У них была своя работа, о которой никто не собирался распространяться. Поэтому многим и теперь кажется, что они попали в список награжденных «случайно». Это не так.

По делу Власова Кучинский будет проходить свидетелем. Вот его показания, данные им в декабре 1945 г.: «…Я продолжительное время служил в так называемой Русской освободительной армии, сформированной Власовым при помощи германского военного командования из числа бывших военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену у немцев, и изменников Родины. Эта РОА, командующим которой немцами был назначен изменник Советской Родины Власов, предназначалась и вела совместно с германскими войсками вооруженную борьбу против Красной Армии. Я, в составе РОА, находился в первой ее русской дивизии в должности командира батальона 3-го стрелкового полка, звание имел капитана…

Незадолго до капитуляции Германии командовавший РОА бывший генерал Власов созвал весь командный состав первой русской дивизии, где присутствовал и я, и всем нам объявил, что он на сторону Красной Армии переходить не собирается и со своим штабом ведет переговоры с командованием американской армии о переводе на сторону последней всех частей РОА. 10 мая 1945 г. первая русская дивизия РОА перешла на сторону американской армии, сосредоточилась у д. Розенталь (Чехия) и разоружилась, а 11 мая 1945 г., когда поступил приказ Власова углубиться на территорию, занятую американскими войсками, стала выходить на марш…

К этому времени к месту сосредоточения дивизии прибыли представители от советских частей и стали предлагать нам — командирам РОА — переводить свои части и подразделения на сторону Красной Армии. Я, повстречавшись с командиром батальона автоматчиков капитаном Якушевым и переговорив с ним об этом, отдал приказ своему батальону следовать на сторону Красной Армии, а сам с Якушевым занялся переводом на сторону советских войск других подразделений и своего полка первой дивизии РОА.

Когда это было сделано и части дивизии РОА стали в большинстве своем двигаться в сторону Красной Армии, мы с капитаном Якушевым приехали в расположение штаба 162-й танковой бригады доложить о проделанной работе… Поскольку я был одет в одежду немецкого офицера, майор контрразведки Виноградов, узнав, кто я такой, дал мне задание —

разыскать, задержать и доставить ему командира первой русской дивизии РОА. Одновременно он, майор Виноградов, попросил меня постараться узнать местопребывание командующего РОА Власова. Я, согласившись с этим, с капитаном Якушевым на автомашине выехал выполнять задание на территорию, занятую американскими войсками.

На одной из развилок нас задержали американские солдаты-танкисты и дальше вглубь своей территории не пустили. Пока мы с ними на ломаном немецком языке объяснялись, мимо нас вглубь американской территории проследовала танкетка, а вслед за нею — семь легковых автомашин, в числе которых мною была опознана автомашина командира первой русской дивизии РОА…

Увидев это, я вопреки протестам американских солдат-танкистов, не пускавших нас вглубь территории своих войск, вместе с капитаном Якушевым поехал догонять американскую танкетку. Догнав ее и выскочив вперед, я свою машину развернул и поставил поперек дороги, в результате чего танкетка и следовавшие за ней машины остановились.

Просмотрев эти машины, мы с Якушевым обнаружили в них все командование первой дивизии РОА и в одной из машин закрытого (замаскированного) одеялами и плащ-палатками командующего РОА Власова, в одной машине с которым находился и его первый адъютант Антонов. Вначале мы всех указанных лиц высадили, а потом, закончив просмотр машин и развернувшись, стали следовать в составе всех семи автомашин на сторону войск Красной Армии»[{241}].

Петр Николаевич Кучинский родился в деревне Долгое Старобинского уезда Минской губернии. Русский. Из крестьян. В 1924-м поступил в Минскую военную школу, после окончания которой проходил службу в 81-м стрелковом полку 127-й стрелковой дивизии командиром взвода, помощником командира роты, начальником отделения штаба дивизии. В 1932-м переведен во 2-й дивизион бронепоездов, но вскоре уволен в запас. Поселился в Москве. А в 1939-м его снова призвали в ряды Красной Армии. Старший лейтенант Кучинский был назначен старшим адъютантом батальона 664-го стрелкового полка 130-й стрелковой дивизии. Затем он помощник начальника штаба полка, а в 1941-м в звании капитана — командир отдельного батальона снабжения Юго-Западного фронта.

Воевал под Киевом, а потом 48 суток выходил из окружения с остатками батальона по немецким тылам. До Москвы не дошел совсем немного. 7 ноября 1941 г., когда в столице проходил парад, под Наро-Фоминском капитана Кучинского взяли в плен. А дальше лагеря для военнопленных: Малый Ярославец, Медынь, Юхнов, Рославль, Кричев,

Могилев и Полоцк. Пройдя через все круги лагерного ада, он не выдержал и согласился вступить на службу в РОА. Ведь он думал, что в первом же бою перебежит к своим, но этого не произошло.

С 13 мая 1945 г. он проходил спецпроверку при УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта. 19 июня 1945-го награжден боевым орденом. 2 сентября направлен для прохождения дальнейшей службы в 28-й запасной стрелковый полк 12-й стрелковой дивизии в Алкино. В конце декабря направлен в Москву в ГУКР «Смерш». До весны 1946 г. находился в 7-м отделении ПФЛ № 174, где написал письмо Сталину: «…Считаю себя виновным в том, что, боясь голодной смерти в плену, нарушил присягу, а по-большевистски храбро не умер в плену, как до конца не вынес всех невзгод и лишений голодного плена, что не осуществил мечты перехода на сторону Красной Армии ранее.

Одновременно прошу принять во внимание мою заслугу перед Родиной в том, что, осуществляя мечту перехода на сторону Красной Армии, принял все меры к задержанию Власова А.А., тем самым не дал ему возможности остаться за границей безнаказанным за совершение преступления в измене Родине и погубившего много русских военнопленных, втянув их на петле голода в организуемую им банду в корыстных целях.

Прошу разобрать мой вопрос по всем правилам существующих законоположений и дать мне возможность свободным, честным и продолжительным трудом со всеми своими умениями и способностями искупить свою вину перед Родиной. Буду работать там, где буду полезен и где мне будет указано…{242}.

И его освободили, выслав в Тульскую область.

Находясь в ссылке, Петр Николаевич, несмотря на клеймо предателя и жестоко исковерканную войной жизнь, смог стать хорошим педагогом, а затем и директором школы. Говорят, к нему из Москвы тогда приехали только дочери. Жена, ничего не знавшая о его судьбе, вышла за другого. Отвернулись и прошлые друзья. Но он выжил.

После захвата Власов подписал свой последний приказ еще в качестве командующего РОА:

«12 мая 1945 г. 20.15.

Я нахожусь при командире 25-го танкового корпуса генерале Фоминых. Всем моим солдатам и офицерам, которые верят в меня, приказываю немедленно переходить на сторону Красной Армии.

Военнослужащим 1-й Русской дивизии генерал-майора Буняченко, находящимся в расположении танковой бригады полковника Мищенко,

немедленно перейти в его распоряжение.

Всем гарантируется жизнь и возвращение на Родину без репрессий.

Генерал-лейтенант ВЛАСОВ»{243}.

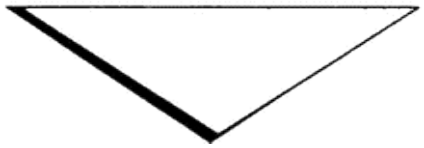
И только ночью 13 мая 1945 г. в 2 часа 45 минут из штаба 1-го Украинского фронта Сталину будет отправлено срочное донесение (Молния. Шифртелеграмма № 13682), подписанное Коневым, Крайнюковым и Петровым:

«13 мая войсками т. Пухова захвачен изменник ВЛАСОВ, который сейчас находится отделе «Смерш» 13 армии»{244}.

А 15 мая в журнале боевых действий 25-го танкового корпуса появилась следующая запись: «В результате пленения Власова 13 и 14.5.45 разоружена 1-я власовская дивизия в количестве 11.000 человек.

Взято танков — 5, СУ — 5, бронетранспортеров — 2, бронемашин — 3, легковых машин — 38, автомашин грузовых — 64, лошадей — 1378»{245}.

В эти дни температура воздуха достигала плюс 24— 29 градусов. Ближе к вечеру, местами, шли кратковременные дожди и отмечался неустойчивый ветер 2—5 м/с.



Глава 13.
ПОТЕРИ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ

В ходе уличных боев 5—9 мая 1945 г. в Праге погибло 1500 чешских повстанцев, 300 солдат 1-й дивизии РОА, 30 солдат Советской армии, 1000 солдат вермахта и СС, 4000 мирных жителя. В боях на подступах к Праге погибло 662 советских военнослужащих{246}.

Всего же в ходе Пражской стратегической наступательной операции (6—11 мая 1945 г.) соединения и части Красной Армии потеряли 49 348 солдат и офицеров, в том числе безвозвратно 11 265 (санитарные потери — 38 083). Кроме того, в этой операции потери 2-й армии Войска Польского составили 887 чел. (безвозвратно — 300), 1-й и 4-й румынских армий — 1730 чел. (безвозвратно — 320) и 1-го Чехословацкого армейского корпуса — 533 чел. (безвозвратно — 112). Если же говорить о цене освободительной миссии Советской армии в Чехословакии в целом, то эта цифра составляет — 551 432 солдат и офицеров, в том числе безвозвратные потери — 139 918{247}.

Когда-то, в книге «Проклятые легионы» автор написал: «Безвозвратные потери советских войск в Чехословакии составили 139 918 человек, в том числе 122 392 было убито и умерло от ран и болезней.

В 1993 г. 6 мая на Ольшанском кладбище в Праге над пустым холмом, где лежали триста павших в бою солдат и офицеров армии Власова, был водружен темный деревянный крест…

А теперь судите сами, кто освободил Прагу?»{248}.

В очередной раз, разоблачая Смыслова, Александров пишет: «Но главное «открытие» Смыслова носит почти сенсационный характер: отныне общие потери советских войск в Чехословакии и следует считать потерями, понесенными при «освобождении» Праги 9 мая 1945 г.»{249}. При этом Александров вновь грешит «отсебятиной». Но, с другой стороны, что сказал автор не так? Получается, что освобождение Чехословакии и освобождение Праги никаким образом между собой не связаны. То есть абсолютно напрасно сражались советские соединения и части, партизаны и диверсионные группы на территории Словакии и Чехии с 1944 г. Напрасно проливали кровь советские солдаты и офицеры, спеша на помощь пражанам в 1945-м. По Александрову, Чехию освобождали отдельно от Праги, а Прагу отдельно от Чехии. И хотя он напрямую не говорит о том,

что власовцы освободили Прагу, однако «вклад» 1-й дивизии РОА в ее освобождение он считает фактом историческим. На этом Александров стоит и стоять будет… А иначе, как ему писать про своих «героев», если они ничего героического не совершили?

Ольшанских кладбищ два. Одно католическое, а второе православное. На них можно попасть, отправившись от виллы «Терезы» по направлению к окраине. Само название кладбища напоминает о старом поселении Ольшаны, известном еще с XIV века. В 1697 г. владельцы имения продали городу часть своих земель, чтобы захоронить здесь умерших от чумы. А в 1787 г. пригородное Ольшанское кладбище, по решению городских властей, стало центральным для всей правобережной части Праги.

Православный участок был выделен городскими властями в 1905 г. В следующем году сюда перенесли с упраздненного Карлинского военного кладбища останки 45 русских офицеров, умерших от ран после сражения под Дрезденом и Кульмом в Праге летом 1813 г.

На этом же кладбище установлен надгробный камень и власовцам, на котором написано, что «здесь лежит неизвестных только 187 воинов Русской освободительной армии, которые погибли или были захвачены в плен и расстреляны в 1945 году». Там же лежат останки двух генералов: Боярского и Шаповалова. А еще майора вермахта Карла-Людвига Оттендорфа.

Все в той же православной части находится мемориал в честь советских воинов-освободителей: их лежит здесь около 500, прах многих перенесен из окрестных городов{250}.

Среди них Герой Советского Союза генерал-майор М.Е. Козырь. Будучи заместителем командира 50-го стрелкового корпуса, он погиб 8 мая 1945 г. Машина генерала попала под пулеметный обстрел в 12 километрах от города Брно{251}.

Герой Советского Союза гвардии майор А.М. Ватагин был заместителем командира по строевой части 238-го гвардейского стрелкового полка 81-й гвардейской стрелковой дивизии. 30 апреля 1945-го он погиб на подступах к Праге{252}.

Герой Советского Союза старшина Джунусов М. погиб в одном из боев за освобождение Чехословакии 9 апреля 1945 г.{253}.

Полковник Л.Ф. Станиславский убит 11 мая 1945-го{254}, а заместитель командира дивизии полковник А.Е. Шаповалов умер от ран 29 апреля 1945 г.{255}.

Гвардии майор медицинской службы 70-й гвардейской стрелковой

дивизии Г.А. Большаков умер от ран 12 мая 1945 г.{256}.

Гвардии капитан Н.А.Агафонов погиб 9 мая 1945 г.{257}.

Гвардии старший лейтенант П.Ф. Фролов был офицером связи штаба 54-й гвардейской танковой бригады. Убит 10 мая 1945-го восточнее города Праги{258}.

Гвардии лейтенант А.Т. Зражевский был командиром взвода разведки 69-й механизированной бригады. Убит 9 мая 1945 г. в Праге{259}.

Лейтенант А.Г. Шерстнев был зампотехом танковой роты 69-й механизированной бригады. Убит 9 мая 1945 г. в Праге{260}.

Гвардии старшина А.П. Гришаев был наводчиком ИСУ-122 383-го тяжелого самоходного артиллерийского полка. Погиб 9 мая 1945 г. в Праге. А на следующий день будет подписан приказ о его награждении медалью «За отвагу»: «За проявленные мужество и отвагу в уличных боях за город Берлин»{261}.

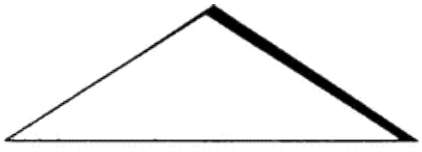
Как мы знаем, в боях за Чехословакию погибали и летчики. И это при том, что господство в воздухе безраздельно принадлежало советской авиации. Однако, непрерывно находясь над полем боя, уничтожая опорные пункты и узлы сопротивления противника, подавляя огонь полевой и зенитной артиллерии, они умирали в самые последние дни войны за освобождение Чехословакии, за освобождение Праги.

Например, гвардии младший лейтенант Г.Е. Куценко — старший летчик 31-го гвардейского истребительного авиационного полка — не вернулся с боевого задания в районе Брно 2 мая 1945 г.{262}.

Младший лейтенант В.С. Кашутин — летчик 486-го истребительного авиационного полка — был сбит в воздушном бою с противником 24 апреля 1945-го{263}.

Гвардии старший лейтенант В.П. Емельянов — командир звена 73-го гвардейского истребительного авиационного полка погиб при выполнении боевого задания 22 апреля 1945-го{264}.

Все они погибли за освобождение одного из последних регионов Европы, освобожденной весной 1945 г. от фашизма. И верх цинизма называть их потери «сенсацией», потому что на земле и в небе Чехословакии бои шли ежедневно. Ежедневно солдаты и офицеры Красной Армии отдавали свои жизни на алтарь Победы. Это факт, который не будет, опровергнут никогда и никем, ибо слишком дорогую цену заплатили за нее наши деды, которые вне зависимости от национальности были прежде всего русскими солдатами-освободителями.



Глава 14.
КТО ОСВОБОДИЛ ПРАГУ?

Прежде чем ответить на этот «вопрос», давайте предельно внимательно ознакомимся со значением слова «освобождать». Например, в словаре Даля черным по белому написано: «освободить узника… Народ освобожден от чужого владычества, от ига, гнета… Освободить кого, от чего, отрешать, сымать обязанность… освободитель (ница), освободивший кого, давший кому свободу…[{265}].

А теперь перейдем к аргументам и выводам историков.

С.А. Ауски:

«К ВОПРОСУ: КТО ОСВОБОДИЛ ПРАГУ?»

«Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо снова привести ряд реальных фактов, которые были подробно проанализированы в предшествующих главах. Восстание не было подготовленным, а когда 5 мая оно вспыхнуло, то отсутствовала как политическая, так и военная организованность, способная активно включиться в ход событий, а также способная предотвратить отрицательные явления, главным образом, жестокое поведение по отношению к немецким пленным и гражданскому немецкому населению.

Уже в первый день военные действия приобрели такие размеры, что немецкая армия утратила контроль над городом.

Еще 7 мая никто в Праге не мог с уверенностью сказать, какая из союзных армий займет город.

1-я дивизия РОА не включилась в пражские бои неожиданно. Ее участие было результатом переговоров с военным командованием, которое знало, что вмешательство регулярной армии является абсолютно необходимым, иначе восстание будет потоплено в крови. До 7 мая части 1-й дивизии удерживали под контролем западную часть города, в которой все еще имелись сильные островки немецкой обороны в районах Страгова, Градчан и Дейвиц. На восточном берегу части РОА установили контроль над средней частью города, от линии Мост Ирасека—Виноградy—

Страшнице, в направлении на юг.

Главная заслуга дивизии РОА состоит в том, что в критическое время она разделила город на две части — северную и южную… — благодаря чему в продолжение своей активности в городе, воспрепятствовала соединению внепражских вооруженных частей. Без участия дивизии в Пражском восстании, западная часть города, определенно была бы занята уже 6 мая, а само восстание, наверное, было бы задушено на следующий день. Если бы дивизия не покинула город в ночь с 7 на 8 мая вследствие расхождений с ЧНС, то 4-й и, главное 3-й, полки в течение 8 мая установили бы контроль над большей частью северного района города и оба полка, безусловно, принудили бы части СС, наступающие с севера и востока, обойти Прагу с востока и отступить на юг. Одновременно необходимо признать, что продвижение 1-й дивизии к Праге с запада имело в некоторой степени и отрицательное воздействие на положение дел в Праге. Она, таким образом, принудила большинство немецких частей, преимущественно армии, вести бои непосредственно в самом городе, отрезав им пути отступления на запад. Капитуляция немецких частей 8 мая произошла уже после того, как натиск 1-й дивизии в Праге прекратился, т.к. она Прагу покинула, путь отступления на запад открылся, а угроза прихода Красной Армии уже стала непосредственной.

С того момента, как части РОА покинули восточный берег реки Влтавы, повстанцы самостоятельно несли на себе всю тяжесть боев вплоть до самого конца восстания со значительными территориальными потерями.

Главным фактором успеха восстания был момент неожиданного захвата врасплох как со стороны восставших, так и со стороны 1-й дивизии, которая включилась в бои в самое критическое время.

К ЭТОМУ ЕЩЕ НЕОБХОДИМО ДОБАВИТЬ:

а) 1-я дивизия никогда не занимала полностью всю Прагу (я избегаю пользоваться выражением «освободила», т.к. освобождение является положением, вытекающим из успешного окончания военных действий, потому что для осуществления этого у нее не было достаточно времени). Трезво рассуждая, у нее не было даже достаточно возможностей для проведения столь обширного действия. Мне также неизвестен любой другой случай, чтобы контроль над миллионным городом, занятым армией, был бы достигнут в течение двух дней при помощи одной дивизии и революционных частей.

б) Если условия позволили бы, то Пражское восстание наконец смогло бы с помощью 1-й дивизии, взять контроль над занятой частью города, независимо от того, капитулировал бы немецкий гарнизон или нет, но

конечно, лишь при условии невмешательства отступающих частей армейской группы «Центр». Если они действительно отступали бы, то восстание не могло бы произойти или оно было бы жестоко подавлено в самом начале. 1-я дивизия должна была бы с первых дней мая соблюдать всеобщее направление отступления в Крушни Горы. Иное направление, при условии действительного всеобщего отступления армейской группы «Центр», не было бы возможным.

в) Без какого-либо сомнения, необходимо констатировать, что главную тяжесть боев несли на себе революционные части Пражского восстания, но оно вряд ли смогло бы удержаться без вмешательства 1-й дивизии.

г) Суммируя все вышеприведенные факты, в заключение следует сказать, что Прага, собственно, никем не была освобождена. 8-го мая, после ухода 1-й дивизии из Праги и при одновременном вступлении в нее со всех сторон внепражских немецких частей, большая часть города снова была занята немецкими вооруженными частями. Когда в тот же день вечером они прекратили бои и постепенно отошли, то за малым исключением не оставалось уже никого, от кого нужно было бы освобождать город.

Любые иные рассуждения противоречат реальности событий, происшедших в майские дни 1945 г.

Вторая мировая война закончилась окружением 11 мая 1945 г. армейской группы «Центр» фельдмаршала Шернера в районах Лиса-на-Лабе, Иичин, Горжице, Пардубице, Хрудим, Хотеборж и Колин, когда эта армия все еще насчитывала 860 000 бойцов.

Пражская операция Красной Армии была лишь составной частью этого мощного маневра на окружение»[{266}].

И. Гофман:

«ЗНАЧЕНИЕ ПРАЖСКОЙ ОПЕРАЦИИ»

«Восстание в Праге и остальных частях Богемии в мае 1945 г. представляет собой «крупное событие» в истории Чехии периода Второй мировой войны, оно, как пишет Бартошек, имело «в первую очередь морально-политическое значение для нашей национальной жизни», продемонстрировав, что и чешский народ как таковой внес в последний час свой, хотя и крохотный вклад в военный разгром Германии. Еще 16 декабря

1943 г. президенту Бенешу пришлось терпеливо выслушать в Москве саркастические и просто глумливые слова Молотова из-за отсутствия в Протекторате всякого движения сопротивления. И вот теперь и чешский народ, как выразился Бенеш, проявил свою «готовность» еще до того, как германская власть в Богемии была полностью устранена. Восстание после краткого подготовительного периода вспыхнуло почти спонтанно и было стихийно направлено в первую очередь против «немцев» как оккупантов страны и «врагов в течение 300 лет». Но под оболочкой вооруженной борьбы против внешнего врага велась одновременно внутриполитическая борьба вокруг будущей формы республики между буржуазией и коммунистами, причем последние добивались социалистического переворота и возлагали свои надежды на Советский Союз. Здесь скрыты корни тезиса об освободительной миссии Советской армии в Чехословакии. Под руководством коммунистической партии, как утверждается, пражское население восстало против фашистских оккупантов. Мол, когда борьба вступила в свою критическую стадию, в последний момент, танки советских 3-й и 4-й гвардейских танковых армий генералов Рыбалко и Лелюшенко вошли в Прагу, освободили город и — что казалось еще более значимым — привели к успешному завершению первый этап «народно-демократической революции». Этим-де были скреплены вечный союз между СССР и Чехословакией, братские узы народов обоих государств.

Восстание в Праге началось в утренние часы 5 мая 1945 г., но лишь 4 дня спустя, утром 9 мая передовые части 1-го Украинского фронта маршала Советского Союза Конева достигли города Праги. Чтобы определить роль Русской освободительной армии в пражских событиях, нужно четко представлять себе военную ситуацию в период до и после вмешательств РОА. Когда 1-я дивизия во главе с генерал-майором Буняченко 6—7 мая вступила в борьбу на стороне восставших, те уже находились в очень бедственном положении. К этому моменту американская 3-я армия прекратила продвижение вперед у Пильзена, в 70 км к западу от Праги. Войска 1-го Украинского фронта находились севернее линии Дрезден—Герлиц в 140 км, 2-го Украинского фронта — под Брюнном в 160 км, а 4-го Украинского фронта — под Ольмюцом, даже в 200 км от Праги. Поскольку британцы и американцы не реагировали на отчаянные призывы чехов о помощи, американцы даже препятствовали стихийной поддержке восставших из своей зоны оккупации, а советские войска находились слишком далеко, чтобы суметь вмешаться, то 1-я дивизия РОА оказала фактически единственную помощь, полученную повстанцами. И значение этой акции помощи невозможно переоценить.

Приведем высказывания двух чешских свидетелей, имевших возможность следить за событиями, занимая ответственные посты. Так, например, бывший член Чешского национального совета д-р Махотка писал, что борьба Власовской армии «значительно» изменила военную ситуацию в Праге в пользу восставших, ее вмешательство было «решающим» и очень воодушевило все пражское население: «Она была нашей единственной помощью, когда мы не получали ни американской, ни английской или советской помощи и когда наши беспрерывные призывы по радио оставались безрезультатными». Полковник Чехословацкой народной армии д-р Степанек-Штемр, в мае 1945 г. — начальник отдела связи 1-го Чехословацкого армейского корпуса, прямо приписывает вмешательству власовских солдат главную заслугу в том, что «старая историческая Прага осталась невредимой, а основная часть ее населения — живой и здоровой». Даже «только краткое, продолжавшееся несколько часов участие власовских частей в Пражском восстании на стороне чешских патриотов бесспорно спасло Прагу от разрушения». В этой связи Степанек-Штемр особенно выделяет старые публикации, согласно которым части РОА сыграли «ведущую роль при освобождении важного европейского центра», «в течение 24 часов очистили город», и защищает эти высказывания как «исторически правдивые и доказанные» от клеветы со стороны просоветских чешских авторов.

Правда, преждевременное прекращение боевых действий 1-й дивизией РОА в ночь с 7 на 8 мая вновь усложнило военное положение повстанцев, но все же только временно и в отдельных местах. Ведь прекращение боев и вызванная этим обескураженность имели тогда решающее значение для решения ЧНС вступить в переговоры с командующим войсками германского вермахта, генералом пехоты Туссеном, и в конечном итоге, заключить соглашение о свободном выводе германских вооруженных сил и учреждений и о процедуре сдачи оружия чехословацкой Народной армии — событие, которое было осуждено в просоветской литературе как грубая ошибка, даже попросту как измена «принципам освободительной борьбы» в Праге. Но Пражское восстание, которое, как подчеркивают различные авторы, было «ненужным» и «излишним» с самого начала, в момент, когда немцы в Богемии ввиду общей капитуляции вермахта стремились уже только к тому, чтобы по возможности быстро и беспрепятственно добраться до американских позиций, действительно потеряло последний смысл. Оно могло лишь привнести ненужные осложнения в осуществление шедшей полным ходом капитуляции немцев. Протокол о процедуре капитуляции германских вооруженных сил, подписанный профессором

Пражаком, председателем ЧНС, его заместителем, коммунистом Смрковским, д-ром Котрли, капитаном Неханским, генералом Кутлваршом, подполковником Бюргером, подполковником штаба Каданькой совместно с генералом пехоты Туссеном 8 мая в 16.00, тем самым однозначно отвечал интересам города Праги и его жителей. Кроме того, этот документ о капитуляции не содержал ничего, что задевало бы честь чешской стороны. В этой связи напомним о том, что соглашения о свободном выводе вражеских гарнизонов принимались уже и в предыдущих войнах. Так, например, в 1813 г. победители — русские и пруссаки — гарантировали французским гарнизонам крепостей Торн и Шпандау свободный вывод на почетных условиях и даже с оружием.

Лишь те круги, которые ставили соображения престижа выше судьбы старинного города и его жителей, которые стремились физически уничтожить уже готового к уходу врага и которые тем самым преследовали далеко идущие политические цели, могли говорить о «постыдном акте» этой капитуляции. Прежде всего Советский Союз, который претендовал на славу освободителя города Праги, был по необходимости вынужден отвергать соглашение, до его появления предоставившее немецким частям свободный выход из Праги на запад. Советские симпатии принадлежали при этом тем так называемым «народно-патриотическим силам», частично, по свидетельству немецкого очевидца, — «вооруженному сброду», которые, невзирая на соглашение о капитуляции, продолжали стрельбу и эксцессы и после капитуляции 8 мая. Немецкие части в результате были кое-где остановлены, но собственно военные действия против них больше не были нужны. Это подтвердилось 9 мая. В 4.40 в Прагу вошли первые танки 1-го Украинского фронта. Советский комендант города, генерал-майор Зиберов, передовое подразделение которого еще в утренние сумерки проникло в центр города и заняло важные мосты на Влтаве, не обнаружил «организованного сопротивления». Его танкам и самоходным орудиям больше не нужно было стрелять. И действительно, последние немецкие очаги сопротивления в черте города были окончательно ликвидированы уже через несколько часов, в 10.00 утра. Рассмотрение хода событий приводит к выводу, который констатировал и д-р Степанек-Штемр, что «Прага… фактически… была освобождена от немецких войск уже в утренние часы 8 мая», что советским танкам оставалось только въехать «в уже освобожденную Прагу». Следовательно, в основе противопоставленного этому утверждения, что Прага была освобождена частями Красной Армии, могут лежать лишь политико-пропагандистские мотивы. И этот тезис можно поддерживать лишь путем замалчивания

исторической роли, которую сыграла 1-я дивизия РОА с 6 до 8 мая 1945 г. вокруг Праги, и путем осуждения соглашения Чешского национального совета с командующим частями германского вермахта, заключенного 8 мая. Показательно в этом отношении, как советские публикации освещают роль РОА в событиях вокруг Праги, если при случае отказываются от метода замалчивания. Так, Гончаренко и Шнайдер в статье из армейской газеты «Красная Звезда» превращают исторические факты в их противоположность, утверждая, что Гитлер бросил на Прагу «армию изменника Власова для подавления восстания». То же самое впечатление пытается создать и официальный «Чехословацкий военный атлас», изданный в Праге Министерством национальной обороны совместно с Академией наук, который на своей специальной карте Пражского восстания изображает «власовцев», чье выступление нельзя было игнорировать полностью, синим цветом «немецко-фашистских» войск. Бывший командующий 1-м Украинским фронтом маршал Советского Союза Конев смог лаконично сообщить лишь о пленении Власова и «дивизии генерала Буняченко» к юго-востоку от Пильзена, но не о предшествующих боях в Праге. Согласно генералу армии Лелюшенко, бывшему командующему 4-й гвардейской танковой армией, «банда Власова» была полностью разгромлена под Хемницем. Генерал армии Штеменко, после войны — начальник Генерального штаба Советской армии, правда, тоже разражается оскорбительными словами, говоря о «банде… способных на все преступников», о «сброде», но все же дает понять, что «некоторые власовцы» направились в Прагу в тот момент, «когда народ восстал против немецких оккупантов», что «отдельные власовские группы» начали борьбу «по собственной инициативе», хотя Чешский национальный совет якобы ничего не хотел знать об их помощи. В какой мере освободительная роль Красной Армии ставится под вопрос соглашением военного командования «Бартош» с генерал-майором Буняченко от 5 мая, а также соглашением ЧНС с ним от 7 мая и, наконец, соглашением ЧНС с генералом Туссеном от 8 мая, видно из позиции в отношении военнослужащих РОА и в конечном счете даже в отношении членов Национального совета после занятия города советскими войсками.

Вскоре после своего прибытия командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал Рыбалко посетил резиденцию Чешского национального совета, чтобы получить информацию «о смысле восстания, его ходе, проблеме участия так называемой власовской армии и о капитуляции немцев», т.е. о чрезвычайно значимых для Советского Союза вопросах. Сообщения, услышанные им, видимо, не вполне удовлетворили

его, что видно по его реакции, т.к. он без обиняков заявил, что все власовские солдаты будут расстреляны. Когда председатель, профессор Пражак, и другие члены ЧНС «сердечно и энергично» попросили пощадить жизни этих людей, сражавшихся за них, генерал Рыбалко пошел на «великодушную уступку», заявив, что расстреляет не всех. Сотни солдат РОА погибли в боях за Прагу, множество других было ранено. Раненые находились в пражских больницах в отдельных палатах, подчас с надписью «героические освободители Праги». Вскоре после занятия города советскими войсками органы «Смерш» (Смерть шпионам, контрразведка) начали регистрировать раненых. О том, что с ними произошло в дальнейшем, сообщает д-р Степанек-Штемр, позднее живший в Израиле: «Молодая женщина, моя землячка из города Моравска-Острава, Е.Р., чудом пережила Аушвиц, Терезиенштадт и Дахау. В первые дни после Второй мировой войны она работала в больнице пражского предместья Мотоль. (Вблизи больницы находился большой лагерь для пленных немецких солдат, который я часто посещал, чтобы допрашивать пленных.) Госпожа Е.Р. рассказала мне, что в больнице в Мотоле лежало около 200 раненых власовских солдат. Однажды в больницу пришли советские солдаты. Они были вооружены автоматами. Они выгнали из здания врачей и санитарный персонал, зашли в палаты, где лежали только тяжелораненые власовские солдаты, послышался треск продолжительных очередей… Советские стрелки прикончили всех раненых власовских солдат на их больничных кроватях». И так, как в Мотоле, с ними поступали и в других местах. Основываясь на достоверных источниках, Ауски сообщает об убийстве в Праге и ее окрестностях более 600 военнослужащих РОА.

Солдаты РОА, пролившие свою кровь за освобождение города Праги, были убиты. Их могилы можно было отчасти найти на Ольшанском кладбище. (…)

Хотя Пражская операция была лишь эпизодом в истории Русской освободительной армии, она одновременно явилась событием столь выдающегося значения, что в послевоенный период разгорелись многолетние споры о ее смысле и оправдании. Выжившие соратники Власова при этом вновь и вновь настойчиво подчеркивали, что не только сам Власов, но также политическое и военное руководство движения, КОНР и Верховное командование, представленные генерал-майором Трухиным, были против вмешательства в чешские дела. Вмешательство в Пражское восстание нередко называют попросту «гибельным, самоубийственным шагом», поскольку в результате многодневного промедления 1-й дивизии РОА не удалось своевременно достичь

американских позиций и она была настигнута Советской армией. Выживший офицер Свинцов пытался прямо обвинить «Власова, его генералов и его штаб», имея в виду прежде всего генерал-майора Буняченко, в том, что они завели РОА во «враждебную Чехословакию», помогли «коварным и неблагодарным чехам» и тем самым лишь предоставили Красной Армии возможность уничтожить власовских солдат. А с точки зрения Кармазина, Пражская операция не только ускорила гибель собственных солдат, отдав их на произвол «будущих убийц и палачей», но и невольно содействовала массовым убийствам чехами в Праге безоружных немецких пленных и немецкого населения. Следует настойчиво подчеркнуть, что вмешательство в Пражское восстание на стороне национально ориентированных чехов, во всяком случае, не означало изменения антибольшевистской позиции солдат Освободительной армии. В связи с перестрелкой между солдатами РОА и чешскими повстанцами, очевидно коммунистами, на вокзале Вршовице 7 мая, Бартошек считает вполне возможным, что «власовские части начали осуществлять обе части своих лозунгов и бороться также с «большевизмом», с коммунистами в рядах повстанцев». То, что столь непоколебимо антисоветски настроенная вооруженная сила повернулась в последние дни войны против немцев, которые тоже боролись с Красной Армией, разорвав существовавший с ними союз, представляет собой второе возражение против Пражской операции и характеризуется как «трагичная и преступная ошибка». (…)

Однако историческая оценка Пражской операции не может ограничиваться негативной констатацией, что она началась с измены немецкому союзнику и завершилась гибелью солдат 1-й дивизии РОА. Решение о вмешательстве в Пражское восстание следует расценивать, исходя из ситуации последних дней войны, как отчаянную попытку спасти солдат 1-й дивизии после краха Германии. Примечательно, что именно два лица с немецкой стороны, близкие к тогдашним событиям, проявили далеко идущее понимание мотивов, которые лежали в основе этой операции. Бывший представитель кадрового управления СС при Власове, д-р Крегер, правда, отвергает аргумент, выдвигаемый и некоторыми русскими, что генерал-майор Буняченко после всего случившегося, после пережитого обращения с Русским освободительным движением со стороны немцев в прошедшие годы, не должен был испытывать союзническую верность по отношению к ним. А именно такая аргументация, как считает Крегер, еще раз унизила бы русских «как офицеров и людей чести после их печального конца», ведь она должна была восприниматься как признание неспособности к союзам и ненадежности вообще, как это им пытается приписать генерал

армии Штеменко, когда говорит: «Никто не мог знать, когда и против кого они обратят свое оружие». А Крегер по праву подчеркивает «действительно отчаянное положение» Буняченко и всех его солдат, «хуже, чем у любого немецкого вояки», и считает, что было бы поэтому «лицемерно» проклинать их за явный акт отчаяния. Это подчеркнул и бывший начальник германской команды связи Швеннингер, который в дни Пражской операции находился в качестве интернированного при дивизионном штабе и, невзирая на начавшиеся действия против немцев, испытывал неизменно уважительное обращение как со стороны командира дивизии, так и начальника штаба. Как немецкий офицер, Швеннингер, разумеется, высказался против участия в Пражском восстании, но в то же время, что касается его лично, проявил понимание к этому отчаянному шагу Буняченко, порожденному не «слепой ненавистью к Германии и немцам», а «жгучей тревогой» за доверенных ему солдат, успех которого и он короткое время не считал невозможным после того, как подполковник Николаев подробнее разъяснил ему этот шаг. Швеннингер заявлял после войны, что несправедливо пытаться выносить приговор «Буняченко и его людям» или — из-за пражских событий — даже всему власовскому движению как таковому.

Правда, вопрос об историческом значении Пражской операции возникает независимо от аспекта союзнической верности в отношении немцев и успеха собственного плана Буняченко. Решающее значение для оценки могут иметь лишь масштабы и воздействие поддержки, фактически оказанной чешским повстанцам. Можно сделать вывод, что 1-я дивизия РОА, вступившая в бой в критической стадии восстания, смогла, не считая отдельных немецких островков обороны, взять под свой контроль всю западную часть города Праги и широкую, простирающуюся до Страшнице зону на восточном берегу Влтавы. Хотя ее сил и не хватило, чтобы занять всю территорию Большой Праги, она все же сумела, расколов город на две части, помешать соединению немецких боевых групп, наступавших с севера и юга. Следует безусловно согласиться с выводом Ауски, что без вмешательства 1-й дивизии РОА немцам, вероятно, удалось бы еще 6 мая занять западные части Праги и 7 мая полностью подавить восстание. Даже неожиданное прекращение боевых действий в ночь с 7 на 8 мая и вывод частей РОА из города еще имели позитивные последствия в том смысле что это — по крайней мере, косвенно — повлекло за собой соглашение ЧНС с генералом Туссеном о свободном выводе немецких, войск. Решение генерал-майора Буняченко может казаться очень спорным по многим причинам, но в историю оно все же вошло. Ведь хронология событий

несомненно позволяет увидеть, что именно 1-й дивизии РОА принадлежала существенная, если не главная заслуга в вытеснении немцев из Праги. Во всяком случае, представленный в советской историографии тезис, что Прага была освобождена войсками 1-го Украинского фронта во главе с Маршалом Советского Союза Коневым, не выдерживает научной критики. Он однозначно оказывается исторической легендой»[{267}].

*** * ***

К**. Александров:** «Некоторые российские авторы признают значение боевых действий 1-й пехотной дивизии войск КОНР 6—7 мая и ее вклад в освобождение Праги от немецких оккупантов. Другие, по мере сил, принижают. Достойна критики и другая крайность — распространенная ныне версия об «освобождении Праги власовцами». Ведь после ухода 1-й пехотной дивизии, на рассвете 8 мая, в чешскую столицу вошла немецкая бронетехника («внепражские» части), а гарнизон вермахта и войск СС оказывал сопротивление еще 10—12 часов.

Так или иначе, 6—7 мая своими активными действиями дивизия Буняченко отвлекла на себя большую часть сил немецкого гарнизона и рассекла город на северную и южную части, воспрепятствовав подходу немецких войск, находившихся за пределами Праги. В результате блокады и захвата аэродрома в Рузини германское командование не смогло использовать авиацию. И главное: потери повстанцев и горожан были бы неизмеримо большими, не прими дивизия участие в восстании против немецких оккупантов»[{268}].

В. Марьина: «Фактическое освобождение города началось самими пражанами раньше, 5 мая. Участвовала в этом по политическим и алибистским соображениям и 1-я русская дивизия РОА, покинувшая Прагу в ночь с 7 на 8 мая, чтобы сдаться в плен американцам, и отказавшаяся оставить восставшим оружие. Американские войска, с которыми части Красной Армии соприкоснулись к западу от Праги на линии Карловы Вары — Пльзень — Ческе Будейовице 11—12 мая, по договоренности с советским командованием не перешли эту линию, несмотря на желание первыми войти в Прагу и возможность сделать это»[{269}].

*** * ***

Таким образом, по мнению историков, Прагу никто не освободил!

Герой Советского Союза, писатель В. Карпов в одной из своих известных книг писал: «В некоторых книгах, особенно на Западе, Пражская операция 1-го Украинского фронта называется броском на Прагу. Да, это был бросок на Прагу, но не марш, не просто движение военных колонн. Это была очень крупная и трудная боевая операция»[{270}].

Подтверждают это и архивные документы. Например, в отчете о боевых действиях 7-го гвардейского танкового корпуса по овладению г. ПРАГА говорится: «7. При действиях в направлении ПРАГА противник оказал упорное сопротивление пехотой, поддержанной танками и артиллерией, в районе западнее ДРЕЗДЕН, сковал действия наших частей, заставил наши части обходить его узлы сопротивления, потерять время на маневр и снизить темпы нашего наступления»[{271}].

Из журнала боевых действий 1-го Украинского фронта за 15 мая 1945 г.: «В период с 9 по 12 мая, т.е. после отказа ШЕРНЕРА выполнить соглашение о капитуляции сложить оружие и сдаться в плен, войсками фронта захвачено:

Солдат и офицеров — 256 659
Танков и САУ — 620
Орудий — 2889
Минометов — 1344
Пулеметов — 6647
Винтовок и автоматов — 118 696
Автомашин — 41 020
Самолетов — 781
Из них 365 сгоревших
Паровозов — 510
Вагонов—12 759
Складов разных — 445»[{272}].

Сами за себя говорят и результаты Пражской стратегической наступательной операции: «В ходе стремительного наступления 1, 4 и 2-го Украинских фронтов и входивших в них польских, румынских и чехословацких соединений была ликвидирована мощная группировка войск противника, продолжавшая сопротивление после подписания акта о капитуляции. Пленено 860 тыс. солдат и офицеров, в том числе 60 генералов. Освобождена от фашистской оккупации Чехословакии и ее столица Прага. 11 мая советские войска вышли на линию Хемниц, Карлови Вари, Пльзень, где встретились с передовыми частями американской

армии»[{273}].

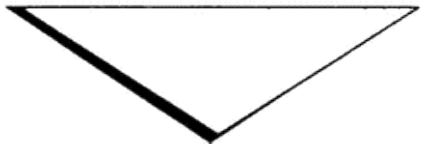
Историк А. Дюков считает, «что касается освобождения Праги, то факт остается фактом: от нацистов ее освободили советские войска маршала Конева и, в частности, танковая армия генерала Павла Рыбалко. Власовцы участвовали в боях с нацистами в столице Чехословакии. Но вспомним, когда она подняла свое восстание. К тому времени Берлин капитулировал, и антигитлеровская коалиция, по сути, добивала остатки войск нацистов, еще не сложивших оружие.

Кое-кто сегодня говорит о «благородном порыве» власовцев, решивших помочь чехам. Но это был лишь предлог для того, чтобы попытаться заслужить снисхождения за то, что они находились в нацистских рядах. И аргументы относительно того, что «в душе они были антинацистами», не находят подтверждения. (…)

Одна из причин появления псевдоисторических трудов, обеляющих власовцев и делающих их героями, — это стремление поставить историю на службу политике и очернить тех, кто действительно делал Победу. В том числе и освобождал Прагу»[{274}].

Очевидец освобождения Праги, пражанин Ярослав Вацаты, запишет в своем дневнике: «9 мая, 12 часов. На улице шумно. Проезжают танки и автомобили славной русской армии. Ребята усталые, запыленные. Всюду ликование. Слышны крики: «Ура!», «Слава!», машут сотни рук. При виде каждого танка поднимается буря приветственных криков. Когда колонна останавливается, один из русских солдат начинает играть на гармони, несколько его товарищей пляшут. Танки засыпаны цветами сирени»[{275}].

Именно этим цветам, которые расцветают в Праге в начале мая, было суждено стать символом ее освобождения.



ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В своих мемуарах «Солдатский долг»[{276}] один из талантливейших советских полководцев маршал К.К. Рокоссовский рассказывает очень интересный эпизод про освобождение Сухиничей. А дело было так…

В середине января 1942 г. немцы овладели Сухиничами — крупным железнодорожном узлом. Рокоссовский получил приказ перейти со своей армией в этот район, принять в подчинение действующие там соединения и восстановить положение.

На командном пункте Западного фронта Г.К. Жуков ознакомил Рокоссовского с обстановкой, предупредив, что рассчитывать на подкрепления, кроме тех, что будут приняты на месте, не придется. Потом добавил: «Надеюсь, что вы и этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесете мне об освобождении Сухиничей».

Затем началась подготовка, в ходе которой выяснилось: «Поставленная фронтом задача не соответствовала силам и средствам, имевшимся в нашем распоряжении. Но это было частым тогда явлением, мы привыкли к нему и начали готовиться к операции, изыскивая, где и что можно собрать с других участков. Разумеется, шли на риск, но иного выхода не было. К тому же противник, добившись своей цели, никакой активности не проявлял». В общем, перенесли командный пункт армии поближе к городу, определили ударную группировку, усилили ее артиллерией. Начались перегруппировка и сосредоточение. Обычное дело перед боевой операцией. И вот, когда уже все было готово и генералы, находившиеся на НП, поглядывали на часы, зазвенел полевой телефон. Оказалось: «…из полка, стоявшего ближе других к городу, передали, что к ним прибежали несколько жителей и сообщили, будто немцы в панике покидают Сухиничи. Командир полка — человек решительный — выслал в город усиленную разведку и уже двинул туда батальон с двумя танками.

А до начала артподготовки оставались минуты…»

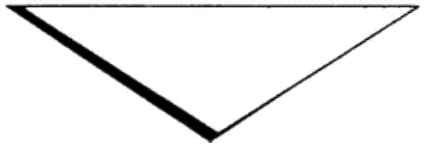
Рокоссовский принимает решение задержать открытие артогня, а чуть позже ему докладывают: противник бежал из Сухиничей.

«Сами же мы, не утерпев, тут же поехали в освобожденный от врага город, радуясь, что дело обошлось бескровно, — свидетельствует маршал. — По-видимому, дезинформация ввела-таки немцев в заблуждение, и они решили заблаговременно ретироваться. Впоследствии это и подтвердилось.

Задачу, поставленную командующим фронтом, армия выполнила:

Сухиничи были в наших руках».

Думается, что этот маленький пример из истории Великой Отечественной войны очень четко говорит о том, что кроме кровопролитных взятий городов были и такие вот бескровные их освобождения. Отрицать же подобные победы было бы, по меньшей мере, глупо.



ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРАЖСКОЕ ВОССТАНИЕ 5—9 мая 1945 г.

«Пражское восстание совпало с заключительным этапом Второй мировой войны. В то время на территории Чехословакии скопились значительные группировки фашистской армии. Повстанцы попали в тяжелое положение и обратились по радио с призывом о помощи. Советские войска, проделав беспримерный в истории переход от Берлина до Праги, разбили гитлеровцев, 9 мая вступили в Прагу и завершили освобождение Чехословакии.

*** * ***

А. ОБРАЩЕНИЕ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА 5 мая 1945 г.

(Чешский национальный совет был создан по инициативе Коммунистической партии Чехословакии 29 апреля 1945 г. В него вошли представители рабочих и буржуазных партий и массовых организаций, боровшихся против фашизма. Решающие позиции в Совете принадлежали коммунистам. Чешский национальный совет имел задачей поднять восстание, изгнать фашистских оккупантов из Праги и принять на себя государственную власть до прибытия в Прагу из Кошиц правительства Национального фронта. — *Ред.)*

Чешский народ! Чешский национальный совет как орган революционного движения чехов и как полномочный представитель чехословацкого правительства в Кошице принимает сегодня законодательную и исполнительную власть на территории Чехии, Моравии и Силезии. Под ударами героических союзных армий и в результате активного сопротивления чешского народа прекратил свое существование так называемый «протекторат Чехия и Моравия», навязанный нам немцами. Тем самым прекращается власть протекторатного правительства и немецких учреждений… В этот исторический момент Чешский национальный совет призывает население к боевой готовности. Ждите дальнейших указаний и мероприятий Совета…

*** * ***

Б. УЛЬТИМАТУМ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА ФАШИСТСКИМ ВОЙСКАМ 5 мая 1945 г.

Немецкая администрация «протектората» перестала существовать. Большая часть ее представителей находится в плену у чешских вооруженных сил и Чешского национального совета. Немедленно прекратите бесцельное сопротивление и сдайтесь чешским вооруженным силам. С вами будут обращаться как с пленными в соответствии с нормами международного права. В случае отказа будут считать вас бандитами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

*** * ***

В. ВОЗЗВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ 6 мая 1945 г.

Коммунисты!

Вчера началась вооруженная борьба. Покажите, что эту открытую борьбу с врагом вы сумеете вести так же упорно и самоотверженно, как вы в течение шести лет вели подпольную борьбу с гестаповскими извергами. Будьте всюду лучшими из лучших, донесите со славой до цели наше знамя, обагренное кровью тысяч товарищей! Железная дисциплина большевистской партии и боевой дух братской Советской Армии пусть будут для вас высокими образцами.

Вперед, в последний бой за свободную демократическую народную Чехословацкую республику!

*** * ***

Г. ОБРАЩЕНИЕ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА ПО РАДИО 7 мая 1945 г.

Солдаты! Революционная армия! Героические граждане Праги! Товарищи рабочие! Труженики!

Братья и сестры!

Шесть лет угнетали нас гитлеровские разбойники. Сейчас пришел конец власти этих палачей. Сегодня Германия капитулировала перед союзниками.

На нас, на Прагу, устремлены взоры всего чешского и словацкого народов, взоры всего мира. Мы, граждане Праги, древнего города со

славной историей, прославим чешский народ, как прославили его в прошлом великий Жижка и его табориты. Мы ведем кровавый и беспощадный бой, проникнутые одной мыслью, — не отступать, сражаться, победить. И мы победим. Кровавый палач Франк сегодня предложил нам переговоры, выдвинув условие, что пражские улицы должны быть освобождены от баррикад, чтобы могли пройти немецкие войска. За это он обещает нам отказаться от поста германского министра в чешских землях и прекратить обстрел Праги. Это смехотворная дерзость! Вчера он дважды обещал прекратить обстрел, если мы прекратим его, и дважды нарушил свое обещание.

Мы выдвинули только одно условие — безоговорочная капитуляция разгромленных немецких частей, сдача их Чешскому национальному совету и чешским вооруженным отрядам. Если немцы не сложат оружие сегодня, они сложат его завтра или днем позже. Сейчас, после капитуляции Германии, союзным войскам сдаются целые армии противника. Это не может не повлиять на положение в Праге.

Граждане! Товарищи рабочие! Усиливайте свои удары по противнику! Пусть каждая ваша пуля достигнет цели! Пусть каждый ваш удар будет местью за смерть брата, сестры, отца, матери! Пусть сегодня ночью на улицах Праги вырастет еще больше баррикад, чтобы не прошел через них ни один немецкий танк, ни один немецкий бандит, чтобы не пробил их ни один снаряд!

Товарищи рабочие! Наша революция — это наше кровное дело. Мы знаем, за что сражаемся, за что умираем — не только за свободу своего народа, но и за наше классовое раскрепощение. Рождается новая республика, ради которой мы проливаем кровь. Это будет наша республика, республика трудового народа. Мы будем в ней правителями и хозяевами. Не станет капиталистических кровососов, не будет нужды в эксплуатации. Народ сам создаст свое счастье и благосостояние. Грядущие поколения чехов склонятся перед памятью тех, кто в майские дни 1945 г. доблестно отражал яростный натиск вооруженных немецко-фашистских банд.

Братья в окрестностях Праги! Партизаны соседних лесов! Все, у кого есть оружие, немедленно спешите к Праге, нападайте на нацистские орды! Не теряйте ни минуты! Братья-красноармейцы! Американские и английские друзья! Мы верим, что завтра ваши боевые самолеты будут охранять небо над Прагой. Танкисты, спешите к Праге! Дайте нам винтовки и пулеметы, мы используем их с честью.

Вперед, на борьбу! На стройку баррикад! На баррикадные бои! Да здравствует борьба! Да здравствует революция!»[{277}].

ОСОБЫЙ ПРИКАЗ ПО 600-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ РОА 8.5.45. Д. СУХОМАСТ

«Объявляю благодарность всему личному составу Дивизии за доблестное выполнение солдатского долга в боях на подступах к Праге и в самой Праге, чем оказана помощь Чешскому народу в борьбе против озверелого фашизма за свою независимость.

Этой жертвенной борьбой солдаты и офицеры дивизии вынудили командование Германского гарнизона г. Праги подписать капитуляцию к 24.00 8.5.45 г., по которой гарнизон складывает оружие и уходит в любом направлении.

В связи с этим Дивизия выведена на отдых к прежнему месту стоянки, и в городе остались лишь артдивизион и солдаты с противотанковым оружием для охраны гражданского населения от возможных нарушений как со стороны капитулировавшего гарнизона, так равно и на случай попытки входа в город немецких частей, отходящих с Восточного фронта.

Дальнейшее наше положение решается Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил Комитета генерал-лейтенантом Власовым путем личных переговоров с командованием англо-американских вооруженных сил.

Приказ прочесть всему личному составу.

п.п. Командир дивизии генерал-майор

п.п. Нач. штаба дивизии подполковник

к.п. Верно: Начальник оперативного отд. Майор

(Буняченко)

(Николаев)

(Синицкий)»[{278}].

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н.А. МЕЗЕЛЕВА (ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА ИМ. ЯНА ГУСА)

«Не найти слов, которыми можно было бы описать радость и ликование, царившие в солнечный день 9 мая 1945 г.

Подходя к деревне Срны, еще издали мы увидели на ее окраине нарядно одетых людей. Из домов вышли все, от мала до велика. Селяне размахивали разноцветными косынками и самодельными красными флажками.

— Витезстви! Витезстви! (Победа! Победа!) — неумолчно звучало это долгожданное слово. Жители деревни рассказали нам, что по радио уже много раз передавалось сообщение о капитуляции гитлеровской Германии.

— Витезстви! Витезстви! Победа! Победа! На вечна часы! — неслось над деревней.

Возглас «На вечна часы!» означал «С Советским Союзом — на вечные времена!».

Чешские друзья сжимали нас в объятиях, целовали, кружили в вихре хоровода. У всех в глазах стояли слезы, но это были слезы радости.

В тот же день нас тепло и сердечно встретили наши воины-фронтовики, находившиеся в Глинско. Для нас, партизан, боевые действия в тот день закончились, а регулярным частям пришлось еще несколько дней (до 12 мая) сражаться с фашистскими войсками, отказавшимися капитулировать. И после Дня Победы на земле Чехословакии шли ожесточенные бои. И после Дня Победы здесь погибали наши воины. Среди них был и мой старший брат Петр. Военная судьба занесла нас на один участок фронта, но встретиться нам так и не довелось…

Волнующим, трогательным был у нас, партизан гусовцев, день 18 мая. Впервые за полгода с лишним мы собрались все вместе.

Вспомнили пройденный путь — от десанта из 12 человек до бригады из 444 партизан — сынов и дочерей советского и чехословацкого народов. К этому числу надо прибавить еще около 1200 сотрудничавших с нами чешских патриотов, среди которых огромную роль играли члены народных выборов и бойцы ЦПС.

Наша горсточка десантников не продержалась бы и месяца, если бы не пользовалась постоянной поддержкой населения Высочины, которое с безграничной любовью относилось к великой Стране Советов и люто ненавидело фашистских поработителей.

Особо хочется сказать о женщинах. Сколько опасных заданий выполнили отважные связные Зденка Моравцова, Анежка Штулова! А разве можно забыть Ружену Балкову, Анну Юнову, Анну Главкову и многих других женщин!

И вот пришла пора расставания. Бригада расформирована. Мы поступаем в распоряжение военного командования. Чехословацкие товарищи возвращаются к мирному труду.

В скорбном молчании почтили собравшиеся память боевых друзей, погибших у деревни Лешковице, нашего дорогого командира Александра Васильевича Фомина. Вспомнили не дожившего до Победы Николая Шустова. Поговорили о Н. Химиче и Н. Кныше, которые ушли в другой отряд.

Сердечным напутствием провожал нас, советских партизан, комиссар Тума, прошедший с бригадой весь путь — от первого дня до последнего, так много сделавший для развертывания антифашистской борьбы на Высочине»[{279}].

ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА П.Н. ЛУКНИЦКОГО

«Часы торжества

В те дни штаб 2-го Украинского фронта находился в Модре, небольшом чехословацком городке у подножия восточных склонов Малых Карпат, километрах в тридцати от Дуная, и расположенной на левом ее берегу столицы Словакии — Братиславы. Специальные военные корреспонденты нашей центральной печати жили в разных предоставленных им городским самоуправлением квартирах, из числа тех, что были брошены бежавшими из города немецко-фашистскими оккупантами. Отсюда, из Братиславы, корреспонденты выезжали в нужные им части наших наступавших войск и в те окрестные городки или села, где дислоцировались различные управления и отделы штаба. В распоряжении каждого из корреспондентов имелись закрепленные за ними автомашины с шоферами, всегда готовыми выехать в любом направлении. Как спецвоенкор ТАСС, я имел в своем распоряжении двух сменных шоферов — гвардии старшину Эдуарда Агаджанова и сержанта Василия Шилова. Оба были моими самыми близкими в ту пору фронтовыми друзьями-товарищами…

7 мая 1945. Братислава

Сегодня, в предвидении новой волны наступления, на сей раз — на Прагу, ездили с Эдуардом Агаджановым за нарядом из Модры в Сенец, где расположен отдел снабжения горючим управления перевозок тыла.

Сенец — живописный городок на середине пути между Модрой и Братиславой. Мой новенький, темно-вишневый «ханомаг» шел с большой скоростью по великолепному шоссе, пересекающему вдоль склонов Малых Карпат южную Чехословакию.

Показалась нарядная, вся в курчавой зелени, украшенная трехцветными флагами деревенька. Девушка в нашей солдатской форме выбежала на дорогу, подняв руку, остановила нас — ей нужно было ехать в одном с нами направлении. Шофер — молодой старшина, чернобровый, красивый Эдуард Агаджанов, глянув на меня, резко затормозил.

Девушка — связистка полка — сразу же сообщила волнующую весть:

— Товарищ майор! Германия капитулировала перед всей Европой, и Прага взята, — только что слушали радио!

— Чье радио?.. Совинформбюро?

— Нет, товарищ майор, радиостанции Франции, Америки, Англии… Нашу волну не могли поймать!.. Насчет Праги я, конечно, не знаю, вам, наверное, виднее, а уж насчет капитуляции… это — точно… Подписали акт!..

Так от ефрейтора полка связи — от девушки, попавшей из Архангельска в прифронтовую деревню Чехословакии, услышал я первую весть о величайшем событии в мире.

Въезжаем в Сенец. Управление перевозок тыла. Подполковник Райков ничего не знает. Еще никто ничего не знает. Включаем радио, ищем… Другие приходят, — слухи, но ничего определенного.

К вечеру въезжаем в Братиславу, спешу «домой», где меня ждут «тассовцы»—прилетевший из Москвы Ратнер и фотокорреспондент Доренский. «Слышали?» — «Нет, не включали приемник»… Оба взволновались, включаем радио, тщетно пытаемся поймать Москву. Наконец какая-то наша станция — передает приказ… о взятии Бреслау…

Вечером десятки тысяч жителей города высыпали на улицы, жадно обмениваясь слухами об окончании войны. Чем ближе к ночи, тем более достоверными становились слухи.

Постепенно уясняем все. Завтра в три часа дня будут говорить Сталин, Черчилль, Трумэн.

На улицах крики: «Победа пришла! Война кончена!»

Один из шоферов сразу же исчезает и приносит где-то добытые две бутылки виноградного вина. Наспех едим, дружно поднимаем тост за Победу, затем, обжигаясь, пьем чай.

В квартире не усидишь, выскочили на балкон. Смотрим, как люди целуются, собираются толпами, бегают друг к другу в дома, выносят из подвалов вино. Внезапно где-то возле высящейся на холме древней крепости раздается треск пулеметной очереди. Повсюду в городе стихийно возникает стрельба в небо — из пулеметов, винтовок, пистолетов. Белые и красные огоньки трассирующих полосуют все небо. Если не знать причины этой стрельбы, можно подумать, что в городе происходит бой! Стрельба длится часа два, постепенно затихает… Давно уже ночь, но никак не удается заснуть! Пытаясь глубже осознать смысл необыкновенных событий, перечитываю сделанные мною в Модре выписки из политдонесения о действиях 7-й гвардейской армии. Это донесение помечено: «7 мая 5 часов 20 минут»:

«…Сегодня наши правофланговые соединения возобновили наступление, прорвали сильно укрепленную оборону немцев и к 16.00 продвинулись вперед на 5—6 км. Противник оказывает сильное огневое

сопротивление…»

Приводятся имена награжденных за подвиги (старшина Тюпа Петр Федорович, красноармеец Пархоменко Яков Иванович и другие). Сказано, что противник стал поспешно отступать.

И далее:

«…Взятый в плен нашими бойцами солдат из 66-го мотополка 13-й танковой дивизии на допросе показал: немецкое командование за последнее время выделило специальные группы из фольксштурма, которые имеют задание отравлять пищевую воду, продукты, фураж и вино. Каждый снабжен пакетиком, в котором находится 100 граммов ядовитого белого порошка. Яд очень устойчив, не имеет ни запаха, ни вкуса. У людей указанный яд вызывает смерть через два-три часа. Яд был применен при обороне города Брно, населенных пунктов Пасау, Регенсбург. Политорганам даны указания усилить работу по повышению бдительности у личного состава…»

Неужели это уже история? Неужели больше таких политдонесений не будет? Ни боев, ни смертей от осколков металла или от яда? Ни подлости лютых врагов?.. Где тот незримый рубеж между утренней и вечерней зорями этого прожитого людьми дня — рубеж между войной и миром?..

Нет, не так все просто!.. Многих людей еще погубят фашисты, прежде чем мы отнимем у них оружие и крепко скрутим их преступные руки!

8 мая

Сегодня проснулся, включил радиоприемник: «Песнь Каменного гостя» («Не счесть алмазов в каменных…») по-французски. Затем нью-йоркская опера — из «Лак-ме»… Прекрасные голоса, но разве до них сейчас?

Занимается день, погожий, сверкающий. Фотокорреспондент Доренский:

— В яркий солнечный день кончилась война!

Все еще не осознать масштабов величественного события!..

Наспех завтрак, сборы, едем в штаб 2-го Украинского фронта. Не знаем пока, что предпримем. В Праге происходит восстание, немцы душат его, пражанам срочно нужна наша помощь! То ли ехать скорее к центру событий туда, то ли быть в Модре, ловя и передавая в Москву стекающуюся отовсюду в штаб фронта информацию?

Выезжаю с Ратнером на «ханомаге» из веселящейся с утра на улицах Братиславы. За мною на своем «опель-ке» — Доренский. Мчимся в Модру… Мысли мои о Москве, о России. Знают ли? Или еще ничего не знают, еще не радуются, узнают только сегодня?

Пишу эти строки в автомобиле. Малые Карпаты, вдоль которых едем, ярко зелены, в виноградниках, в курчавых зарослях кустарника. Нас, русских офицеров, приветствуют все встречные. В деревнях и селах крестьяне еще ничего не знают, но самый воздух солнечного дня напоен победой!

Модра. Штаб фронта. — Величайшее волнение царит среди офицеров. С утра работают «движки», чтобы дать электрический ток приемникам. Определенности, официальных сообщений пока нет, но все уже знают самую суть. Каждое новое сообщение передается из уст в уста. Вероятно, на других фронтах, где немцы в этом часу уже сдаются тысячами и складывают оружие, обстановка иная, чем у нас. Но здесь, на 2-м Украинском, боевая работа штаба, несмотря ни на какие вести, продолжается, как обычно, потому что передовые части и сегодня ведут упорные бои с яростно сопротивляющимся врагом. Только здесь, в Чехословакии, враг не хочет сдаваться, только здесь он еще длит бессмысленную отчаянную борьбу.

Ожесточенные бои по всей линии наших южных фронтов (1, 2, 3 и 4-го Украинских) происходили вчера и всю ночь, продолжаются и сейчас. Сегодня утром на 3-м Украинском гитлеровцы начали отход. В оперативном отделе, в разведотделе узнаю поступающие поминутно новости. На нашем правом фланге враг продолжает с особенным упорством сопротивляться: усиленная огневая деятельность (ночью и сегодня утром). 53-я армия — в Туржанах (западнее Брно). На левом фланге противник медленно отходит под натиском наших войск. Сейчас, утром, линия фронта войск маршала Малиновского проходит по следующим пунктам: Ославице — Пустимерж — Кржтины — Веверска Битйшке; отсюда она выдвигается вклинивающейся в расположение вражеских войск дугой: Заставка — Чучице — Ославаны — Иванчице, иначе говоря, обводит почти полным полукружием город Брно; от Иванчице линия фронта тянется к Дунаю через Одровице, Трнове Поле, Лаа, Каммерсдорф и упирается в Дунай западнее Корнейбурга.

По всей этой линии грохочут орудия, по всей этой линии наши войска ведут в кровопролитных боях наступление, отвоевывая у фашистов землю за пядью пядь. Упорное сопротивление нам они оказывают восточнее Моравски Крумлов. Тупая ожесточенность врага поражает своею бессмысленностью, но требует от наших ведущих наступление воинов присущих им самоотверженности и мастерства.

В минуты, когда я делаю эту запись, разведывательные самолеты приносят весть о том, что перед фронтом левого соседа — перед войсками

Толбухина враг побежал: вдоль Дуная в сторону Линца помчались тысячи машин гитлеровцев, обуянных паникой. Страшась русских воинов, они решили сдаваться не нам, а союзникам в надежде, что «тот плен будет лучше русского».

К этому же часу враг дрогнул и на левом фланге 2-го Украинского: на участке 46-й армии шириною в тридцать километров — от Энцерсдорфа до Цеобандорфа возле Дуная гитлеровцы под давлением наших войск начали медленно отступать, прикрываясь арьергардными боями и, главным образом, артиллерийским и минометным огнем.

…А вот еще новое сообщение: враг начал откатываться и южнее района Брно. В настоящий момент, к середине дня, бои по всему фронту — в полном разгаре. Войска 2-го Украинского фронта маршала Малиновского проводят день величайшей победы в обычном боевом напряжении, разя и сокрушая врага. Им досталась великая честь ломать последнее сопротивление безумной гитлеровской Германии. Здесь до текущей минуты не происходит никаких массовых сдач вражеских частей, здесь темп войны все тот же, здесь каждый час битвы по-прежнему рождает новых героев — последних героев закончившейся для миллионов людей, но пока еще не для воинов наших южных фронтов Великой Отечественной войны.

Да, конечно! Сенсации сенсациями! Война, конечно, кончилась, но для нас еще не совсем. Наше Верховное командование не поддается сенсациям! Поэтому, очевидно, до полного выяснения обстановки, до полного сокрушения гитлеровцев на всех наших фронтах не взмыло в эфир на волнах всех наших советских радиостанций прекрасное, светлое, долгожданное слово «мир!».

Сегодня передовые подвижные соединения войск 2-го Украинского фронта, ломая с ходу сопротивление врага, уже движутся стремительным рейдом прямиком к Праге — спасти ее, освободить ее!.. Мне хочется немедленно включиться в этот последний поход. Но долг спецвоенкора велит сначала написать и передать в Москву корреспонденцию о том, что в нынешний исторический день происходит здесь. И я такую корреспонденцию передал по военному телеграфу.

*** * ***

…В 19 часов 45 минут радио начало передавать приказ. Все прибежали слушать, но… это — приказ оказался войскам 4-го Украинского фронта, освободившим город Оломоуц!

Здесь надо сделать краткое пояснение, касающееся 53-й армии генерала И.М. Манагарова, в состав которой я включился с утра 9 мая, когда ее войска двинулись вперед, в новое наступление.

Эта армия в начале апреля вместе с 6-й гвардейской танковой армией и 1-й гвардейской конно-механизированной группой освобождала Брно, а затем получила задачу, опять же вместе с 6-й гвардейской танковой армией, наступать в северо-восточном направлении для освобождения Оломоуца. В связи с пражскими событиями задача обеим армиям была изменена, им потребовалась перегруппировка, а освобождение Оломоуца Верховным командованием было поручено частям 4-го Украинского фронта.

Ночь на 9 мая. Братислава

…00 часов 09 минут… Это уже первые минуты 9 мая. Передается оперативная сводка за 8 мая (почему-то с опозданием на девять минут). Записываю на слух.

По 1-му Украинскому фронту — Дрезден взят, в Саксонии — Мюгельн, Ломац, Гебельн, Росвайн, Вильсбрук, Хайтенберг. И перейдя чехословацкую границу — Носх, Духцов, одновременно восточнее Дрездена, Раденберг, Лебау, Рейхенбах; юго-западнее и южнее Бреслау — Штригау, Шрейбург, Отмахау (Отмухов).

По 4-му Украинскому фронту Оломоуц на реке Мораве, Вюрбенталь, Энгельсберг, Бергштадт, Границе, Пршеров.

По 2-му Украинскому фронту — в Чехословакии — Яромержице, Зноймо; в Австрии — Холлабрунн, Штоккерау…

В два часа ночи — Москва, сообщение — долгожданное!.. Бужу шоферов, одеваюсь. Волнуемся. Слушаем, поздравляем друг друга. Выходим на балкон…

Стрельба, ракеты. Ярко освещена четырехбашенная крепость. В окнах темных домов слышны голоса — люди тоже не спят, смотрят на феерически расцвеченное трассирующими и ракетами небо.

Все ясно!.. Теперь — скорей в Прагу! А пока надо унять волнение и непременно хоть немного поспать — ведь и запастись горючим удастся только с рассветом! От Братиславы до Праги примерно 400 километров!»

«В Праге

Под встречными лучами закатного солнца впереди показалась Прага. В ее пригородах мы видим баррикады, разбросанные рогатки колючей проволоки. По шоссе от Ржичаны въезжаем на магистральный, ведущий к центру столицы проспект. Все дома здесь целы, не задеты ни бомбами, ни осколками снарядов. Окна во всех этажах украшены чехословацкими и советскими флагами. Немало и флагов наших союзников. В проходящие

армейские грузовики летят букеты цветов. Вокруг любого останавливающегося на проспекте танка или автомобиля немедленно собираются маленькие митинги.

Вдоль стен домов, пестрящих разноцветьем флагов, плакатов, лозунгов; на подоконниках окон, на балконах, на крышах домов — люди, люди, нарядные, говорливые, радостно кричащие люди… На мостовой, по всей длине Проспекта, они оставляют медленно движущимся машинам только узкий, тесный проезд — все хотят протиснуться ближе.

Не считаясь с густой долгодорожною пылью, с замасленной робой танкистов или артиллеристов самоходных орудий, нарядные девушки в белых кофточках, протягивая огромные букеты цветов, вскарабкиваются на танки, обнимают офицеров и солдат экипажа. И ничуть не смущаются взрывам общего дружного смеха: яркой белизны кофточки насквозь пропитаны, пропечатаны машинным коричневым маслом, а розовощеких, за минуту до этого свежих девичьих лиц уже не узнать. Каждая такая пражанка тоже хохочет, счастливая, и даже не ищет, чем бы обтереть лицо, а пускается в пляс на броне танка и танцует — с изяществом, с грацией юности в тесном кругу танкистов.

Разноголосое, полное жизни, задора, радости пение летит отовсюду, везде гремит бравурная животворная музыка. От нее еще ослепительней кажется солнечный свет!

Наш открытый «хорьх» еле движется, весь охваченный стремящимися пожать нам руку людьми. Длинная мощная машина уже, кажется, не может выдержать завалivших нас цветов, из высокой груды которых торчат только наши головы…

А ведь мы в Праге уже далеко не первые!..

Какое счастье!.. Вот чем так упоительно, так ощутимо, так сердцебиенно завершилась, наконец, тяжкая, мужественно пережитая нами война!

Сплошной чередой, во всю длину проспекта стоит народ, единочувственно славящий своих, успевших прийти вовремя — главное вовремя! — освободителей. Сквозь плотные ряды стоящих проталкиваются дети и женщины, подносят к медленно проезжающим машинам блюда и тарелки с горячей едой, со сластями и кувшины с прохладительными напитками — только возьми, только выпей, хоть попробуй, хоть глоток отпей!

Наздар! Наздар… Руде Армада!..

По своему, по-чешски что-то кричат, но и понимать язык нам не надо, все понятно и так! Россия!.. Красная Армия!.. Советский Союз!.. Любовь и

благодаренье, хвала и великая честь освободителям!..

Ведь сколько ни шло машин — все в цветах, каждый солдат обласкан, дотянуться бы только, прижаться к его плечам! Поднести к нему своего ребенка для поцелуя: пусть увидит малютка, пусть почувствует, пусть запомнит на всю свою жизнь — теперь уже можно не сомневаться — долгую и счастливую… Какая радость!

Пение и музыка никогда не бывали так всеохватны.

Кажется, весь город, как гигантская фантастическая птица, парит на широких, поднимающихся над нашей планетой музыкальных волнах!

Магазины и рестораны открыты. Открыты квартиры. И души людей открыты. Город впервые за долгие годы испытывает великую силу жизни — мирной, свободной, избавленной от тревоги и страха!

Только брусчатка, вытянутая на мостовых и уложенная по переулкам в баррикады, рассказывает о происходивших здесь уличных боях. Въехав в центр города, мы видим, что здесь происходило. На улицах своей столицы восставшие горожане сражались с оккупантами храбро и вдохновенно, как могут драться только свободолюбивые патриоты. Несколько суток подряд, скудно вооруженные или совсем не вооруженные, не обученные, не имеющие боевого опыта, они осмелились выступить против оснащенной всеми видами оружия армии головорезов. Пятьдесят, сто чехов против тысячи немцев! Те били восставших тяжелой артиллерией, давили танками, засыпали с небес авиабомбами. Огромный дом против городского музея разрушен, завалил обломками весь край площади. Дальше по «Вацлавске на месте» — широкой богатой улице, еще немало домов разбито, превращено в руины. Эти завалы прохожие огибают осторожно, внимательно их разглядывают, посылая проклятия фашистам.

Но дальше весь город невредим, за разбитыми окнами огромного ресторана гремит музыка, все столики заняты посетителями, проводящими свое время по-праздничному.

Везде разговоры о том, что при спасении Праги Красная Армия — Руде Армада еще раз проявила свое умение наносить врагу внезапные уничтожающие удары, искусство вести маневренные бои в чрезвычайно сложных условиях местности, изобилующей многими естественными препятствиями, огражденной рассчитанными на длительное сопротивление инженерными сооружениями.

Это — так! В своем сверхстремительном марше наши войска наступали одновременно с трех сторон света: с севера, востока и юга, и сошлись в освобожденной столице в один день, как по расписанию, и, главное, повторяю — вовремя, вовремя!.. Нам есть чем гордиться. Все, кто

честен и прям, воздают нам хвалу по заслугам!

Офицеры, с которыми мы нынче обедаем, отдыхаем, беседуем, рассказывают — каждый о марше своего соединения и о себе.

* * *

Перед решающим ударом утром 6 мая за Эльбой мелкие группы советских разведчиков прощупывали вражескую оборону. Огнем всех видов нашей артиллерии были подавлены вражеские батареи, разрушены укрепления противника. Вслед за этим двинулись вперед наши моторизованные части. Немцы вынуждены были отступать, но продолжали вести оборонительные бои. Особо острым характером эти бои отличались северо-западнее Дрездена.

* * *

Расширяя фронт наступления на восток и на запад, соединения Красной Армии продолжали двигаться на юг вдоль западного берега Эльбы. К середине дня в полосу прорыва вступили гвардейские танковые части генерал-полковника Лелюшенко и генерал-полковника Рыбалко. Огнем и гусеницами они расчищали путь нашим основным наступающим силам. Опрокидывая сопротивлявшиеся гитлеровские дивизии, танкисты к исходу дня прошли 23 километра.

На следующий день наши части с севера атаковали город Дрезден — важный узел дорог и мощный опорный пункт обороны немцев в Саксонии. В это же время развернулись бои за крупные опорные пункты противника — города Герлиц, Бауцен и другие. В результате упорных боев, переросших в штурм Дрездена, танкисты разгромили группу танков противника и ворвались в западную окраину города. Почти одновременно его северной частью овладели другие наши соединения. Немецкий гарнизон, обороняющий Дрезден, был разгромлен, и город перешел в наши руки.

* * *

События развивались в быстром темпе. Южнее Дрездена советские танкисты, артиллеристы, пехотинцы вступили на территорию

Чехословакии и устремились к Праге.

В глухую полночь наши подразделения внезапно атаковали сильно укрепленные опорные пункты противника и в скоротечном бою овладели ими. Ожесточенные схватки вспыхнули за высоты, на которых укрепились гитлеровцы. Все подступы к ним немцы простреливали массированным огнем. Одновременными атаками с разных направлений немцы были выбиты с высот, а затем в последующих боях полностью уничтожены.

Борьба за чехословацкую столицу вступила в завершающую фазу. Это был самый трудный период боев. Танковые соединения, достигнув полосы Рудных гор, шли по чрезвычайно узким дорогам, которые были загромождены завалами и минными полями. Отступая к Праге, гитлеровцы хотели превратить ее в арену боев. Рассекая боевые порядки противника, наши подвижные части продолжали наступление и в ночное время, стремясь как можно быстрее освободить Прагу, спасти от истребления ее восставших жителей.

В результате стремительного ночного маневра танковых соединений и пехоты сопротивление противника было сломлено… В 4 часа утра 9 мая танки армий Лелюшенко и Рыбалко ворвались в столицу Чехословакии и после шестичасового боя полностью освободили ее»[{280}].

*** * ***

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА 25-го ТАНКОВОГО КОРПУСА ВОЕННОМУ СОВЕТУ 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА О ПЛЕНЕНИИ КОМАНДУЮЩЕГО РОА ВЛАСОВА А.А.

май 1945 г.

«1. 25-й танковый корпус, действуя из района Горжовице, что западнее Праги, на юг и юго-запад с задачей: преследовать отходящего противника разгромленных войск СС и частей РОА Власова, к 12.00 11 мая передовым отрядом вышел на западную окраину г. Клатови, главными силами в район г. Непомук. Выйдя в указанные районы, корпус глубоко вклинился в расположение американских войск, тем самым создал затруднительную обстановку противнику, который имел намерение обойти наши части и сдаваться в плен американским войскам.

Дальнейшее продвижение корпуса было приостановлено ввиду того, что командование американских частей считало указанные районы своим рубежом.

После встречи с американскими частями я решил остановить корпус и на основных направлениях и узлах дорог выставить засады, пикеты, вести разведку с задачей: в случае обнаружения частей СС и власовцев уничтожить и пленить.

2. Проведенной разведкой в районе Бржезнице и западнее, а также из опросов захваченных власовцев стало известно, что в данном районе находится 1 -я дивизия Власова под командованием бывшего генерала Буняченко и штаб Власова во главе с ним.

Имея такие данные, я поставил перед командованием 162 тб задачу во чтобы то ни стало найти и пленить Власова. А в том случае, если он окажется в расположении американских частей, то украсть Власова.

Имея эту задачу, части производили поиски штаба дивизии и Власова.

3. 11 мая 1945 г. 162 тбр, который командует полковник Мищенко, установлено, что в Брежи и окрестностях Брежи находится 1-я власовская дивизия и ее штаб.

В 16.00 12 мая 1945 г. полковник Мищенко поставил задачу командиру механизированного батальона 162 тбр капитану Якушеву выехать в расположение 1-й дивизии РОА и взять в плен Власова с его штабом и командиром дивизии Буняченко.

Южнее 2 км Брежи капитан Якушев встретил командира 2-го батальона 3-го полка 1-й дивизии РОА капитана Кучинского, который указал, что впереди следует колонна легковых автомашин со штабом дивизии, где находится и сам Власов.

Капитан Якушев на машине обогнал колонну и машиной загородил дорогу.

В первой остановленной машине был обнаружен командир дивизии Буняченко, которому тов. Якушев предложил следовать за ним, но Буняченко категорически отказался.

В это время власовец Кучинский сообщил капитану Якушеву, что в этой же колонне находится Власов.

4. После первого осмотра тов. Якушев не обнаружил Власова, но один из шоферов колонны показал машину, в которой находился Власов.

Подойдя к машине Власова, тов. Якушев обнаружил прикрывшегося одеялом и заслоненного сидевшими в машине переводчиком и женщиной Власова.

На приказание тов. Якушева сойти с машины и следовать за ним в штаб 162 тбр Власов отказался, мотивируя свой отказ тем, что он едет в штаб американской армии и находится в расположении американских войск.

Только под угрозой расстрела тов. Якушев заставил сесть в машину Власова. В пути Власов делал попытку выпрыгнуть из машины, но был задержан.

Следуя в расположение штаба бригады, тов. Якушев встретил командира бригады тов. Мищенко. Тов. Якушев передал Власова полковнику Мищенко.

Власов в разговоре с тов. Мищенко снова заявил, что должен ехать в штаб американской армии. После краткого разговора тов. Мищенко в 18.00 12 мая доставил Власова ко мне.

5. После опроса и разговора с Власовым я предложил ему написать приказ всем частям о сдаче оружия и переходе на нашу сторону.

Власов дал согласие и тут же собственноручно написал приказ.

Приказ Власова был отпечатан в 4-х экземплярах и снова подписан Власовым.

О пленении Власова немедленно донес командующему 13-й армией и в штаб фронта.

В 22.00 12 мая 1945 г. Власов в сопровождении начальника штаба 25 тк полковника Зубкова и начальника контрразведки СМЕРШ подполковника Симонова был направлен в штаб 13-й армии, где был 13 мая

передан в отдел контрразведки СМЕРШ 13-й армии.

Через 2 дня 15 мая был взят командир 1-й дивизии Буняченко, начальник штаба дивизии Николаев, офицер по особым поручениям Ольховик, личный переводчик Власова Весслер.

6. В результате пленения Власова 13 и 14 мая 1945 г. разоружена 1-я дивизия в количестве 9 тысяч человек.

Взято 5 танков, 5 самоходных орудий, 2 бронетранспортера, 3 бронемашины, 30 автомашин легковых, 64 автомашины грузовые, 1378 лошадей.

Командир 25-го танкового корпуса гвардии генерал-майор т/в. Фоминых

Начальник штаба полковник Зубков»[{281}].

*** * ***

ЯКУШОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

«Родился 15 января 1922 г. в Орловской области, Новосильском районе, в деревне Тюково. По национальности — русский, по вероисповеданию — православный. Беспартийный.

До войны окончил: в 1939 г. — школу (10-й класс) и в 1941 г. — военное пехотное училище. После войны в 1954 г. окончил Военную академию тыла и снабжения (г. Калинин).

Я узнал о начале войны 22 июня 1941 г. при окончании военного училища на должности командира пулемётного взвода в звании лейтенант. Начал участвовать в боевых действиях по призыву. В пункт формирования соединения (379-я стрелковая дивизия) прибыл 18 июня 1941 г. Место формирования соединения — Краснянские лагеря имени Ворошилова (Украина). Соединение было отправлено на фронт в тот же день (18 июня), так как фронт располагался рядом. В составе 379-й стрелковой дивизии я начал свой боевой путь, на должности командира взвода, имел звание лейтенант.

Мой боевой путь: Краснянские лагеря им. Ворошилова (18.06.41—7.07.41); госпиталь в Белгороде (31.07.41—12.09.41); Обучение в г. Кыштым (11.41— 02.42); Калининский фронт (02.42—03.42); госпиталь около Калинина (21.03.42—25.04.42); Воронежский фронт; госпиталь в Пензенской области (конец лета 1942 г. — 09.42); Ульяновское училище (09.42—02.43); г. Тула (02.43); Окрестности г. Орёл (08.43—19.11.43); Киев; г. Новоград-Волынский (3.01.44); ж.д. ст. Шепетовка (3.02.44); г. Дубно

(9.02.44); г. Броды; г. Дембове; н.п. Рава Русская (20.07.44); н.п. Адымно; г. Красно; г. Дукля; перешли реку Одер (январь 1945 г.); г. Котбус (22 апреля 1945 г.); пригороды Берлина (апрель 1945 г.); Тольгейм; Раковник; Добржиш.

В 379-й стрелковой дивизии служил до 20 июля 1941 г. В этот день я получил осколочное ранение средней тяжести в левую руку и 31 июля был доставлен в город Белгород в госпиталь № 1923. 12 сентября был выписан и направлен на службу в Горьковскую область на должность заместителя командира стрелковой роты (лыжной роты). В ноябре 1941 г. был направлен учиться на курсы «Выстрел» в город Кыштым. После окончания обучения в феврале 1942 г. меня отправили на Калининский фронт на прежней должности, в звании лейтенант. В марте 1942 г. я был ранен в бою и направлен в госпиталь № 1105 в деревню Черногубово недалеко от города Калинина. В апреле, после выписки, меня назначили на новую должность — старший адъютант батальона автоматчиков — и присвоили звание «старший лейтенант». Отправили в 145-й запасной полк. В нём я прослужил несколько дней, после чего был переведён в 62-ю танковую бригаду 7-го танкового корпуса. Корпус был перевезен по железной дороге на Воронежский фронт (станция Елец). Сразу после разгрузки вступили в бой. Были тяжелые танковые бои. То мы отходили, то немцы. В течение двух дней ожесточенных боев, иной раз переходивших в рукопашную схватку, бригада уничтожила до 900 немецких солдат и офицеров, 12 танков и около 20 пулеметов. Там я получил осколочное ранение и был направлен в госпиталь в Пензенскую область. Пролечился более месяца, и с сентября 1942 г. по февраль 1943 г. занимался обучением курсантов в Ульяновском пехотном училище на должности заместителя командира роты курсантов. После училища, в феврале 1943 г., я был переведен в 20-ю мотострелковую бригаду на должность заместителя командира батальона. Бригада на тот момент находилась в Туле. В это же время в Тулу прибыл 25-й танковый корпус. До этого он вел боевые действия у населенных пунктов Михайловка, Лукашев (в районе Павлограда) и был отправлен в Тулу по железной дороге для того, чтобы привести себя в порядок и восполнить потери личного состава. В Туле нашу 20-ю мотострелковую бригаду включили в состав 25-го танкового корпуса.

Доукомплектованный 25-й танковый корпус имел в своем составе: 162-ю танковую бригаду, 175-ю танковую бригаду, 20-ю мотострелковую бригаду, минометный полк, артиллерийский полк, разведывательную роту, батальон связи.

После приведения в готовность наш корпус был направлен через

населенный пункт Сухиничи к Орловской области, где мы приняли участие в Орловской операции в августе 1943 г. После прорыва немецкой обороны пошли на формирование (пополнение потерь личного состава). Во время формирования я был переведен из мотострелковой бригады в 162-ю танковую бригаду. После этого, 19 ноября 1943 г., весь корпус был отправлен по железной дороге на Украинский фронт в Киев. Прибыли в город, разгрузились и на второй день после разгрузки вступили в бой. Прорвав оборону немцев, с боями пошли на город Малин. До этого все бригады 25-го танкового корпуса шли сгруппированно, а начиная с этого города наш корпус стал периодически рассредотачиваться и собираться вновь воедино. После разделения в Малино наша 162-я бригада пошла на город Коростень. Продвигались с боями, немцы отходили. 3 января 1943 г. бригада подошла к городу Новоград-Волынский и была направлена через населенный пункт Полонное на железнодорожную станцию Шепетовка, захваченную немцами. Там был короткий, но тяжелый бой (3—4 дня). Было побито много наших танков, и погибло много солдат. Но немцы, понеся большие потери, отступили. Оборона была прорвана. После сражения 162-ю танковую бригаду направили в бой в населенный пункт Малая Роща, занятый врагом. Немцы быстро отходили, бригада наступала.

В результате оборона фашистов была прорвана без значительных потерь с нашей стороны. Наши танки продвигались с боями дальше, через город Ровно до города Дубно, куда прибыли примерно 9 февраля 1944 г., и прорвали еще одну немецкую оборону. Пошли боевым маршем на Луцк. Южнее Луцка прорвали оборону немцев и двинулись на юг в направлении города Броды, где приняли еще один бой. Затем были направлены на город Дембове. Между г. Дембове и г. Стояно прорвали оборону немцев, и 18 июля 1944 г. перешли вброд реку Западный Буг в районе населенного пункта Рава Русская. В районе н.п. Адымно перешли вброд реку Сан и дошли до Карпат, в город Красно. Этот город был занят немцами. Когда мы рано утром вошли в город, немцы еще спали. Поняв, что город занят русскими, ударились в истерику, прыгали из окон. После города Красно с боями двинулись на город Дукля. В бою на Дуклинском перевале я получил осколочное ранение. Там мы вновь встретились с бригадами ранее рассредоточенного 25-го танкового корпуса и, соединившись в единый «кулак», двинулись на Сандомирский плацдарм. Весь дальнейший путь бригады 25-го корпуса шли сгруппированно и больше не рассредотачивались. Перешли реку Висла (вброд, и по построенным мостам). В районе г. Луковица пересекли границу Польши с Россией и у города Раков прорвали оборону немцев, составленную из общевойсковых

соединений.

Дальше двинулись с боями через г. Кельце, Пиотурков, Вадлев, Варто, Калиш, пересекли границу Германии с Польшей и в январе 1945 г. в районе н.п. Гулач перешли реку Одер. Пошли в город Глагау, где были сильные танковые и общевойсковые бои. Далее через Перейферхан, Тальгейм с боями 22 апреля 1945 г. прорвались в город Котбус. Между Тальгеймом и Котбусом прорвали оборону немцев (апрель 1945 г.). С боями двинулись на Берлин. В сам город не заходили. В апреле, когда мы находились в пригороде Берлина, танковый корпус повернули на Чехословакию. С боями прошли через города: Грос Крауснит — Лештен — Тольгейм, после Тольгейма прорвали оборону пересекли границу Германии с Чехословакией, прошли через города Хомутов — Раковник, путь окончили около Праги. На тот момент я имел звание капитан.

Военные боевые действия закончил 15 мая 1945 г. в районе места Брежи в составе 162-й танковой бригады под командованием полковника Мищенко, находящегося на должности командира 162-й танковой бригады. В конце войны командиром корпуса был генерал-лейтенант Фоминых Евгений Иванович.

Возвращался с войны по следующему пути: из Чехословакии в июле 1945 г. был направлен в Германию в составе 162-й танковой бригады. Там прослужил до 1947 г. в звании капитана. После этого уехал в Ленинград.

Демобилизовался по болезни 13 октября 1971 г. в звании полковника. После демобилизации был трудоустроен.

Погибших на войне родственников нет.

После войны остался жив брат. Звание — старший сержант. Награжден орденом Славы третьей степени и орденом Красной Звезды.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений не имею.

Обо мне была опубликована статья «Как я выкрал генерала Власова» в газете «Аргументы и факты» за май 1996 г. Записал Павел Аптекарь. Текст этой статьи приведен ниже.

Награжден:

Медалью «За отвагу» (№ 386086). Первая моя награда. Был награжден за произведенную разведку боем в районе населенных пунктов Большие Верейки, малые Верейки (рядом с Воронежем). Разведку выполняла группа из 20 человек, набранных из 62-й танковой бригады седьмого танкового корпуса. При наступлении на деревню, занятую немцами, мы взяли в плен 6 немецких солдат и одного офицера и привели их в штаб танкового корпуса. На тот момент этим корпусом командовал генерал Ротмистров.

Командиром нашей бригады был подполковник Баскаков.

Орденом Отечественной войны второй степени (№ 28921) за участие в Орловской операции в августе 1943 г.

Орденом Красного Знамени (№ 131640) за участие в тяжелых боях в Карпатах (Дуклинский перевал, н.п. Це-хани, г. Красно, н.п. Лыса Гора).

Орденом Александра Невского (№ 28975) за умелое руководство боевыми подразделениями при освобождении территории Украины (от Киева до Польши), в том числе в боях в Новоград-Волынском, в боях на железнодорожной станции Шепетовка. В районе Шепетовки штабы двух наших батальонов, разместившихся на ночь в двух домах после прибытия, были подвергнуты ночной бомбардировке. Один из домов был разрушен. Погибло 12 офицеров и солдат.

Орденом Суворова второй степени (№ 1751) за пленение изменника Родины генерала Власова.

Медалью «За боевые заслуги» (без номера).

Орденом Отечественной войны первой степени (№ 1462919).

Всеми наградами был награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР. Указы подписал Секретарь Президиума Верховного Совета СССР. Орденом Отечественной войны первой степени был награжден 11 марта 1985 г.

Ранения:

20 июля 1941 г. получил слепое осколочное ранение верхней трети левого предплечья. Лежал в госпитале ЭГ-1923 (город Белгород) с 31 июля 1941 г. Из него выбыл по окончании лечения 12 сентября 1941 г. в часть.

6 марта 1942 г. получил слепое осколочное ранение левого плеча с повреждением кости. Лежал в госпитале ЭГ-1105 с 21 марта 1942 г. по 25 апреля 1942 г. После лечения был направлен в 145-й запасной полк.

В конце лета 1942 г. на Воронежском фронте получил осколочное ранение в правую ногу. Был направлен на лечение в госпиталь в Пензенскую область. После выздоровления был направлен в Ульяновское пехотное училище для обучения курсантов.

В Карпатах на Дуклинском перевале я получил осколочное ранение. Наступление на немцев проходило в лесу. Я стрелял из автомата. Внезапно из-за ствола дерева выскочил немец и бросил гранату в мою сторону. Я попытался уйти от нее, но граната взорвалась, задела меня осколками. В госпиталь меня не направили, и я лежал в 232-м медико-санитарном батальоне 25-го танкового корпуса»[{282}].

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА 4-й ТАНКОВОЙ АРМИИ ГВ. ПОЛКОВНИКА КЛАДОВОГО ОТ 18 МАЯ 1945 г. ОБ ОТНОШЕНИЯХ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ К НЕМЦАМ

«За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах.

В районе гостиницы гор. Прага чехословацкие патриоты, собрав группу до 30 немцев, принимавших участие в подавлении восстания, заставили их лечь на дорогу лицом вниз и каждого из них, кто пытался поднять голову, избивали палками. Продолжалось это в течение 40 минут. После чего немцы были выведены за город и там сожжены на кострах.

Встречая наши передовые танки, чехи на центральной улице г. Прага выстроили большую группу немцев, предварительно нарисовав на лбу каждого из них фашистскую свастику. При подходе танков заставили немцев стать на колени, а затем лечь лицом вниз.

Поймав кого-либо из руководителей гитлеровской клики г. Прага, чехословацкие патриоты обычно раздевали их до пояса, обмазывали краской, заставляли в таком виде работать по исправлению мостовой, разборке баррикад, при этом нередко избивали.

10 мая в Праге было задержано четыре немецких солдата, которые, укрываясь на чердаке здания, продолжали убивать снайперским огнем военнослужащих Красной Армии и жителей города. Задержанные немцы были тотчас же подвешены за ноги на столбах, облиты бензином и сожжены.

В районе техникума жители города, раздев по пояс 15 немок и вымазав их краской, заставили работать по исправлению мостовой, при большом скоплении народа. После этого немки были выведены за город и расстреляны.

На восточной стороне города в одном из дворов было расстреляно до 100 немцев. Расстрел производили в одиночку из мелкокалиберной винтовки.

На улице Народная в течение 9 и 10 мая можно было нередко видеть, как чешские патриоты избивали немцев палками, обливали холодной водой и применяли другие пытки.

На этой улице 5 немцев в форме СС были поставлены на колени, на головах у каждого из них лежало по камню. К этим немцам поочередно подходили дети, женщины, мужчины и ударяя палкой по камням, лежавшим на голове провозглашали «Хайль Гитлер».

Другая группа немцев в количестве 9 человек (7 мужчин и 2 женщины) были раздеты жителями города, избиты и затем с подтянутыми кверху руками проведены вдоль улицы при большом скоплении населения.

На этой же улице были сожжены подвешенные на столбах за ноги два гестаповца. Около их трупов была вывешена надпись: «За убийство и смерть наших братьев».

Подобные факты можно было встретить не только в г. Праге, но и в других городах и населенных пунктах Чехословакии.

В селе Родошовицы в момент, когда чехи конвоировали в плен немцев, одна из женщин, подбежав к немцам, с возгласами проклятия стала избивать их. Глядя на нее, это же делали и другие. Так были избиты до синяков почти все находившиеся в колонне пленные немцы.

В г. Мост группа чехов совместно с русскими, освобожденными из лагеря военнопленных, начальника лагеря убили палками.

В с. Лушка с приходом наших частей чехи выгнали всех проживавших здесь немцев (290 чел.), а оставшееся их имущество конфисковали.

В г. Рыжичаны все ранее проживавшие немцы были также согнаны в одно место. У каждого из них чешские патриоты выстригли на голове по клочку волос и после этого под конвоем отправили в Германию.

В 13 км от населенного пункта Мшец чехословаками был пойман полковник СС. После длительных пыток они повесили его за ноги на дерево и сожгли, предварительно вырезав на спине его фашистскую свастику.

Все эти факты не единичны. Почти в каждом случае в расправе над немцами принимало участие много населения.

Интересно отметить такой факт, что в ряде мест г. Прага в первые дни освобождения можно было видеть висящие на чем-либо портреты Гитлера с перевязанной вокруг шеи веревкой. На одной из улиц города был повешен на веревке металлический бюст Гитлера, и около него лежала палка. Каждый мимо проходящий чех ударял палкой по этому бюсту и плевал в него.

Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которую питает

чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления.

Житель г. Прага доктор Кот говорит:

«Немцы угнетали чехословацкий народ в течение шести лет. За четыре дня до прихода Красной Армии в Прагу они учинили массовые расстрелы мужчин и женщин. Даже детей на глазах у родителей вешали на специальных крючках или же ставили в ряд и давили гусеницами танков».

Житель города Кладно Вецлов Гольман говорит: «С приходом немцев над нами нависла темная ночь. Издевались они над нами как хотели. Все эти 6 лет продолжалось массовое истребление чехов. Немцы относились к нам хуже чем к скоту. Был установлен голодный паек в 130 гр. хлеба на человека, а работать заставляли по 12 часов в сутки. Кто отказывался от работы отправляли в концлагеря».

Учительница Карла Проханова говорит: «Немцы закрыли все наши учебные заведения. Студенты в массовом количестве арестовывались и направлялись в Германию. Дальнейшая судьба их не известна. Были закрыты также все чешские начальные школы. Лекарство из аптек разрешалось отпускать только немцам. Больницы не работали».

Подобные высказывания чехословаков встречаются повсеместно.

Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами.

П/п Начальник Политотдела 4 ТА Гвардии полковник — Кладовой

Верно: Начальник отделения информации

Оргинструкторского отдела ГЛАВПУРККА / Леонов/»[{283}].

ПРИКАЗ ВГК ОТ 9 МАЯ 1945 ГОДА № 369

«О победоносном завершении Великой Отечественной войны и безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил

По войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту

8 мая 1945 г. в Берлине представители Верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

8 ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

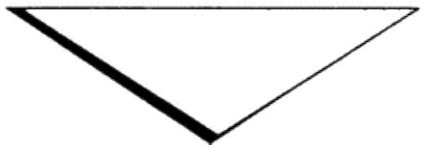
И. СТАЛИН

9 мая 1945 г.»[{284}].

*** * ***

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

«Государство, существовавшее в Центральной Европе с 28 октября 1918 по 31 декабря 1992. Население — 15,4 млн. человек (1983). Плотность населения: 121 человек на 1 кв. км. Самая высокая точка: пик Герлаховски-Штит, 2655 м. Официальные языки — чешский и словацкий. Основная религия — католичество. Административно-территориальное деление: 10 областей, столица Прага. Денежная единица: чехословацкая крона = 100 геллеров. Национальный праздник: День образования Чехословацкой Республики (ЧСР) в 1918-м —28 октября. Национальный гимн: «Где моя Родина?» ЧСР образовалась в результате распада Австро-Венгерской империи, 9 мая 1948-го была провозглашена народно-демократической республикой, а 11 июля 1961-го стала называться Чехословацкой Социалистической Республикой (ЧССР). С 1 января 1969-го — федеративное государство, состоявшее из двух республик: Чешской Социалистической Республики и Словацкой Социалистической Республики. В 1990—1992 гг. — Чешская и Словацкая Федеративная Республика (ЧСФР). В полночь 31 декабря 1992-го государствами-преемниками ЧСФР стали Чешская Республика (ЧР) и Словацкая Республика (СР). Граничила с ГДР, Польшей, СССР, Венгрией, Австрией и ФРГ»[{285}].



ИЛЛЮСТРАЦИИ

Пражские повстанцы в немецком обмундировании и с немецким оружием на одной из уличных баррикад

Пражские повстанцы на одной из улиц города

Пражские повстанцы сооружают баррикаду на подходе к Староместской площади

Бойцы РОА на броне танка

Парад 1-й дивизии РОА в Мюнзингене

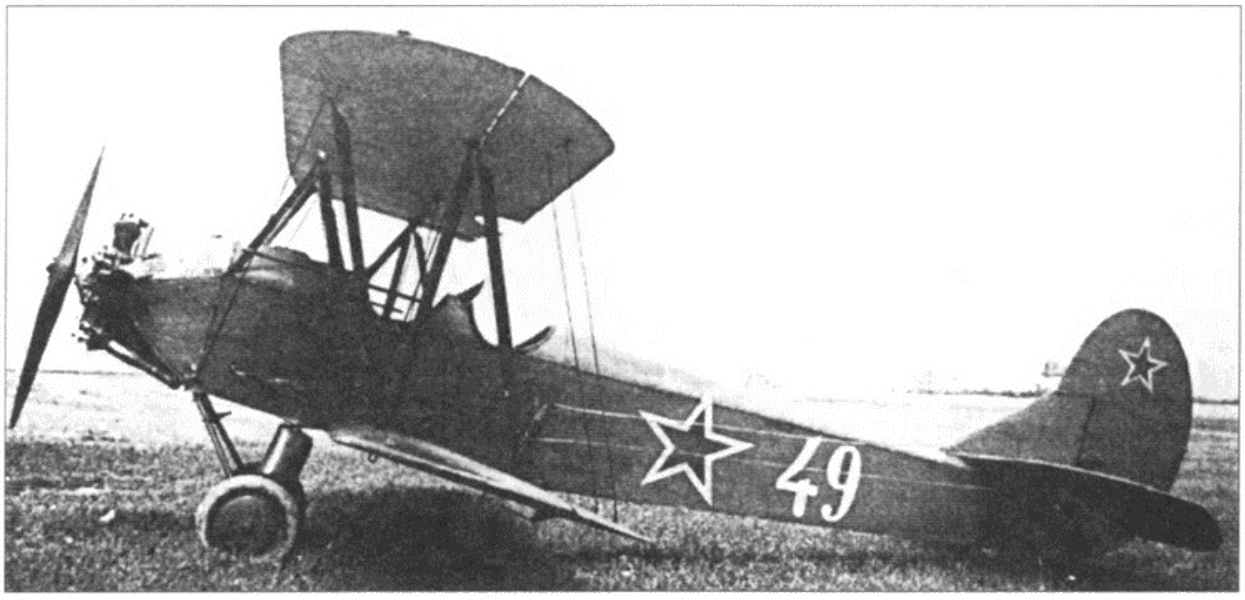
Бойцы РОА в Праге

Бойцы РОА и пражские дети

Солдаты РОА маршируют по одной из пражских улиц

Местные жители встречают советский танк Т-34, вошедший в Прагу

Жители Праги приветствуют И. С. Конева



Советский самолет По-2 на аэродроме под Прагой

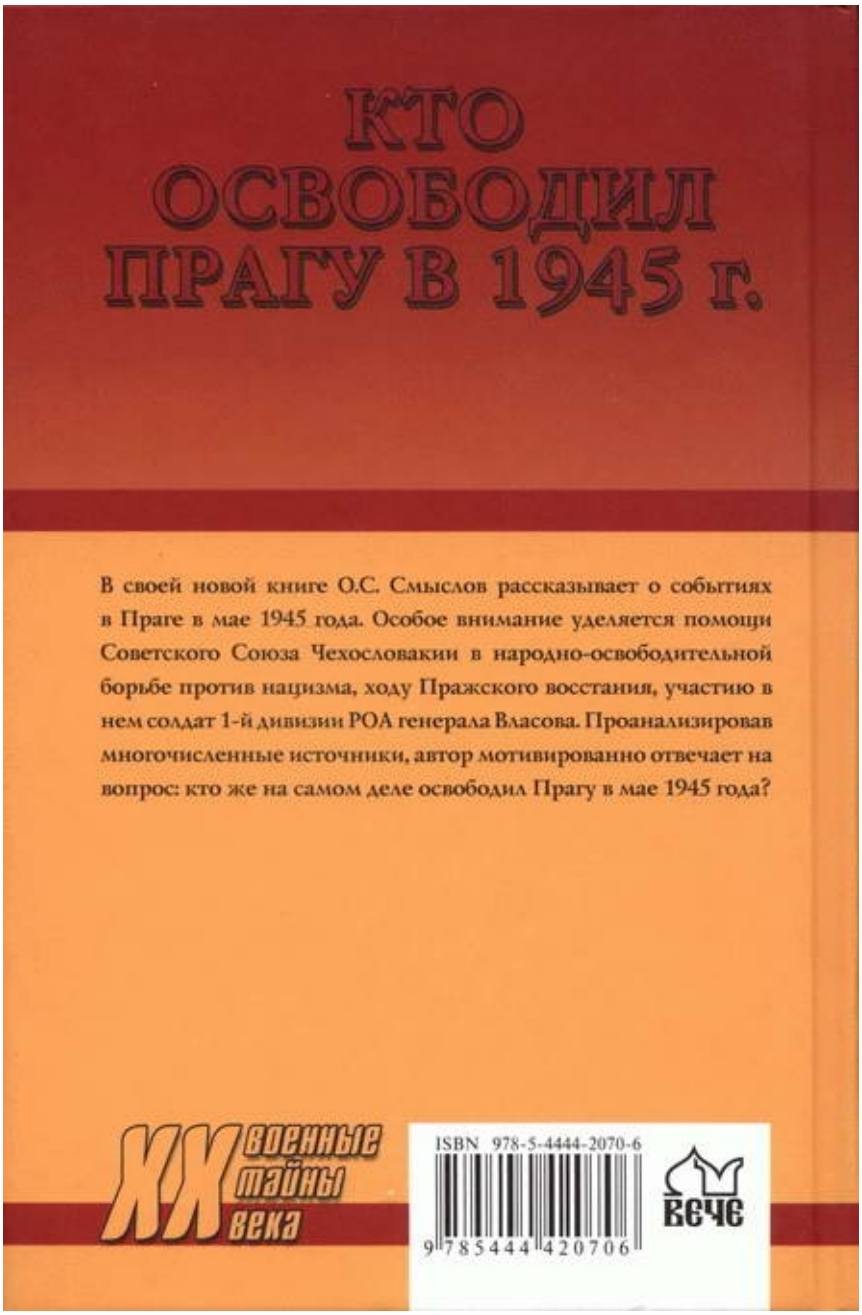
Советские солдаты и офицеры в Праге

Советские солдаты общаются с жителями города

Советский военный оркестр на улице Праги

Могила 187 безымянных бойцов РОА и генералов РОА В. Боярского и М. Шаповалова на Ольшанском кладбище

Могилы советских бойцов, погибших при освобождении Праги. Ольшанское кладбище


КТО ОСВОБОДИЛ ПРАГУ В 1945 г.
В своей новой книге О.С. Смыслов рассказывает о событиях в Праге в мае 1945 года. Особое внимание уделяется помощи Советского Союза Чехословакии в народно-освободительной борьбе против нацизма, ходу Пражского восстания, участию в нем солдат 1-й дивизии РОА генерала Власова. Проанализировав многочисленные источники, автор мотивированно отвечает на вопрос: кто же на самом деле освободил Прагу в мае 1945 года?
ХХ военные тайны века
ISBN 978-5-4444-2070-6
9 785444 420706
ВЕЧЕ

notes

Примечания

1

Бенеш Э. (1884—1948) — чехословацкий государственный деятель. В 1915—1918 — генеральный секретарь Чехословацкого национального совета. С 1918 по 1935 — министр иностранных дел. С 1935 по 1938 — президент Чехословакии. С 1938 проживал в США, профессор Чикагского университета. В 1939 — создал Чехословацкий национальный комитет, а на его основе в 1940 в Лондоне — чехословацкое правительство и государственный совет. Вновь стал президентом республики. После освобождения Чехословакии — президент республики (1946). В 1948 под давлением вышел в отставку.

2

Чатлош Фердинанд (1895—1972) — словацкий государственный деятель, генерал 1-го класса (1939). Участник 1-й мировой войны, командир роты в австро-венгерской армии. В 1918 поступил на службу в чехословацкую армию. С 1925 служил в Министерстве обороны. С 1926 по 1927 — заместитель военного атташе в Будапеште. В 1938 — начальник военной канцелярии правительства автономной Словакии. Один из создателей словацких вооруженных сил. С 1939 — министр обороны словацкого правительства и начальник Генерального штаба. Руководил словацкими войсками, участвовавшими в агрессии против Польши. В 1941 — командовал моторизованной дивизией на советско-германском фронте. В 1947 — приговорен чехословацким судом к 5 годам тюрьмы. В 1948 — освобожден, жил в Мартине.

З

Голиан Ян (1906—1945) — словацкий бригадный генерал, организатор и руководитель Словацкого народного восстания. До 1939 — офицер Чехословацкой армии. До 1943 служил в штабе в Тренчине, затем начальник штаба «Быстрой дивизии». В 1944 — командующий сухопутными войсками. После подготовки плана восстания — военный министр нелегальной Словацкой народной рады. Казнен в концентрационном лагере Флоссенбюрг.

4

Зарубежные высшие военные курсы Белой эмиграции, созданные в 1927 г. военным ученым бывшей Русской императорской армии Н.Н. Головиным как преемники Императорской Николаевской военной академии в эмиграции. Курсы были созданы для обучения военным наукам кадров будущей Русской армии.

5

Эмиль Гаха (1872—1945) — чешский политик правой ориентации, юрист, с 1938 — президент Чехословакии, с 1939 — президент образованного оккупационными немецкими властями Протектората Богемия и Моравия. В 1945 арестован за сотрудничество с немцами, в ожидании суда умер в заключении; Бинерт Рихард (1881—1949), чешский коллаборационист. В 1918—1924 полицей-президент Праги. В 1924—1929 провинциальный вице-президент. После создания имперского протектората Богемии и Моравии активно сотрудничал с немцами, в 1939—1942 провинциальный президент Чехии. 19.1.1942 назначен министром внутренних дел в правительстве Я. Крейчи, одновременно 12.3.1942 стал еще и заместителем премьер-министра. 19.1.1945 сменил Крейчи на посту премьер-министра правительства имперского протектората Богемии и Моравии, сохранив также и портфель министра внутренних дел. 5 мая протекторат прекратил существование, а Б. был арестован. В 1947 приговорен чехословацким народным судом к 3 годам тюремного заключения; Антигерманское восстание в Праге 5—9 мая 1945 года. АНО «РУНИВЕРС». Интернет.

6

Боевой состав группы армий «Центр» на 12.04.1945 г. 1-я танковая армия: 29-й армейский корпус (корпусные группы 15, 76, 153-й пехотных дивизий, 8-й егерской дивизии), 49-й горнострелковый корпус (3-я горнострелковая дивизия, 320-я народно-гренадерская дивизия, 253-я и 304-я пехотные дивизии, группа «Бадер», 16-я пехотная дивизия (венгерская), 59-й армейский корпус (16-я и 19-я танковые дивизии, 4-я горнострелковая дивизия, 544-я народно-гренадерская дивизия, 715-я пехотная дивизия), 11-й армейский корпус: 68, 158, 371-я пехотная дивизии, 97-я егерская дивизия, 1-я лыжноегерская дивизия), 24-й танковый корпус (10-я танково-гренадерская дивизия, 78-я народно-штурмовая дивизия, 254-я и 344-я пехотные дивизии). 17-я армия: 40-й танковый корпус (20-я танковая дивизия, 45-я и 168-я пехотная дивизии), 17-й армейский корпус (359-я пехотная дивизия, корпусные группы 31-й гренадерской дивизии СС и 269-й пехотной дивизии), крепость Бреслау (8-й военный округ) (609-я дивизия особого назначения, комендатура крепости «Бреслау»), 8-й армейский корпус (17-я и 208-я пехотные дивизии, 100-я егерская дивизия). 4-я танковая армия: 57-й танковый корпус (6, 72, 193, 404, 463-я пехотные дивизии, моторизованная дивизия «Бранденбург», 615-я дивизия особого назначения, корпусная группа 545-й пехотной дивизии, корпусная группа «Мозер», танковый полк «Великая Германия», танковое соединение «Богемия»), 5-й армейский корпус (214, 275, 342-я пехотные дивизии, корпусные группы 35-й полицейской гренадерской дивизии *СС* и 36-й гренадерской дивизии *СС* «Дирлевангер»). *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. Справочник. М., 2002.

---

comments

Ссылки

1

Полевой Б. От Советского информбюро. 1941—1945. Публицистика и очерки тех лет. М., 1982. С. 435—437.

2

Там же. С. 435.

3

Ведомости Верховного Совета СССР. 1945 г. № 34.

Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР. М., 1983.

5

Полевой Б. Там же. С. 437—440.

6

Меленберг А. Двое из двадцати семи миллионов // Новая газета. 5 мая 2005 г.

7

Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР. М, 1983.

8

Смирнов К. Почему Советская армия Будапешт взяла, а Варшаву освободила? // Техника — молодежи. 2010 г. № 5.

9

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Книга вторая. М., 1985. С. 295—296.

10

Там же. С. 296.

11

Там же. С. 297.

12

Там же. С. 297—299.

13

Там же. С. 301—302.

14

Стенин А. А. В совместной борьбе за свободу. Киев, 1990.

15

Колпакиди А. Украинские чекисты в годы войны. Одна Родина, 29 июня 2013 г.

Сервер А. Маршал с Лубянки. М., 2008.

17

Шукаев М. Партизанская война на Украине. Дневники командиров партизанских отрядов и соединений. 1941— 1944. М., 2010.

18

Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Том 1. М., 1987.

19

Усманов Э. Фронт в тылу врага. Республика Башкортостан. № 9. 20 января 2010 г.

20

Штеменко С.М. Там же. С. 302—303.

21

Там же. С. 303.

22

Штеменко С.М. Там же. С. 303—304.

23

Штеменко С.М. Там же. С. 304—305.

24

История Второй мировой войны. Том 9. М., 1978.

25

Поп И.И. Чехословакия — Советский Союз, 1941— 1947 гг. М, 1990.

26

История Второй мировой войны. Там же.

27

Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., 1984.

28

Закатнова А. Не забывать. Спикер Госдумы выступил против спекуляции истории // Российская газета. 30 августа 2013 г. №6169.

29

Коваленко Е. Главная дата Словакии. Словацкое национальное восстание: 68 лет спустя. Частный корреспондент. 19 сентября 2012 г. Интернет.

30

Там же.

31

Там же.

32

Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было, или история власовского предательства // ВИЖ. 1991 г. №7. С. 19.

33

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. СПб., 2001. С. 46.

34

Там же. С. 48—52.

35

Там же. С. 49.

36

Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941—1945. Из коллекции ЦАМО РФ. М., 2004. С. 416.

37

Александров К.М. Там же. С. 48.

38

Там же. С. 48.

39

Александров К.М. Офицерский корпус генерал- лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. М., 2009. С. 218—220.

40

Александров К.М. Там же. С. 229.

41

Александров К.М. Пражское восстание 5—8 марта 1945 г.: вооруженная борьба и политика // Новый исторический вестник. 2010 г. № 25. С. 27.

42

Александров К.М. Офицерский корпус генерал- лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. М., 2009. С. 657—658, 661.

43

Александров К.М. Офицерский корпус генерал- лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. М., 2009. С. 156—157.

44

Там же. С. 149—151.

45

Там же. С. 721—723.

46

Там же. С. 738.

47

Там же. С. 579—581.

48

Там же. С. 412—414.

49

Там же. С. 338—340.

50

Фрелих С. Генерал Власов: русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Кельн, 1990. Военная литература. Интернет-версия.

51

Там же.

52

Там же.

53

Там же.

54

Там же.

55

Там же.

56

Артемьев В.П. Первая дивизия РОА: Материалы к истории освободительного движения народов России (1941—1945). Лондон (Канада), 1974. С. 38—39.

57

Ауски С.А. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982. Военная литература. Интернет-версия.

Артемьев В.П. Там же. С. 41.

59

Там же. С. 48.

60

Там же. С. 54.

61

Там же. С. 54.

62

Там же. С. 54.

63

Ауски С.А. Там же.

64

Там же.

65

Артемьев В.П. Там же. С. 55.

66

Ауски С.А. Там же.

67

Артемьев В.П. Там же. С. 57.

68

Ауски С.А. Там же.

69

Александров К.М. Боевые действия на Одерском плацдарме «Эрленгоф» 13—14 апреля 1945 г.: последние залпы Гражданской войны? // Грамота. 2011 г. № 4. Ч. 1. С. 11.

70

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 348. Л. 4—5.

Дичбалис С. Зигзаги судьбы. М., 2003.

72

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1977; ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 170. Л. 32.

73

ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1114. Л. 28, 30.

74

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 613. Л. 125, 125 об.

75

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 613. Л. 126, 126 об.

76

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 6.

77

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 7.

78

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 12.

79

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 13.

80

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 14.

81

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 17.

82

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 19.

83

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 22.

84

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 26.

85

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 33.

86

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 52.

87

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7227. Л. 52.

88

Ауски С.А. Там же.

89

Там же.

90

Там же.

91

ЦАМО РФ. Ф. 2352. Оп. 1. Д.167. Л. 123—124 об.

92

Фрелих С. Там же.

93

Александров К.М. Боевые действия на Одерском плацдарме «Эрленгоф» 13—14 апреля 1945 г.: последние залпы Гражданской войны? // Грамота. 2011 г. № 4. Ч. 1. С. 15.

94

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 20902сс. Д. И. Л. 1—4.

95

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 20902сс. Д. И. Л. 6—10.

Артемьев В.П. Там же. С. 58.

97

Ауски С.А. Там же.

Артемьев В.П. Там же. С. 60.

99

Гончаров В. Битва за Берлин. Завершающее сражение Великой Отечественной войны. М., 2008.

100

Артемьев В.П. Там же. С. 60.

101

Ауски С.А. Там же.

102

Артемьев В.П. Там же. С. 64.

103

Там же. С. 67—68.

104

ЦА ФСБ РФ. Н-19711. Л. 41—44. Тайны дипломатии Третьего рейха. 1944—1955. М., 2011; *Бидерман Г.* В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. М., 2005.

105

Ауски С.А. Там же.

106

Артемьев В.П. Там же. С. 70.

107

Ауски С.А. Там же.

108

Там же.

109

Артемьев В.П. Там же. С. 84.

110

Ауски С.А. Там же.

111

Там же.

112

Там же.

113

Марьина В. Кто и как освобождал Прагу. События апреля—мая 1945 года: документы и факты // Столетие. 1 мая 2010 г. Интернет.

114

Марьина В. Кто и как освобождал Прагу. События апреля—мая 1945 года: документы и факты // Столетие. 1 мая 2010 г. Интернет.

115

Александров К.М. Пражское восстание 5—8 марта 1945 г.: вооруженная борьба и политика // Новый исторический вестник. 2010 г. № 25. С. 25.

116

Шимов Я. Исторические прогулки. Пражское восстание: последние жертвы великой войны. Радио Прага, 26 апреля 2008 г. Интернет.

117

Марьина В. Там же.

118

Шимов Я. Там же.

119

Муратовы А. и Д. Киевский бухгалтер — вождь пражского восстания // Лебедь. 26 мая 2013 г. № 680.

120

Шимов Я. Там же.

121

Александров К.М. Указ. соч. С. 30.

122

Там же. С. 30.

123

Артемьев В.П. Там же. С. 95—96.

124

Александров К.М. Там же. С. 31.

125

Ауски С.А. Там же.

126

Кинщак В. Это было под Прагой // Восточно-Сибирская правда. 19 мая 2001 г.

127

Там же.

128

Окороков А.В. Чехословакия. 1941—1945 гг. Секретные войны Советского Союза. М., 2008 г.

129

Марьина В. Там же.

130

Там же.

131

Дичбалис С. Там же.

132

Александров К.М. Там же. С. 26.

133

Ауски С.А. Там же.

134

Günter Roth / Hans M. Stimpel: Die deutsche Fallschirmtruppe 1936—1945 — Führung in der deutschen Fallschirmtruppe und der Korpsgeist der Fallschirmjager, Verlag Mittler, Hamburg, 2008.

135

Herbert Furbringer, «9.SS-Panzer-Division Hohenstaufen», Edition Heimdal, 1984.

136

Маттсон Г.Л. История второй танковой дивизии СС «Дас Рейх». 1939—1945 = SS-DAS REICH. The history of the second SS division 1939—45. М, 2006.

137

Ауски С.А. там же.

138

Там же.

139

Там же.

140

Там же.

141

Там же.

142

Там же.

143

Там же.

Артемьев В.П. Там же. С. 100.

145

Ауски С.А. Там же.

146

Там же.

147

Там же.

148

Там же.

149

Там же.

150

Артемьев В.П. Там же. С. 104.

151

Ауски С.А. Там же.

152

Ретин Л. Власов-акция. Какую роль сыграли власовцы в освобождении Праги // Красная Звезда. Октябрь 1988 г.

153

Александров К.М. Офицерский корпус генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944—1945. М., 2009. С. 33.

154

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М., 2010. С. 183.

155

Артемьев В.П. Там же. С. 99—100.

156

Ауски С.А. Там же.

157

Там же.

158

Там же.

159

Там же.

160

Там же.

161

Там же.

162

Дитрих В. Бомбардировочная эскадра «Эдельвейс». История немецкого военно-воздушного соединения. М., 2005.

163

Залесский К.А. Люфтваффе. Военно-воздушные силы Третьего рейха. М, 2005.

164

Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии. 1944—1945. М., 2005. С. 255—256. (Гофман — в русском языке эта фамилия передается как Хофман или Гофман с одинарным или удвоенным «н»).

165

Дитрих В. Там же.

166

Тригга А. «Родился я русским, а умру австралийцем» — Посмертное интервью с одним из последних ветеранов РОА Сигизмундом Дичбалисом. Интернет, «Modus Agendi».

Клоков В.И. Советские партизаны. М., 1961.

168

ЦАМО РФ. Ф.15. Оп. 178359. Д. 2. Л. 186—191.

169

Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы МВД СССР, МИД ЧССР. М., 1960 г. С. 275—276.

170

Лота В. Последний бой майора Фомина. Российское военное обозрение. Сентябрь 2007 г. № 9 (44).

171

Там же.

172

Там же.

173

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3757. Л. 52.

174

Лота В. Там же.

175

Клоков В.И. Там же.

176

Гончаренко Н. Бой после Победы // Коммунист (Киев). 5 июля 2007 г.

177

Государственный архив Службы безопасности Украины. Спр. 86751. Т. 46.

178

Мезелев Н.А. Шли по чешской земле партизаны. На земле, в небесах и на море. Сборник первый. М., 1979. С. 301—302.

179

Клоков В.И. Там же.

180

Там же.

181

Там же.

182

Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Там же. С. 267—270.

183

Гончаренко Н. Там же.

184

Александров К.М. Офицерский корпус генерал- лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. М., 2009. С. 175.

185

Там же. С. 813.

186

Там же. С. 824.

187

Государственный архив Службы безопасности Украины. Спр. 86751. —Т.46.

Итоговый доклад по боевой и агентурно-оперативной работе 4-го Управления НКГБ УССР в 1941—1945 гг.

188

Там же.

189

Там же.

190

Суханов О. Операция «Ураган»// Интернет. Мой город. 22 июля 2011 г.; *Кинщак В.* Это было под Прагой. Там же.

191

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Книга вторая. М., 1985. С. 392—394.

192

Там же. С. 394—395.

193

Там же. С. 395.

194

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009.

195

Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 1991 г.

196

Лелюшенко Д.Д. 4-я гвардейская танковая армия в завершающих боях. 9 мая 1945 года. Воспоминания. М., 1970.

197

Там же.

Плиев И.А. Дорогами войны. М., 1985.

199

Там же.

Еременко А.И. Годы возмездия. 1943—1945. М., 1985.

201

Штеменко С.М. Там же. С. 402—404.

202

Там же. 411—412.

203

Горбатов Б. От Советского информбюро. 1941—1945. Публицистика и очерки тех лет. М., 1982. С. 430.

Сандалов Л.М. После перелома. М., 1983.

205

Лелюшенко Д.Д. Там же.

206

Плиев И.А. Там же.

207

Александров К.М. Пражское восстание 5—8 марта 1945 г.: вооруженная борьба и политика // Новый исторический вестник. 2010 г. № 25. С. 37.

208

Лелюшенко Д.Д. Там же.

209

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 804. Л. 34.

210

Бугров Н.М. Освобождение города Праги. От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 1. М., 2003. С. 35—40.

211

Андрианов И.Ф. Летай выше, сынок. М., 2008.

Давтян С. Пятая воздушная. М., 1990. С. 237.

213

Красовский С.А. Жизнь в авиации. М., 1968. С. 317.

214

Рубин Б.А., Киселев В.Д. Восьмая воздушная. М., 1980. С.233.

215

Быков М.Ю. Асы Великой Отечественной. М., 2007 г.; *Бодрихин Н.* Сталинские соколы. М., 1997.

216

Полевой Б. Последний военный репортаж. Подвиг освобождения. М., 1973. С. 411, 414.

217

Там же. С. 415.

218

Там же. С. 416.

219

Там же. С. 422—424.

220

Залесский К.А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. М., 2009.

221

Гончаренко Н. Бой после Победы. Коммунист (Киев), 5 июля 2007 г.

222

Меленберг А. Двое из двадцати семи миллионов // Новая газета. 5 мая 2005 г.

223

Такушевич В. Последний бой, он трудный самый. Дилетант. Интернет.

224

ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 927429. Д. 1. Л. 41.

225

Войтов А.В. О последних днях войны в Чехословакии // Интернет. Солдаты Победы. 22.01.2001 г.

Бойков П.М. На главных направлениях. М., 1984.

227

Артемьев В.П. Там же. С. 106.

228

Капитан П.Н.Б. Последние дни РОА // Наша страна. 1948 г. №1.

229

Артемьев В.П. Там же. С. 106.

230

Капитан П.Н.Б. Там же.

231

Артемьев В.П. Там же. С. 114—115.

232

Там же. С. 121.

233

Там же. С. 122.

234

Гофман И. Там же. С. 324.

235

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. СПб., 2001. С. 117.

236

Колпакиди А.М., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке. М., 2002.

237

Аптекарь П. Как я выкрал генерала Власова // Аргументы и факты. 1996 г. № 19.

238

Александров К.М. Там же. С. 71—72.

239

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 376. Л.56.

240

Кинщак В. Там же.

241

Быченя В. Охота на «Ворона» // Народная газета. Союзное вече. 4.10.2007 г.

242

Там же.

243

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 30. Л. 184.

244

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 2609. Л. 175.

245

ЦАМО РФ. Ф. 3419. Оп. 1. Д. 81. Л. 36.

246

Антигерманское восстание в Праге 5—9 мая 1945 года. Интернет. АНО «Руниверс».

247

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2007.

249

Александров К.М. Мифы о генерале Власове. М., 2010 г. С. 183.

250

Скиба В. Ольшанское кладбище. Прага, русская Прага; Ольшанское кладбище. Некрополь эмиграции //Интернет; *Мошков Я.* Островок Русской России в Чехии // Русские новости. 9 мая 2010 г.

251

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 594259. Д. 26. Л. 84.

252

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 870. Л. 348.

253

ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 927429. Д. 1. Л. 9.

254

ЦАМО РФ. Ф. 58. А-38849. Д. 9. Л. 14.

255

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 779. Л. 50.

256

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 782. Л. 287.

257

ЦАМО РФ. Ф. 58. А-38849. Д. 9. Л. 2.

258

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 779. Л. 35.

259

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 830. Л. 231.

260

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 830. Л. 231.

261

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2516. Л. 159; Ф. 58. Оп. 927429. Д. 1.Л. 8.

262

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 846. Л. 15 об.

263

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 846. Л. 15.

264

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 846. Л. 15 об.

265

Даль В.И. Толковый словарь Даля. В 4 т. СПб., 1863— 1866.

266

Ауски С.А. Там же.

267

Гофман И. Там же. С. 275—285.

268

Александров К.М. Пражское восстание 5—8 марта 1945 г.: вооруженная борьба и политика // Новый исторический вестник. 2010 г. № 25. С. 38.

269

Марьина В. Кто и как освобождал Прагу. События апреля—мая 1945 года: документы и факты // Столетие. 1 мая 2010 г. Интернет.

270

Карпов В. Полководец. Документальная повесть. М., 1984.

271

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 2360. Л. 48.

272

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 2609. Л. 179.

273

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009 г.

274

Балмасов С, *Трухачев В.* Освобождение Праги от… исторических спекуляций // Интернет. Правда.ру. 10 мая 2010 г.

275

Шимов Я. Там же.

276

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 2013. С. 127, 131—132.

277

Градецкий А., Скалова Д. Прага зовет. М., 1950. С. 46, 47,49—50,51—55.

278

ЦАМО РФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 84. Л. 113.

279

Мезелев Н.А. Шли по чешской земле партизаны. На земле, в небесах и на море. Сборник первый. М., 1979. С.304.

280

Лукницкий П.Н. По дымному следу. Очерки и главы из фронтового дневника. М., 1973. С. 242—248.

281

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 30. Л. 180—182.

282

Якушов М.И. От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 1. М, 2003. С. 415—420.

283

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161—163.

284

Правда. 10 мая 1945 года.

285

Энциклопедия Кольера // Открытое общество. 2000 г. Интернет.